

DK
100
4-88

К. ЧУКОВСКИЙ

ЗАГОВОРИЛИ МОЛЧАВШЕ!

*(АНГЛИЧАНЕ
И ВОЙНА)*

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

Цѣна 1 р.

ПЕТРОГРАДЪ
ИЗД.Т-ВА А.Ф.МАРКСЪ
1916

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ПОЭЗИЯ ГРЯДУЩЕЙ ДЕМОКРАТИИ. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Цѣна 1 р.

ЛИЦА И МАСКИ. Критическіе этюды (Игорь Сѣверянинъ. — Футуристы. — Новыя слова. — Джэдж Лондонъ. — Леонидъ Андреевъ. — Оскаръ Уайльдъ. — З. Гиппиусъ. — Борисъ Зайцевъ. — Гр. Ал. Н. Толстой. — Вс. Гаршинъ. — Мы и они. — Шевченко. — Некрасовъ и модернисты. — Лидія Чарская). Изд. „Шиповника“. Цѣна 1 руб. 50 коп.

КНИГА О СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ. 2-е изд. „Шиповника“. Критич. этюды (М. Горькій. — Вл. Короленко, какъ художникъ. — О. Сологубъ. — Ал. Ремизовъ. — С. Сергѣевъ-Ценскій. — Ал. Бенуа. — В. В. Розановъ. — А. Вербицкая. — Натъ Пинкертонъ и современная литература и т. д.). Цѣна 1 руб. 25 коп.

ОТЪ ЧЕХОВА ДО НАШИХЪ ДНЕЙ. 3-е изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. Мережковский. — Бальмонтъ. — Брюсовъ. — Блокъ. — Арцыбашевъ. — Купринъ. — Семень Юшкевичъ. — Осипъ Дымовъ. — Георгій Чулковъ. — Леонидъ Андреевъ и др. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

НЕКРАСОВЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ И ПОЭТЪ.

МОИ ПРИСТРАСТІЯ. Тайна Мережковского. — Чеховъ и Чеховщина. — Ив. Бунинъ. — Редьярдъ Киплингъ и др.

DK
100
488

К. ЧУКОВСКІЙ

ЗАГОВОРИЛИ МОЛЧАВШІЕ

(АНГЛИЧАНЕ И ВОЙНА)

УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИН. НАР. ПРОСВ. признано заслуживающимъ вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій, равно какъ и бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ, а также подлежащимъ допущенію въ ученическія библиотеки высшихъ начальныхъ училищъ (Журн. Мин. Нар. Просв., декабрь 1915 г.).

ВОЕННЫМЪ МИНИСТЕРСТВОМЪ рекомендовано для чтенія въ частяхъ войскъ, учрежденіяхъ военнаго вѣдомства и лечебныхъ заведеніяхъ („Русскій Инвалидъ“ отъ 30 Декабря 1915 г.).

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

1916
ИЗДАНИЕ Т-ва А. Ф. МАРКСЪ
ПЕТРОГРАДЪ

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

Государств. публичная
Историческая
Библиотека

504162

ОТЪ АВТОРА.

Мы, русскіе интеллигенты, до всякихъ официальныхъ трактатовъ давно уже въ союзѣ съ англичанами: англійская литература, поэзія, живопись, не говоря уже о гениальной англійской гражданственности, чаруютъ насъ магнетически съ юности. Мы съ увлеченіемъ читаемъ Діонео, влюбившаго насъ въ англичанъ, сдѣлавшаго своими статьями и книгами для союза Россіи и Англии больше, чѣмъ всѣ дипломаты.

Но широкіе круги, обыватели, не знаютъ и чуждаются Англии. Они все еще, по старой привычкѣ, перешептываются о „коварномъ Альбїонѣ“. Моя книжка предназначена для нихъ. Оттого она такая примитивная. Задача этой незатѣйливой книжки—привлечь къ англійскому народу симпатіи тѣхъ широкихъ обывательскихъ круговъ, которымъ наша бульварная пресса внушала изъ года въ годъ о британскихъ интригахъ и козняхъ.

Англичане въ послѣднее время наворачиваютъ съ колоссальной энергіей свое прежнее пренебреженіе къ Россіи. Всю эту зиму въ англійскихъ газетахъ я только и читалъ, что о Чеховѣ, о „Мертвыхъ душахъ“, о пушкинской прозѣ, о письмахъ Достоевскаго, о Вл. Соловьевѣ, и даже объ арцыбашевскомъ „Санинѣ“. Даже „Санина“ теперь перевели англичане! А сколько повѣстей изъ русской жизни, о какомъ-то Vassilli Sotnikoff'ѣ,

о какой-то Marie Tarnowska, о Сѣверной Сибири и тундрахъ! Вотъ книга Маріи Сэклоффъ „Жизнеописаніе русскаго ссыльнаго“; вотъ книга Роберта Баумэна „Русская Женщина“ (Lady of Russia),— и какія прекрасныя, глубокія книги о русской музыкѣ, о Глинкѣ и Мусоргскомъ. Вотъ сладостный для русскаго сердца памфлетъ Дж. У. Макэла „Что Россія дала всему міру“, гдѣ сказано столько комплиментарнаго, лестнаго о *русской* геометріи, *русской* ботаникѣ, *русской* зоологіи и проч. Да послужить это примѣромъ для насъ!

Я радъ посвятить мою книжку писательницѣ Зин. Венгеровой, такъ энергично работающей надъ культурнымъ сближеніемъ двухъ націй.

Нѣкоторыя главы этой книжки печатались въ „Русскомъ Словѣ“ и въ „Нивѣ“. Картинки, помѣщаемыя въ ней, заимствованы мною изъ англійскихъ журналовъ „The Sphere“, „The Graphic“, „The Illustrated London News“, „Navy and Army“, „The Sketch“, „The Bystander“ и проч. Рисунокъ на обложкѣ воспроизводится съ книги шотландскаго капитана Р. Кемпбелла „The Private Spud-Tamson“, только-что изданной фирмой Блэквудъ въ Эдинбургѣ.

Нѣтъ ли письма отъ сына?
Рис. Richard Wallace.

I.

СОЛДАТСКІЯ ПИСЬМА.

Читая нынѣшнія солдатскія письма, кто посмѣетъ сказать о солдатахъ: „пушечное мясо“, „святая скотинка“!

Солдатскія письма — созданіе нашей эпохи. Прежніе вѣка ихъ не знали. Не то, чтобы ихъ не было раньше, но раньше они были курьезъ, раритетъ, а теперь—бытовое явленіе.

Дѣло не въ отдѣльномъ солдатскомъ письмѣ, какъ бы ни было оно занимательно, а въ цѣлой Ніагарѣ этихъ писемъ, пускай однообразныхъ, банальныхъ, но зато лившихъ собою весь міръ! Тѣмъ-то и дорого это явле-

не, что оно хоровое, гуртовое, оптовое. Для социолога въ немъ откровение. Для изучателя массовой психики оно—драгоценнѣйшій кладъ. Словно вдругъ распахнулась какая-то дверь, и предъ нами развернулся океанъ. Прежде до насъ долетали только мелкія, случайныя брызги, а теперь онъ весь передъ нами—во всю широту горизонта!

Въ молчаніи, безъ рѣчей, какъ нѣмые, прошли по кровавымъ полямъ ратники московскихъ царей, легионари Цезаря, ландскнехты, конквистадоры, гунны, и вотъ, наконецъ-то, черезъ тысячи лѣтъ, впервые обрѣли они голосъ. Заговорила „святая скотинка“ всѣми милліонами глотокъ!

Исторія сохранила для насъ лишь голоса полководцевъ, ихъ крылатыя слова и приказы, а къ „пушечному мясу“ не прислушивалась, ибо „пушечное мясо“ молчало; теперь же, напротивъ, молчатъ полководцы, окутанные непонимаемой тайной, молчитъ и Китченеръ, и Жоффръ, и Френчъ, но галдятъ, голоса огушительно, какъ на грандіознѣйшей ярмаркѣ, тѣ многомилліонныя сонмища, которыя они ведутъ за собой.

Ихъ голоса—въ этихъ письмахъ, въ замусоленныхъ лоскуточкахъ бумаги, въ каракуляхъ „изъ дѣйствующей арміи“,—голоса уральцевъ, сибиряковъ, сингалезцевъ, шотландскихъ гвардейцевъ, ирландскихъ драгунъ, зуавовъ, казаковъ, бедуиновъ, новозеландцевъ, канадцевъ, чешскихъ и хорватскихъ соколовъ, прусскихъ уланъ, барабанщиковъ, санитаровъ, саперовъ, самокатчиковъ, развѣдчиковъ, летчиковъ,—о, если бы собрать эту груду, всѣ эти лоскутки и клочки, и прислушаться къ ихъ голосамъ,—какой вавилонскій, разноязычный галдежъ, громче самыхъ громкихъ громовъ, раздался бы надъ нашей планетой!

Сколько языковъ и нарѣчій, акцентовъ, жаргоновъ, аргю, но всѣ они кричатъ объ одномъ. Намъ только кажется, что всѣ они разные, голоса о разномъ, по-разному, но у всѣхъ у нихъ паеосъ одинъ. Я вчитываюсь

Французскій солдатъ пишетъ письмо домой.
Рис. Джорджа Скотта. «Illustr. Lond. News».

ваюсь въ эти англійскія письма. Конечно, они разно-голосы и пестры, ибо такъ различны писавшіе ихъ, но всѣ они сливаются въ одно, и если читать ихъ подъ рядъ, сотнями и сотнями сотенъ, то уже не замѣчаешь ни Джонсовъ, ни Джонсоновъ, а видишь одного только автора, и этотъ авторъ—народъ.

Отдѣльныхъ біографій не видишь,—видишь автобіографію націи! Никогда я не ощущалъ такъ отчетливо самую душу британской души, какъ въ этихъ солдат-

Каирскія женщины диктуютъ уличному писцу письма къ своимъ мужьямъ, сражающимся въ Египетской арміи противъ германцевъ.

скихъ каракуляхъ. Даже въ книгахъ Рёскина, Теннисона и Броунинга, даже въ картинахъ Голмана Гента и Уоттса она не выступала предо мной столь явственно.

Нужно только читать эти письма подъ рядъ, огуломъ, безъ разбора, безъ критики, не ища въ нихъ ни эффектовъ, ни сенсаций, смиренно проникаясь ихъ духомъ, и

тогда словно на экранѣ предъ вами возникнетъ коллективное лицо Томми Аткинса, британскаго „рядового Иванова“. Вы поймете, что предъ вами не армія, а *нація, ставшая арміей*; не каста, а *весь народъ*; квинтъ-эссенція народной стихіи, той самой, что породила когда-то Байрона, Нельсона, Кромвеля...

Въ этихъ письмахъ воплощенъ не солдатскій, а народный, всенародный идеаль, который воплощался доселѣ въ коллективныхъ народныхъ созданіяхъ, въ народныхъ пѣсняхъ, легендахъ и сказкахъ.

— Намъ не нужно Гомеровъ и Тассо, мы будемъ сами своими Гомерами!—сказали эти миллионы людей, и миллионами перьевъ на миллионахъ клочковъ пишутъ свою Илиаду.

Говорятъ, эти письма скучны. Но мнѣ и не нужны интересныя. Для біолога всѣ организмы равно любопытны и цѣнны; онъ не отвергнетъ крапивы, оттого что есть орхидеи. Пшеница для него не дороже, чѣмъ плевелы

Письмо на родину.

II.

РУССКІЯ ПИСЬМА И АНГЛІЙСКІЯ.

Жаль, что доселѣ не собраны русскія солдатскія письма. Я увѣренъ, что то коллективное, массовое, сплошное лицо, которое отразилось бы въ нихъ, было бы духовной красоты удивительной. Можетъ-быть, передъ нами явился бы ликъ новаго Платона Каратаева, широчайшій, поэтическій образъ всемужицкой, всеславянской души, а, можетъ-быть, другой, неожиданный, еще святѣе и благостнѣе.

Говорятъ, въ этихъ письмахъ немало прикрасъ, но мнѣ и не нужна ихъ правдивость. Развѣ въ небывальщинѣ народныхъ легендъ, народныхъ мѣоувъ и сказокъ не кроется самая вѣщая правда, передъ которой наша правда житейская есть только ложь и миражъ? Правды о сердцѣ народномъ не заслоняютъ эти солдатскіе мѣоув; напротивъ, ее-то и выявятъ! Въ нихъ-то она скажется лучше всего. Вникните хотя бы въ такое посланіе уральскаго (или донскаго?) казака:

— „Стоимъ на рѣчкѣ Вислѣ, прудимъ ее германцами. Крови, — въ голенища заливаетъ. Вода въ Вислѣ избѣлой стала красной, рудой подплыла. И стала отъ этого Висла называться Нѣманомъ или Германомъ (!). А еще извѣщаю вамъ, дорогіе родители, батенька и маменька, что коня подо мною убили, природнаго нашего Бурчика, и досталъ я себѣ германскаго коня. Конь не плохой, а все... претъ въ Германцію, никакъ не удержишь“...

Письмо отъ сына съ войны.
Рис. А. Э. Микаэля. «Illustr. Lond. News».

Все здѣсь фантастично, раззолочено древне-пѣсеннымъ эпическимъ орнаментомъ: этотъ конь, который рвется въ Германцію; эта Висла, которая сдѣлалась Нѣманомъ,

Вчестъ крещенія аэропланъ
Надъ градомъ носился,
Съ верху бомбами кидаль,
А къ вечеру скрылся

Я конечно пострилялъ,—
Къ сожеленю непопаль.
Письмо ваше прочиталь,
И отвѣтъ вамъ написалъ.

Послѣ Новаго года
Стоитъ хорошая погода
Малограмотенъ—простите,
Некрасиво—извените;

Неизвестный вамъ драгунъ,
Полка 3-го скакунъ,
Новополецъ запасной,
Но вояка неплахой;

Всемъ привѣтъ мой передай
И отвѣтъ сюда мнѣ дай;
Петроградъ весь будь здоровъ.
Драгунъ Владимировъ.

Что новаго, напишите,
Пары двѣ кольсонъ пришлите.

.....

.....

Что новаго о войнѣ,
Пропишите сюда мнѣ.

А мы здѣсь пока деремся,
Каждый день съ германцемъ бьемся
Будь здоровъ весь Петроградъ!—
Я сердечно буду раль.

Монополка прикратилась,
Въ странѣ трезвость заявилась.
Такъ живете вы въ станицѣ,
Во прекрасной во свѣтилицѣ,

И слѣдите за войной,
Переписывайтесь со мной.
Я надѣюсь, побѣдимъ
И вамъ вѣсточку дадимъ

Чувствуется, что этотъ Владимировъ—человѣкъ недере-
венскій, городской, вкусившій отъ плодовъ цивилизаціи.
Но въ большинствѣ эти письма—крестьянскія.

Будущіе Веселовскіе, Потební, Буслаевы, конечно, не
преминутъ приложить къ этой новой всемужицкой пись-
менности тѣ же научные методы, что и къ устному на-
родному творчеству; тогда мы увидимъ воочию, что рус-
скій эпосъ еще не изсякъ, что многіе его ритмы и формы
все еще не изжиты народомъ.

.....

И часто въ основѣ этихъ писемъ лежитъ то несо-
знанное религиозное чувство, которое прорывалось та-
кими вулканами въ творчествѣ нашихъ народнѣйшихъ
геніевъ: та же тревога о совѣсти, о Богѣ, о душѣ, о
праведной, правильной жизни.

.....

Въ письмахъ англійскихъ солдатъ нѣтъ ни апокалип-
сиса, ни былинъ, ни частушекъ. Тамъ Висла не становится
Нѣманомъ, тамъ проза не становится стихами, тамъ не
кланяются Окулынь Мыкитышинь „отъ бѣлаго лыця до
сырой земли“.

Тамъ почти всегда протоколъ: „Такого-то числа, въ
такомъ-то мѣстѣ приключилось то-то и то-то“.

Видно, что вся эта громада людей прошла сквозь фа-
брики, конторы и школы, что вся она впитала въ себя одно-
образный газетный шаблонъ и для выраженія самыхъ не-
бывалыхъ эмоцій располагаетъ лишь готовыми формулами.

Въ то время, какъ безсознательнымъ идеаломъ рус-
скаго солдатскаго письма являются пѣсня, былина, ча-
стушка, безсознательный идеаль Томми Аткинса—газетная
корреспонденція, репортерскій отчетъ, точнѣйшее описа-
ніе факта. Фактъ—для британца все. Въ мірѣ фактовъ
онъ — хозяинъ и царь. Наблюдаетъ онъ ихъ гениально;
описываетъ съ такимъ аппетитомъ и въ то же время
такъ методично, отчетливо, что стѣдитъ только собрать
воедино эти письма британскихъ солдатъ, и получится
классически-точная хроника всѣхъ эпизодовъ кампаніи.

Съ русскими солдатскими письмами это никакъ невозможно. Въ нихъ интересенъ не столько фактической, сколько психологической, бытовой матеріалъ. Факты въ нихъ зыбки и смутны, главное же въ нихъ — „психея“, душа. Въ области психеи мы всѣ виртуозы; не даромъ же психологическій Достоевско-Толстовскій романъ впервые зародился въ Россіи. Въ этомъ, можетъ-быть, наше проклятіе, но, право, у насъ иной гимназистъ, по сложности своей душевной жизни, по изощренности душевного опыта, превзойдетъ всѣхъ Гексли и Спенсеровъ. Тѣ рядомъ съ нимъ какъ-то гениально-наивны, неопытны, простодушны и, при мудрыхъ сѣдинахъ своихъ, юны. Характерно въ письмахъ британскихъ солдатъ отсутствие самонаблюденія, самоанализа; когда собирателямъ английскихъ писемъ понадобилось повѣдать читателю, *что ощущаетъ* солдатъ, впервые попавшій въ огонь, они во всемъ огромномъ своемъ матеріалѣ не нашли почти ни слова объ этомъ. И имъ поневолѣ пришлось обратиться къ письмамъ русскаго рядового Иванова.

Въ одномъ такомъ сборникѣ такъ прямо и сказано:

— „Самый яркій, живой и подробный отчетъ о первыхъ впечатлѣніяхъ подъ адскимъ огнемъ современныхъ баталій данъ русскимъ раненымъ артиллеристомъ въ письмѣ изъ петроградскаго госпиталя“.

Въ другомъ сборникѣ, чуть дѣло дошло до психологій, тоже (поневолѣ!) цитируются *русскія* солдатскія письма.

Тамъ приводятся такія показанія о первыхъ ощущеніяхъ подъ огнемъ:

— „Въ первыя минуты жутковато, но потомъ очень весело, очень хорошо на душѣ. Такое чувство свободы и радости среди ежеминутныхъ смертей!“.

— „Становишься какимъ-то другимъ человѣкомъ,—свидѣтельствуешь второе письмо,—и въ этомъ новомъ состояніи души совершенно легко и естественно дѣлаешь тѣ заурядныя вещи, которыя у васъ называются подвигами“.

И это отнюдь не случайность. Наблюдать надъ собою, надъ своею душой британскій солдатъ не охотникъ. Онъ сверхъестественно зорокъ на внѣшнее,—на факты и факты; онъ изобразить, какъ никто, всѣ мельчайшія детали сраженія: гдѣ стояла какая колонна, и куда она двинулась, и зачѣмъ, и когда; онъ съ бухгалтерской точностью приведетъ вамъ всѣ даты и цифры; но слѣдить за собою, за смѣной своихъ ощущеній, за отгѣнками своихъ настроеній,—это ему неинтересно и чуждо. Русскіе же—безъ „психологій“ ни шагу, самый психологическій народъ во всемъ мірѣ! Самонаблюдатели ярые. Это и въ нашихъ романахъ, и въ каждомъ солдатскомъ письмѣ... Поневолѣ англичанамъ приходится заимствовать такія письма у насъ.

Зато по ихъ письмамъ такъ легко конструировать всю исторію этой грандіозной войны,—для чего, повторяю, совсѣмъ непригодны русскія солдатскія письма.

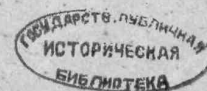
Томми Аткинсъ замѣняетъ теперь англичанамъ упраздненнаго военного корреспондента. Поэтому главное, чего они ждуть отъ него, это подробныя и точныя реляціи о различныхъ боевыхъ эпизодахъ. Изъ этихъ писемъ они жаждутъ узнать, какъ происходило сраженіе подъ Монсомъ, чѣмъ кончилось отступление къ Парижу. Имъ дороже всего *освѣдомительный* характеръ этихъ писемъ; они сами заявляютъ объ этомъ; одинъ лондонскій журналистъ говорить:

„Военные корреспонденты устарѣли, прежде чѣмъ успѣли состариться. Проволочный телеграфъ ихъ создалъ, а беспроводный — ихъ уничтожилъ. Конечно, было очень пріятно получать съ такой быстротой самыя свѣжія новости, но непріятель, перехвативъ ихъ своимъ аппаратомъ, прочтетъ ихъ еще раньше, чѣмъ вы, и вывѣдаетъ все, что ему нужно, о вашихъ силахъ и стратегическихъ планахъ.“

„По этимъ-то причинамъ наши арміи отпавились на эту величайшую въ мірѣ войну—безъ единаго военнаго корреспондента, словно это не баталія двадцатаго вѣка,

К. Чуковский. „Заговорили молчавшіе“

504162

а средневѣковый крестовый походъ. И когда будущій историкъ задумаетъ запечатлѣть для потомства тотъ героическій эпосъ, который теперь потрясаетъ Европу, онъ не найдетъ никакихъ матеріаловъ, кромѣ сухихъ официальныхъ отчетовъ да тѣхъ свѣдѣній, которыя добыты газетчиками у бѣженцевъ и раненыхъ солдатъ.

„Впрочемъ, есть и еще матеріаль, драгоцѣннѣйшій: письма, писанныя самими солдатами своимъ близкимъ съ поля сраженія. Этими письмами вполне искупается отсутствіе профессиональныхъ корреспондентовъ“.

Ясно, что, въ глазахъ англичанина, эти солдатскія письма составляютъ какъ бы нѣкій придатокъ къ „сухимъ официальнымъ отчетамъ“, къ газетнымъ репортерскимъ сообщеніямъ.

Въ „Times“, напримѣръ, выбираются наиболѣе литературныя письма, написанныя такой умѣлой и бойкой рукой, что подумаешь, это рука журналиста. Главное въ нихъ—информація, о чемъ и говорятъ ихъ заглавія: „Битва подъ Санъ-Жульеномъ“, „Наступленіе на Ипръ“, „Ночная атака канадцевъ“. Въ послѣднихъ книжкахъ шотландскаго „Blackwood's Magazine“ печатается цѣлая повѣсть „Приключенія одного вѣстового“,—сплошь составленная изъ солдатскихъ писемъ. Соберемъ же эти англійскія письма изъ разныхъ книжекъ, газетъ и брошюръ и попробуемъ иллюстрировать ими нѣкоторые эпизоды кампаніи. Тотъ великій героическій духъ, который скрывается въ нихъ, скажется попутно, самъ собою.

Начнемъ съ самыхъ первыхъ шаговъ: съ прибытія англичанъ на континентъ.

III.

НАВСТРѢЧУ ВРАГУ.

„Первая ваша задача—истребить коварныхъ англичанъ, раздавить маленькую презрѣнную армию генерала Френча. Сосредоточьте на этой единственной цѣли все свое военное искусство и всю доблесть своихъ солдатъ. Это нужно сдѣлать немедленно. Таковъ мой императорскій приказъ“.

Когда кайзеръ подписывалъ эту бумагу, Томми Аткинсъ*), не подозрѣвая о грозящей напасти, беззаботно шагаль по дорогѣ на передовыя позиціи и въ великолѣпномъ расположеніи духа напѣвалъ свою любимую пѣсню:

Далеко до Типперери,
Далеко!

Въ карманѣ у него былъ напутственный приказъ лорда Китченера, въ коемъ коротко и ясно исчислялись всѣ обязанности британскаго воина: „не робѣй, не будь

*) Повторяю, такъ называютъ британцы солдата. Откуда взялось это прозвище? Рассказываютъ, что во время покоренія Индіи, у воротъ одного индусскаго города стоялъ британскій часовой Томми Аткинсъ. Непрѣтель въ огромномъ количествѣ наступалъ на городъ. Аткинсу былъ посланъ приказъ оставить постъ и присоединиться къ отступавшей британской части. Приказъ не дошелъ въ-время, и Томми остался на посту, предъ лицомъ неминуемой смерти. Имя героя увѣковѣчено народной молвой и стало нарицательнымъ именемъ каждаго британскаго soldier'a.— Настоящая глава этихъ очерковъ скомпонована по книжкѣ Кильпатрика „Tommy Atkins“. Остальныя представляютъ собою вполне самостоятельный трудъ.

трусомъ, будь добрѣ и вѣжливѣ къ женщинамъ (но только вѣжливѣ, не больше!) и помни, что мародерство — позоръ“.

Вереницами пересѣкая Ламаншъ, британскія суда непрерывно доставляли къ берегамъ континента „ничтожную армию“ сэра Джона Френча, а хваленый германскій флотъ, не въ силахъ воспрепятствовать имъ, безславно скрывался вдали, въ безопасности собственныхъ гаваней.

Транспорты, перевозящіе англійскія войска по Сенѣ къ Руану.

Все произошло очень быстро. Сто десять тысячъ англійскихъ солдатъ вступили на почву Франціи. Томми Аткинсъ очутился въ Булони. Онъ идетъ на передовыя позиціи. Если родина, соблюдая военную тайну, не устроила ему торжественныхъ проводовъ, то чужбина встрѣтила его такъ горячо и сердечно, что онъ былъ ошеломленъ и польщенъ. Французы и бельгійцы привѣтствовали въ немъ своего избавителя и на каждомъ шагу изъявляли свою благодарность.

Жители Булони привѣтствуютъ англійскія войска.
Рис. Ф. Матањи. «The Sphere».

Въ Булонь прибывалъ транспортъ за транспортомъ; полкъ за полкомъ вступалъ на берегъ. Экстазъ населенія росъ. Съ пѣснями, со свистомъ и съ шутками проходили британскія войска по узкимъ улицамъ стараго города, махая фуражками женщинамъ, посылая поцѣлуи дѣтворѣ. Ихъ галантное обращеніе и веселыя лица возбуждали къ нимъ глубокое чувство пріязни, и въ толпѣ повторялось не разъ: „какъ весело идутъ они на-смерть“.

Шотландская волюнка такъ странно звучала на улицахъ стараго города. Странно было видѣть британцевъ,

которые поютъ марсельезу. Но страннѣе всего для французскаго уха звучалъ новый воинственный кличъ, привезенный изъ-за моря англичанами:

— Неужели мы пали духомъ? — громко произносить одинъ.

— Нѣ-ѣ-ѣтъ!! — оглушительно отвѣчаетъ весь полкъ.

Этимъ „нѣ-ѣ-ѣтъ“ они замѣнили „ура“, съ которымъ прежде бросались въ атаку.

И всѣхъ удивляла другая новинка, которую Аткинсъ уже успѣлъ обезсмертить: дотолѣ малоизвѣстная походная пѣсня:

Далеко до Типперери,
Далеко!
Разставаться съ милой Мери
Не легко!

„Прощай же, Пиккадили, — говорится въ этой пѣснѣ дальше, — прощайте, милыя улицы Лондона! Типперери далеко, но сердце мое тамъ“.

Типперери.
Картина Джона Долмана (Лондонская Академич. Выставка 1915 г.).

Типперери въ началѣ войны стало въ Англии популярнѣйшимъ словомъ. На каждомъ шагу встрѣчались бисквиты Типперери, шоколадъ Типперери, воротнички Типперери. Даже общество для вспоможенія воинамъ окрестило себя этимъ именемъ *).

Сплошнымъ празднествомъ было шествіе британскихъ солдатъ къ полю битвы. Въ письмѣ, опубликованномъ въ газетѣ „Times“, одинъ артиллерійскій офицеръ такъ описываетъ этотъ памятный путь:

— „Встрѣча была изумительная. Насъ забросали цвѣтами. Какое-то триумфальное шествіе! Въ деревняхъ вдоль дорогъ и на всѣхъ перекресткахъ женщины, мужчины и дѣти съ энтузіазмомъ привѣтствуютъ насъ. Каждый жаждетъ дать намъ что-нибудь, сдѣлать намъ какой-нибудь подарокъ. Они срываютъ въ своихъ садахъ всѣ цвѣты и такъ украсили наши моторы, будто теперь карнавалъ. Они заваливаютъ насъ шоколадомъ, папиросами, фруктами, хлѣбомъ, — всякой всячиной, всего не опишешь. Вчера я задержался въ одномъ городишкѣ: нужно было купить керосину; сразу собралось человѣкъ двѣсти, совали мнѣ какіе-то альбомчики, просили дать автографъ — хоть нѣсколько словъ. Просто помраченіе какое-то! Въ другомъ городкѣ я остановился на часъ сдѣлать кое-какія покупки. Мнѣ нужны были автомобильныя очки, ванночка для промыванія глазъ, склянка борной и кое-что изъ провизіи. Все это дали мнѣ даромъ, не позволили заплатить ни сантима; а выпивка и закуска своимъ чередомъ! И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Что же будетъ, когда кончится война!“

— „Вы бы посмотрѣли на нихъ! — пишетъ одинъ рядовой легкой Йоркширской пѣхоты. — Они просто ошалѣли отъ радости. Жаль, что мы не понимаемъ ихъ словъ. Чуть мы перешли за бельгійскій рубежъ, мы увидѣли большую толпу. Надъ нею развѣвался нашъ флагъ, на которомъ было начертано: „Да здравствуютъ товарищи-“

*) Пѣсня о Типперери — ирландская. Въ Ирландіи есть мѣстность, носящая названіе Типперери.

Томми Аткинсъ учить французовъ своей любимой пѣснѣ „Типперери“.
Рис. А. Э. Микаэля. «Illustr. Lond. News».

Привѣтъ союзникамъ! Французское населеніе встрѣчаетъ англійскихъ солдатъ.

британцы! Бельгийцы рады отдать намъ послѣднее: срываютъ съ кроватей простыни и дѣлаютъ для насъ утиральники“.

Другіе солдаты рассказываютъ, какъ, маршируя по улицамъ, они были осаждаемы французскими дѣвушками, которыя, идя съ ними объ руку, отрывали себѣ на память отъ ихъ мундировъ и куртокъ ленточки и солдатскія пуговицы.

Англійскіе солдаты въ Булони. Энтузіастки-француженки выпрашиваютъ у англичанъ сувениры. (Съ фот.)
«Вѣрные приказу лорда Китченера, — говоритъ очевидецъ, — солдаты не позволили себѣ ни одного грубаго слова, ни одной двусмысленной шутки. Лордъ Китченеръ былъ бы радъ, если бы видѣлъ ихъ тамъ».

Экспансивность французскихъ овацій росла, и Томми началъ смущаться, конфузиться, даже отчасти сердиться. Онъ былъ немного шокированъ. По какому поводу шумъ? И къ чему эти поцѣлуи, букеты, истерики? Наконецъ онъ не выдержалъ, и у него сорвалось:

— „Здѣшнія дѣвушки — настоящая казнь египетская! — читаемъ въ одномъ солдатскомъ письмѣ. — Какъ

только мы входимъ въ деревню, онѣ подбѣгаютъ къ намъ съ обѣихъ сторонъ, потчуютъ шоколадомъ, виснутъ на рукахъ и не отстаютъ до тѣхъ поръ, пока не раздашь имъ на сувениры пуговицы, ленточки, картинки отъ папиросъ, — словомъ, все, что имѣешь. Сержантъ сердится, что не въ ногу идешь, а что же мы можемъ подѣлать“ *).

Но это ворчаніе Аткинса—больше для виду, для поддержания престижа, а въ душѣ ему пріятно и лестно. Онъ былъ бы радъ съ головой окунуться въ эту уютную атмосферу любви. Идя на-смерть, онъ тѣшилъ себя, какъ ребенокъ, подарками, сладостями и лакомствами.

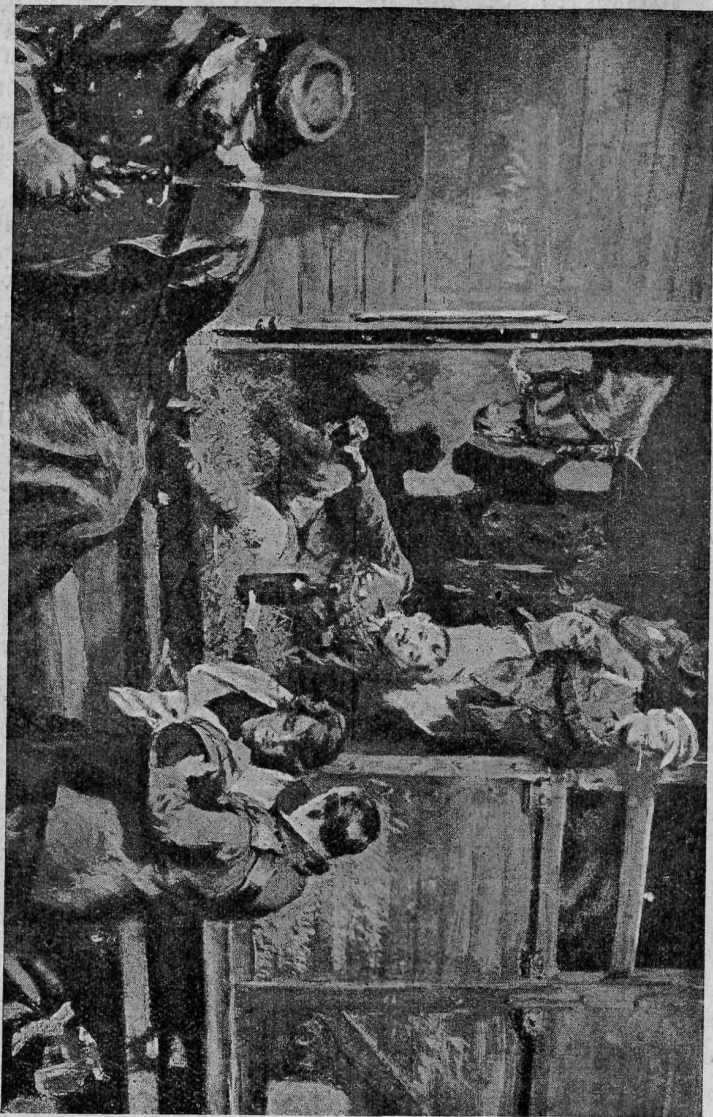
— „Сейчасъ я квартирую на фермѣ, — благодушно повѣствуетъ одинъ. — Сплю въ самой лучшей спальнѣ, пью сидръ, кофе, коньякъ, объѣдаюсь яблоками, сливами, отличнымъ домашнимъ сыромъ, — и не плачу ни-

Томми Аткинсъ во Франціи, — какъ дома.
Рис. Frédéric de Haenen. «The Illustr. War News».

*) Заимствую это письмо изъ статьи Ст. Вольскаго, которая тоже основана на англійскихъ письмахъ съ войны. „Ежемѣс. Журн.“ 1915, I.

Французскія дѣвочки, даряща англійскимъ солдатамъ фрукты, вино, дѣтскія и такъ настоячно выпрашивающія у нихъ сувениры, что бѣднѣе рюкзакъ или сумочку доводятъ до изнеможения.

чего!.. Милая сторонка эта Франція! Хорошо бы завести здѣсь хозяйство. Все такъ и претъ изъ земли. Климатъ—одно удовольствіе! Похоже на Ирландію, но въ десять разъ лучше!“

И онъ добавляетъ съ печалью:

— „Жаль, что такую милую землю нѣмцы разорили и испакостили!“ (John Adcock. „Stories of the War“, p.p. 136—137).

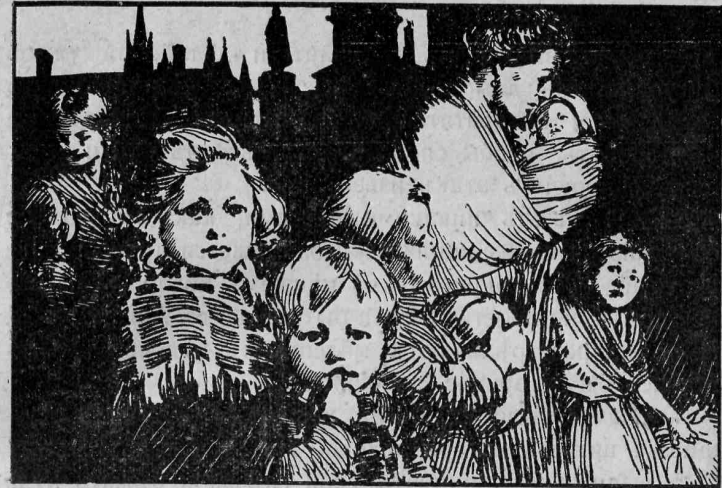
Но кончился праздничный путь. Томми Аткинсъ въ боевомъ огнѣ. Ему данъ приказъ отступить. Въ эти черные дни англичане проявили столько самоотверженія и рыцарства, что ихъ боготворили вездѣ, гдѣ только они ни являлись.

Нѣкоторыя тогдашнія письма изображаютъ печальными красками жалкихъ измученныхъ бѣженцевъ, которые,

Британскій Синій Крестъ для ухода за ранеными лошадьми. Лошади, раненыя на полѣ сраженія, вызываютъ среди англичанъ такія же заботы, какъ и люди. Въ Лондонѣ организовано специальное общество для ухода за лошадьми. Нерѣдко съ опасностью для собственной жизни члены общества спасаютъ пострадавшихъ животныхъ. Убитыхъ лошадей они сжигаютъ, смертельно раненыхъ тутъ же пристрѣливаютъ. Называется общество—Синій Крестъ. Госпитали Синяго Креста разбѣяны теперь по всей Франціи.

заслышавъ о приближеніи нѣмцевъ, испепеляющихъ на своемъ пути всю страну, покинули родные очаги. „Это такъ обидно и горько, что невозможно удержаться отъ слезъ“, — читаемъ въ одномъ солдатскомъ письмѣ. Не разъ въ этихъ письмахъ рассказывается, какъ солдаты отдавали свой паёкъ голодающимъ и таскали ихъ дѣтей на плечахъ, чтобы изнемогшія матери, бѣгущія изъ родныхъ городовъ, не упали тутъ же на дорогѣ. „Мучительно было видѣть, какъ горятъ крестьянскіе дома, — читаемъ въ письмѣ офицера, — но зрѣлище женщинъ и дѣтей, бѣгущихъ отъ нѣмцевъ, просто разрывало намъ сердце. Бѣдные — они не знали, куда итти и чтѣ дѣлать. Многіе солдаты въ моемъ полку плакали, глядя на нихъ... Мы взяли у женщинъ узлы и волокли ихъ на себѣ до привала“.

IV.

ДѢТИ И ЖЕНЩИНЫ.

Состраданіе къ дѣтямъ и женщинамъ — характерная черта этихъ писемъ. Извѣстно, что при всѣхъ катастрофахъ, кораблекрушеніяхъ, пожарахъ британцы добровольно тонули, сгорали, лишь бы спаслись дѣти и женщины. У нихъ это стало инстинктомъ. „Дѣти и женщины“, — *women and children*, — для нихъ священное слово. И никакія жестокости этой жестокой войны не внушаютъ англійскимъ солдатамъ столько отвращенія и ужаса, какъ бѣдствія женъ, матерей и сиротъ, пострадавшихъ отъ нашествія нѣмцевъ. Даже собственныя раны и муки не такъ удручаютъ ихъ. Великолѣпно звучитъ эта фраза въ письмѣ сержанта Джо Барбера:

— „Нѣмцы кидаютъ съ аэроплановъ гранаты, но, къ сожалѣнію, попадаютъ не въ насъ, а все больше въ женщинъ и дѣтей“. („Daily News“, 16 ноября 1914).

Одинъ раненый пишетъ о себѣ мимоходомъ: — „Кажется, мнѣ отрѣжутъ два пальца; въ четвергъ у меня вынули двѣ пули“. Но не это занимаетъ его, главная его мука такая:

— „Страшно видѣть женщинъ и дѣтей, въ ужасѣ бѣгущихъ изъ домовъ, которые черезъ минуту будутъ взорваны и превратятся въ развалины! Поскорѣе бы выздоровѣть, чтобы снова отправиться въ бой и хоршенько проучить этихъ изверговъ“.

— „Не сказать никакими словами, какъ гнусно они обращаются съ женщинами!—возмущается другой, тоже раненый.—Это покроетъ ихъ вѣчнымъ позоромъ. Этого не забыть, не простить. Если бы только въ Англии знали, какъ они разстрѣливаютъ маленькихъ дѣвочекъ, — всѣ взялись бы за оружіе, до одинаго!“

— „Вамъ было бы очень жалко бельгійскихъ женщинъ,—пишетъ матери рядовой Робертъ Робертсонъ.—Онѣ вынуждены покидать свои гнѣзда и бѣжать куда глаза глядятъ. Дѣти цѣпляются за материнскія юбки. Вчера мы наткнулись на ужасную вещь: женщина, сейчасъ послѣ родовъ, бѣжала изъ дому вмѣстѣ съ младенцемъ. Младенца оторвали у нея отъ груди и ту грудь, которую онъ сосалъ, отрубили! Вслѣдъ за этимъ, на глазахъ у несчастной, проткнули ребенка штыкомъ. Мы ухаживали за ней, какъ умѣли, но, рассказавъ намъ о своихъ испытаніяхъ, она черезъ шесть часовъ умерла“ *).

О такомъ же лютомъ палачествѣ повѣствуетъ другое письмо, полученное отъ рядового артиллерійской бригады W. Palfrey:

— „Ахъ, какіе ужасы я видѣлъ! Эти безбожные, безчеловѣчные звѣри обезчестили пятнадцатилѣтнюю дѣвочку и прибили ее гвоздями къ стѣнѣ, какъ распятые, исполосовавъ ея тѣло ножомъ. Это я видѣлъ своими глазами“... („Daily News“, 9 дек. 1914).

Мудрено ли, что каждый англійскій солдатъ чувствуетъ себя рыцаремъ, защитникомъ слабыхъ и сирыхъ, отмстителемъ за невинно-поруганныхъ! Вѣдь каждый изъ нихъ — волонтеръ: добровольно пришелъ изъ-за моря

*) „In the Firing Line“. Stories of the War by Land and Sea. By A. St. John Adcock. Hodder and Stoughton. London, p.p. 32, 57.

помогать, выручать, защищать! И гдѣ только слышится вопль о помощи, они самозабвенно несутся туда. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуешь рассказъ раненаго ефрейтора Тэннера:

— „Мы были въ бою весь день и къ вечеру мечтали объ отдыхѣ, когда дошелъ до насъ слухъ, что въ деревушкѣ Дуэ (Douai), въ нѣсколькихъ миляхъ отъ насъ, нѣмцы напали на жителей. Въ потемкахъ, по незнакомымъ мѣстамъ, кинулись мы тотчасъ туда. Насъ могли окружить каждый мигъ, нѣмцы кишѣли повсюду, но, конечно, мы думали только о томъ, чтобы спасти женщинъ и дѣтей... Когда мы вошли въ Дуэ, жители намъ рассказали, что сдѣлали съ ними враги. Они уже успѣли зарѣзать нѣсколькихъ ребятишекъ и женщинъ. Мы завинтили штыки и побѣжали на выручку. Слѣды погрома бросались въ глаза. Заслышавъ о нашемъ прибытіи, нѣмцы убѣжали кто куда, а тѣ, что остались въ деревнѣ, попрятались по темнымъ угламъ. Мы обшарили всѣ дома, чердаки, всюду находили враговъ. Многие изъ нихъ сопротивлялись, но многие сдались добровольно“. (John Adcock, p. 66).

Въ другомъ письмѣ точно также рассказывается, какъ ирландскимъ стрѣлкамъ удалось защитить трехъ женщинъ отъ нѣмцевъ. Ирландцы, въ количествѣ восьми человекъ, отправились на ночную развѣдку. Въѣхали въ деревню, видятъ: свѣтъ. Заглянули въ окно: полупьяные нѣмцы сидятъ за полупустыми бутылками; офицеръ взобрался на каминъ, а солдаты окружаютъ двухъ дѣвушекъ и какую-то старую женщину.

— „Мы поняли ихъ гнусные замыслы,—пишетъ ирландскій развѣдчикъ,—и, ворвавшись въ комнату, предупредили злодѣйство. Нѣмцы были жестоко наказаны“. („Daily News“, 13 окт. 1914).

Лордъ Китченеръ внушалъ своимъ солдатамъ: „будьте неизмѣнно учтивы, благожелательны, добры“, и эти качества, не меньше, чѣмъ солдатская храбрость, всегда будутъ связаны съ именемъ Аткинса въ памяти французовъ

Иллюстрація къ письму ирландскаго развѣдчика: ...«полупьяные нѣмцы сидятъ за полупустыми бутылками; офицеръ взобрался на каминъ, а солдаты окружаютъ двухъ дѣвушекъ и какую-то старую женщину. Мы поняли ихъ замыслы и, ворвавшись въ комнату, предупредили злодѣйство».

и бельгийцевъ. Высокая, благородная миссія, возложенная на британскихъ солдатъ, придавала ихъ дѣяніямъ во Франціи и Бельгіи характеръ идеалистическій, рыцарскій. Въ этомъ величайшій залогъ ихъ побѣды. Какъ имъ горько, что ихъ противникъ не обладаетъ такимъ же рыцарскимъ духомъ!

—„Подобныхъ изверговъ я еще никогда не видалъ,— пишетъ своимъ роднымъ рядовой Джемсъ Скоттъ.—Ихъ

„...Прячась за спиною у женщинъ, они осыпаютъ насъ пулями, зная, что отвѣчать мы не станемъ“...
Рис. Э. Матаньи. «The Spheres».

конница гонить по улицамъ Монса женщинъ и дѣтей, чтобы мы не стрѣляли въ нее“. (Adcock, p. 50).

О томъ же сообщаетъ саперъ Джорджъ Брайантъ въ письмѣ къ своему отцу:

—„Сердце разрывается при взглядѣ на французскихъ женщинъ и дѣтей. Нѣмцы выгоняютъ ихъ штыками изъ всѣхъ лачугъ и домовъ, гонятъ предъ собою по улицамъ. Прячась за спиною у женщинъ, они осыпаютъ насъ пулями, зная, что отвѣчать мы не станемъ“.

V.

АНГЛІЙСКІЕ СОЛДАТЫ О ВРАГѢ.

Разказами о такъ называемыхъ звѣрствахъ буквально кишатъ письма англійскихъ солдатъ. Въ нихъ ежеминутно мелькаетъ: „отрѣзали руку у плѣннаго“, „раненаго сожгли на кострѣ“, „прокололи младенца штыкомъ“... Вотъ еще одно письмо о несчастной, у которой отрѣзали грудь:

—„Бѣдная дѣвушка, она скоро умретъ... Я радъ, что пристрѣлили того улана, который совершилъ эту подлость“.

Огромное множество писемъ сообщаетъ о пальбѣ по лазаретамъ:

—„Эти дьяволы не пощадили даже госпиталя, хотя надъ нимъ развѣвался огромнѣйшій флагъ съ огромнѣйшимъ краснымъ крестомъ“,—возмущается рядовой Смайли.

—„Неподалеку стояла церковь, служившая намъ лазаретомъ,—разсказываетъ рядовой Г. Мугриджъ.—Раненыхъ туда доставляли десятками. Но нѣмцы взорвали ее“.

—„Во Франціи я побывалъ въ четырехъ лазаретахъ, но изъ каждаго меня увозили, такъ какъ нѣмцы палили по нимъ“,—пишетъ рядовой Джорджъ Дентонъ.

Драгоцѣнно отмѣтить, что все же британскіе солдаты пытаются оправдать непріятеля. Кавалеристъ Джонъ Дегласъ твердитъ:

—„Нѣмецкіе солдаты и рады бы честно сражаться, да офицеры принуждаютъ ихъ силою къ обманамъ и звѣрской жестокости. Виноваты во всемъ ихъ офицеры. Сами же они ни при чемъ“.

Въ этомъ увѣрилъ Дегласа одинъ плѣнный нѣмецкій солдатъ.

— „Они пуще смерти боятся своихъ офицеровъ и ненавидятъ ихъ, какъ злую отраву“, — добавляетъ рядовой Мартинъ Кинъ. Въ письмѣ батарейнаго Вильяма Лика высказывается такое же мнѣніе: „Виноваты во всемъ офицеры. Они морочатъ своихъ несчастныхъ солдатъ, брешутъ имъ о нѣмецкихъ побѣдахъ. Солдаты же — извѣстно, бараны; куда ихъ погонятъ, туда и бѣгутъ“.

Что особенно возмущаетъ британцевъ—это безчестные приемы противника. Имъ ненавистно, какъ истымъ спортсменамъ, всякое шулерство и мошенничество въ той грандіозной *игрѣ*, которая ведется теперь. Они жаждутъ открытаго и честнаго боя. Въдъ они привыкли, чтобы всѣ состязанія, будь то Дерби, футболъ или боксъ, велись безъ обмана, открыто. Съ презрѣніемъ отзывается Аткинсъ объ ухищреніяхъ враговъ. „Ахъ, сколько среди нихъ негодяевъ! — пишетъ гвардеецъ Рирдонъ *). — Какъ-то утромъ нарядились въ англійскіе мундиры и кричатъ: „Не стрѣляйте, мы — штабъ!“ А сами какъ пошли въ насъ палить. Ну жъ и получили они сдачи! Цѣлыя тонны свинца!“

О такой же низкопробной стратегіи нѣмцевъ сообщаетъ лейтенантъ Освальдъ Эннъ въ письмахъ къ своему отцу:

— „Нѣмцы пробрались къ намъ во французскихъ мундирахъ и говорятъ, что имъ крайне нужно поговорить съ офицеромъ. Къ нимъ вышелъ майоръ девонширской бригады, умѣвшій говорить по-французски. А они его — хлопъ, наповаль!“

Въ томъ же письмѣ мы читаемъ:

— „Нѣмцы нарядились въ англійскую форму, размѣстились неподалеку отъ насъ, въ той же улицѣ, и, установивъ на окнахъ пулеметы, стали осыпать насъ шрапнелью“. (John Adcock, p.p. 133—134).

*) „Stories of the War“, by A. St. John Adcock, p.p. 30, 116, 139, 154.

Германская стратегія.
Нѣмецкій генералъ нѣмецкому солдату, надѣвшему шотландскую тунику:
— Пой Типперери, и никто не узнаетъ, что ты нѣмецъ.
Шаржъ англ. художника Рейнольдса.

Очевидно, эта шулерская стратегія вошла въ нравы германскихъ воителей, ибо безконечное множество писемъ упоминаетъ о ней.

— „Нѣмцы попрежнему жульничаютъ, — пишетъ батареинный Вильямъ Клэфъ. — Вчера ночью подбѣжали къ французскимъ окопамъ и кричатъ, что они англичане, изъ нашего кольдстримскаго полка. Но французы узнали нѣмецкій акцентъ и не пожалѣли патроновъ“.

Англійскіе солдаты повторяютъ съ великолѣпною гордостью, что сами они никогда не унизятся до подобныхъ безчестныхъ пріемовъ. Здѣсь столкновение двухъ нравственныхъ принциповъ, двухъ національныхъ моралей. Коварство, предательство, всякіе задніе умыслы чужды британской душѣ. Honesty is the best policy, — такова британская народная мудрость. Нигдѣ въ Европѣ не смотрятъ на лжеца съ такимъ омерзѣніемъ, какъ въ Англии. Школьникъ, который солжетъ, хотя бы въ пустякѣ, хотя бы въ шутку, бойкотируется своими товарищами. Культъ правдивости — основная черта національнаго воспитанія въ Англии. Свободнымъ и сильнымъ людямъ противны уловки, подвохи и козни.

— „Нѣмцы потеряли мое уваженіе навѣки, — сокрушается лейтенантъ О. Эджкомъ. — У нихъ никакого кодекса чести“.

Это чувство раздѣляется многими. Англія хотѣла бы сражаться съ противникомъ, болѣе достойнымъ ея. Ей грустно, что она не можетъ его уважать. Рыцарю для поединка нуженъ рыцарь. Какъ возмущается какой-то капраль Леонардъ, что германцы въ своихъ амбулаторныхъ повозкахъ, украшенныхъ краснымъ крестомъ, перевозятъ пулеметы и ружья. „Вы только подумайте, мамаша! Этого не сдѣлали бъ и негры!“ — восклицаетъ онъ въ письмѣ къ своей матери. Ему положительно стыдно за нихъ. Гдѣ же у этихъ людей благородство! Выкидываютъ бѣлые флаги, кричатъ, что сдаются, просятъ пощадить, не стрѣлять, а когда британцы, повѣривъ ихъ бѣлому флагу, приближаются, чтобы взять ихъ въ

Пальба по санитарамъ и раненымъ.

плѣнъ, они внезапно открываютъ огонь и предательски убиваютъ довѣрчивыхъ!

— „Я былъ раненъ. Нѣмцы нашли меня въ полѣ. Сражаться я не могъ, пришлось сдаться. Я заявилъ, что сдаюсь и вручилъ имъ мой револьверъ. А они изъ

Переодѣтые нѣмцы стрѣляютъ въ англійскихъ солдатъ. Рядовой Гартонъ повѣствуетъ объ этомъ такъ: «Нѣмцы заняли небольшую деревушку неподалеку отъ нашихъ окоповъ. Намъ, какъ передовому отряду бригады, было приказано войти въ нее. Мы прошли ее всю безпрепятственно; лишь пустые ящики да трупы лежали на нашемъ пути. Вдругъ въ концѣ улицы, неизвѣстно откуда, появились челоуѣкъ семьдесятъ нашихъ, одѣтыхъ въ такія же *шакли*, какъ мы. Мы кричимъ имъ: *держитесь! мы идемъ вамъ на помощь!*—вдругъ они поворачиваются и осыпаютъ насъ пулями. То были переодѣтые нѣмцы!»

моего же револьвера неожиданно — бацъ въ меня! Подумали, что я убитъ, и ушли»

Это рассказывается въ письмѣ капитана Роффи („Atkins at War“, by Kilpatrick, p. 107), и, къ сожалѣнію, такіе рассказы стали уже трафаретными. Въ самомъ разгарѣ боя вдругъ слышится сигналъ: „отступить!“ Англичане отступаютъ, прекращаютъ стрѣльбу, и лишь потомъ узнаютъ, что были обмануты нѣмцами: сигналъ исходилъ отъ нихъ. Ихъ трубачи имитировали звуки британской трубы!

Все это для британцевъ сюрпризъ.—„Кто бы могъ раньше подумать!“—повторяютъ они въ тысячѣ писемъ. Зато какъ они искренно рады, когда имъ случается встрѣтить въ противникѣ хоть каплю благородства и мужества. Сказать о врагѣ „молодецъ!“ они не считаютъ зазорнымъ. Матросы, совершившіе знаменитый набѣгъ на Гельголандскую бухту, отмѣчаютъ съ похвалой каждый смѣлый поступокъ германцевъ. Мужество, геройство, отвага обладаютъ въ глазахъ англичанъ особой эстетической прелестью. Кто бы эти качества ни обнаружилъ, другъ или недругъ, чужой или свой, — англичане одинаково восхищаются ими. Замалчивать доблестныя дѣянія врага они считали бы величайшимъ позоромъ. Есть что-то величавое въ той откровенности и смѣлой безкорыстной прямотѣ, съ которой британцы во всеулышаніе хвалятъ малѣйшія достоинства германцевъ:

— „Они были молодцами, ей-Богу, и дрались до послѣдней минуты“, — пишетъ о германскихъ матросахъ британскій матросъ Джонъ Диггетъ. („In the Firing Line“, p. 101).

— „Нѣмцы молодцы, дрались отлично!“—восклицаетъ мичманъ Гартлей. (Тамъ же, стр. 94).

— „Ну жъ и дисциплина у нихъ!— пишетъ кавалеристъ Э. Тегвелль.—Падаютъ, какъ статуи, и все же ни съ мѣста. Приказано стоять, они стоятъ“.

Съ той же откровенной прямотой англичане неуклонно привѣтствуютъ всякое проявленіе гуманности, замѣченное ими у врага. Членъ парламента лейтенантъ Обри Гер-

берть, побывавший въ нѣмецкомъ плѣну и пролежавшій 11 дней въ нѣмецкомъ полевомъ лазаретѣ, пишетъ своимъ роднымъ въ Сомерсетъ:

— „По совѣсти долженъ сказать, что, какъ пруссаки, такъ равно и баварцы, всѣ, безъ различія чина, относились къ намъ хорошо и сердечно“. („Daily News“, 17 окт. 1914).

Лейтенантъ Г. Г. Эрвинъ говоритъ то же самое. Его письмо напечатано въ книжкѣ г. Кильпатрика „Томми Аткинсъ на полѣ сраженія“, на которую я уже неоднократно ссылаюсь. Въ той же книжкѣ приводится такое свидѣтельство одного капитана-ирландца:

— „И за кронпринцемъ не лучше ухаживаютъ, чѣмъ ухаживали нѣмцы за мною, когда я лежалъ у нихъ въ госпиталь“ (стр. 108).

Слѣдуетъ однако отмѣтить, что такое прекрасное обхожденіе съ плѣнными распространяется далеко не на всѣхъ. О немъ больше всего повѣствуютъ лейтенанты, капитаны, полковники. Нижніе чины британской арміи рассказываютъ совершенно другое, хотя и они не склонны огульно обвинять всѣхъ германцевъ. „Попадаются и нѣмцы хорошіе, — настаиваетъ гвардеецъ Рирдонъ. — Какъ-то ночью они намъ кричатъ: „Гвардейцы, подберите вашихъ раненыхъ!“ Мы пошли подбирать, а они — хоть бы выстрѣлъ! Это очень благородно, не правда ли?“

О такомъ же благородномъ поступкѣ врага рассказываетъ въ одной изъ своихъ телеграммъ британскій главнокомандующій сэръ Джонъ Френчъ. Въ самомъ началѣ войны одинъ изъ французскихъ отрядовъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріателемъ и все же отказавшійся сдаться, былъ весь немилосердно истребленъ; уцѣлѣли только двое, и то ранены. Они должны были бросить оружіе, но нѣмецкій офицеръ, изъ уваженія къ героямъ, не только оставилъ оружіе при нихъ, но и попросилъ позволенія пожать у одного изъ нихъ руку.

Британцы живо почувствовали всю красоту этой сцены. Множество англійскихъ художниковъ запечатлѣли ее.

Нѣмецкій офицеръ пожимаетъ руку раненому и плѣнному врагу.

Она стала одной изъ самыхъ популярныхъ военныхъ картинъ во всей Англійи. Поле усыяно трупами. Раненый французскій офицеръ безпомощно простертъ на носилкахъ; къ нему порывисто подходитъ тевтонъ и, къ изумленію всѣхъ, почтительно жметъ ему руку! Ничего, что этотъ тевтонъ есть тевтонъ, англичане рады признать его доблесть, рады громко прославить его, Ниже мы прочтемъ въ солдатскихъ письмахъ, что „нѣмцы оказались хорошими малыми“, что „саксонцы очень добрые ребята“ и проч. Точно также не желаютъ англичане замалчивать чисто-механическую силу противника. Они открыто восхваляютъ ее. Ихъ письма пестрятъ выраженіями:

... „Нѣмецкіе прожекторы — прелесть...“

... „Транспортъ у этихъ чертей — замѣчательный...“

... „Ихъ артиллерія — чудо...“

Томми Аткинсъ любитъ силу, которая направлена противъ него. Пусть эти пушки сулятъ ему смерть, но, если онѣ хороши, онъ не откажетъ имъ въ своемъ одобреніи. Хотя, вообще говоря, Томми далеко не въ восторгѣ отъ нѣмецкой военной системы. Онъ находитъ

«Нѣмцы наступаютъ такими густыми колоннами, что всякій разорвавшійся снарядъ уничтожаетъ ихъ цѣлыми дожинами. Трудно не попасть въ эту гущу людей. Любая баба могла бы попасть». (Отрывокъ изъ англ. солдатскаго письма).

въ ней много изъяновъ. „Нѣмцы наваливаются такой густой оравой, что, куда ни стрѣлай, все равно попадешь,—пишетъ онъ о пріемахъ нѣмецкой атаки.—Ихъ гонять, какъ барановъ, на убой. Трудно не попасть въ эту гущу людей. Любая баба могла бы попасть“ и т. д.

Всѣ письма въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что противникъ не умѣетъ стрѣлять. Въ качествѣ спортсмена, британецъ привыкъ уважать мѣткихъ и ловкихъ стрѣлковъ. Множество виртуозовъ стрѣльбы находится теперь въ англійской арміи. Какъ ѣдко они издѣваются надъ неуклюжими нѣмецкими стрѣлками!

— „Артиллерія у нихъ хороша, но ружейная стрѣльба—просто смѣхъ,—пишетъ рядовой J. R. Tait, высказывая общее мнѣніе.—Нѣмецъ съ винтовкой — осель; онъ не попадетъ и въ стогъ сѣна!“

— „Сидя въ окопахъ, мы съ Биллемъ обсудили нѣмецкую армію и пришли къ заключенію, что вся она—дрянь“ (rotten), — пишетъ одинъ рѣшительный юноша. Точно также всѣ письма единодушно свидѣтельствуютъ, что нѣмцы „боятся штыка“.

Но, конечно, не эти сужденія интересуютъ насъ больше всего въ письмахъ англійскихъ солдатъ. Мы приводимъ ихъ лишь мимоходомъ. Намъ дороги не они, а тотъ духъ, который въ этихъ письмахъ вскрывается.

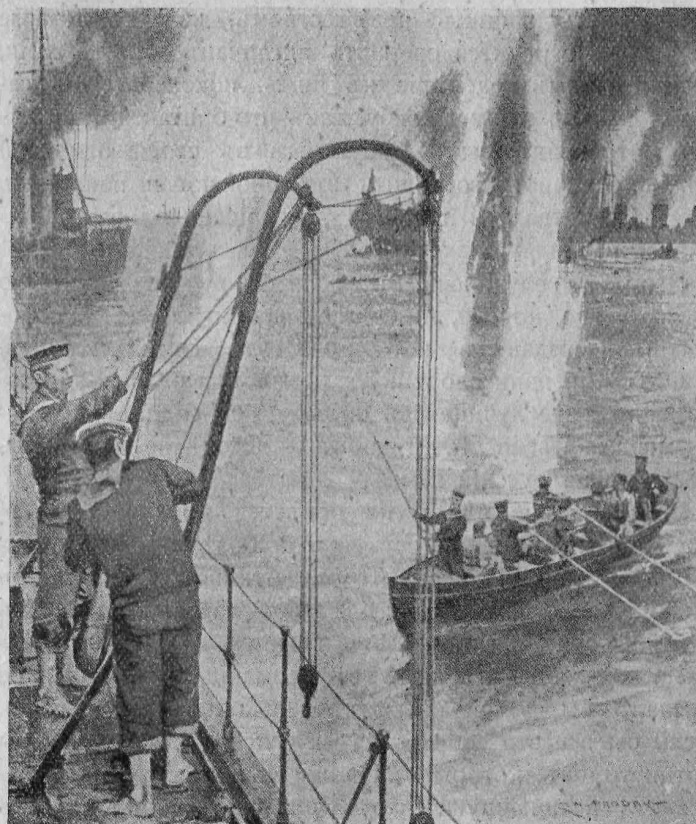
Идиллія на англійскомъ дредноутѣ. (Съ фот.).

VI.

НАБѢГЪ НА ГЕЛЬГОЛАНДСКУЮ БУХТУ.

Эти солдатскія письма собраны въ двухъ англійскихъ книжкахъ, которыя сейчасъ предо мною. Одна называется „Аткинсъ на полѣ сраженія“, другая—„Въ боевомъ огнѣ“, и обѣ чрезвычайно картинно, живописно, пластически изображаютъ британскихъ солдатъ. Первую составилъ Джэмсъ Кильпатрикъ, вторую—Джонъ Эдкокъ.

Книжки драгоцѣнныя, — особенно для русскихъ читателей. Пора намъ ближе познакомиться съ Аткинсомъ. Французскаго солдата мы знаемъ: его героическій образъ, запечатлѣнный въ Наполеоновскомъ эпосѣ, сталъ уже литературнымъ шаблономъ. Плѣнительный нравственный обликъ русскаго „рядового Иванова“ тоже былъ не разъ прославляемъ въ созданіяхъ нашей словесности. Не даромъ склонился передъ нимъ нашъ національный мудрецъ Левъ Толстой, узрѣвшій въ немъ носителя народной стихіи, народной воли и правды. Но что мы знаемъ о британскомъ солдатѣ? Его душа сокрыта отъ насъ. Онъ нашъ соратникъ, сподвижникъ, мы связаны

Гельголандскій бой. Рис. С. Пэддэй. «Illustr. Lond. News». Иллюстрація къ письму англ. морского офицера: «Мы потопили германскую подводную лодку «V 187» около 9 час. вечера и тотчасъ же отрядили нѣсколько шлюпокъ для спасенія тонущихъ нѣмецкихъ матросовъ. Вдругъ какой-то нѣмецкій крейсеръ начинаетъ палить въ наше судно. Первый снарядъ попалъ въ воду, — недалеко отъ спасательныхъ лодокъ, въ которыхъ находились германцы».

съ нимъ узами крови, и все же онъ для насъ — незнакомецъ.

Мы и рады бы его полюбить, но нельзя же любить незнакомаго.

К. Чуковский. „Заговорили молчавшіе“.

Пользуясь нашим невѣжествомъ, какіе-то темные люди уже стремятся очернить англичанъ передъ нами, внушить намъ недовѣріе къ нимъ, поколебать въ самомъ началѣ нашу дружбу, такъ что британскій посоль въ Петроградѣ былъ вынужденъ въ своей памятной рѣчи публично разоблачить эти происки и напомнить намъ о жертвахъ и подвигахъ, совершаемыхъ нынѣ британцами *).

Этого не случилось бы, если бы русское общество было ближе, короче, интимнѣе знакомо съ тѣмъ самобытнымъ созданіемъ, котораго зовутъ Томми Аткинсъ.

О Томми написано много романовъ, балладъ, повѣстей, но даже лучшіе изъ нихъ,—„Три солдата“ и „Казарменныя пѣсни“ Р. Киплинга,—доселѣ не дождались перевода на русскій языкъ.

Впрочемъ, не нужно ни повѣстей ни романовъ. У насъ, какъ мы видѣли, есть другой, болѣе цѣнный источникъ: подлинныя письма Томми Аткинса. Я читаю эти письма съ восторгомъ, они для меня—наслажденіе. Этихъ писемъ—туча, легионъ. Нѣтъ, кажется, британскаго солдата, сражающагося нынѣ съ германцами, который не послалъ бы домой хоть коротенькой бѣглою записки. Если бы все это собрать да издать, потребовались бы сотни томовъ, которые на вѣки вѣковъ могли бы составить величайшую славу Британіи, ибо нигдѣ такъ

*) Вотъ отрывокъ изъ этой рѣчи, произнесенной сэромъ Джорджемъ Бюкененомъ на новогоднемъ банкетѣ англійской колоніи въ Петроградѣ: „Въ настоящее время война вступаетъ уже въ шестой мѣсяць, и мы, англичане, имѣемъ всѣ причины гордиться той ролью, которую сыграла въ ней наша страна. Тѣмъ не менѣе небольшая и неимѣющая вліянія часть населенія Россіи, повидимому, держится другой точки зрѣнія въ оцѣнкѣ того, что сдѣлано нами. Еще недавно различные сторонники нѣмцевъ проповѣдывали крестовый походъ противъ Англій, и небольшая кучка ихъ посядователей прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы посясть разладъ между Россіей и ея союзниками.—Гдѣ британскій флотъ и что дѣлаетъ британская армія?—спрашивали эти господа въ Петроградѣ, въ Москвѣ и въ Одессѣ. Я скажу имъ, что сдѣлано британскимъ флотомъ“, и т. д. Русскія газеты единодушно привѣтствовали это выступленіе британскаго посла. „Эта блестящая рѣчь даетъ краснорѣчивый отпоръ тѣмъ подпольнымъ клеветникамъ, которые пытаются умалить значеніе громаднхъ усилій Англій въ великой борьбѣ съ германскими державами и вселить недовѣріе къ искренности британской политики“,—говоритъ, на примѣръ, „Русское Слово“.

полно и свободно не сказалась во всей красотѣ ея національная сущность. Тѣ книжки, о которыхъ я сейчасъ говорю, конечно, не могутъ исчерпать и тысячной доли всѣхъ писемъ. Онѣ меня такъ увлекли, что послѣ нихъ я сталъ жадно прочитывать тѣ письма англійскихъ солдатъ и матросовъ, которыя мнѣ попадались въ газетахъ „Daily News“, „Daily Chronicle“, „Times“, и теперь считаю своею обязанностью познакомить съ ними русское общество.

Вотъ, на примѣръ, письмо матроса Альфреда Бишопъ, участвовавшаго въ набѣгѣ британцевъ на Гельголандскую бухту:

— „Во время всего боя нашъ милый котенокъ сидѣлъ подъ самымъ переднимъ орудіемъ и не боялся нисколько. Только первый выстрѣлъ напугалъ его чуточку, а потомъ онъ все сидѣлъ и умывался. Передъ началомъ пальбы мы порядочно волновались, но тотчасъ же послѣ перваго выстрѣла стали очень веселы и все время смѣялись, пока не кончился бой. Тогда стали плакать и всхлипывать. Если меня убьютъ, не волнуйтесь: смерть не такая страшная вещь, какъ я думалъ. Все вчера было быстро, какъ молнія“.

Письмо классическое, написанное съ такимъ лаконизмомъ, который бываетъ присущъ лишь очень сильнымъ, простодушнымъ натурамъ. Въ немъ истинно-героическій стиль. И при этомъ—дѣтская ясность души, свойственная однимъ морякамъ. Жаль, что въ газетахъ печатается такъ мало матросскихъ писемъ. Тѣ, что приводятся въ книжкѣ Эдкока, составляютъ лучшее ея украшеніе. Вотъ письмо съ военнаго судна „Вакханка“, посланное матросомъ Вильсономъ своей женѣ:

— „Ты скоро прочитаешь въ газетахъ о нашей побѣдѣ на Сѣверномъ морѣ. Побѣда—первый сортъ, превосходная! Я только о томъ и мечтаю, чтобы весь непріятельскій флотъ вышелъ сразиться съ нами. Тогда бы мы скоро вернулись домой. Стрѣляютъ они дрянно, а наши—безъ промаху. Оттого-то проклятые спрятались, боятся,

и носу не высунуть. Пришлось намъ выкуривать ихъ изъ норы. Все ихъ море усѣяно минами; наткнешься на мину—капуть! Командиръ истребителя „Liberty“ вызвалъ изъ своей команды охотниковъ: не согласится ли кто вмѣстѣ съ нимъ пробраться въ самую Кильскую гавань, въ гости къ нѣмцу,—и каждый отвѣтилъ: „согласенъ!“, хотя это сулило имъ вѣрную смерть. И они таки-пробрались туда, къ самымъ Гельголандскимъ фортамъ, и продырявили нѣсколько крейсеровъ. Нѣмецъ выпустилъ въ нихъ такую гибель снарядовъ, что могъ бы потопить цѣлый флотъ; и такъ какъ у нашихъ запасы подходили къ концу, то поневолѣ пришлось уходить. Они уже повернули назадъ, вдругъ налетаетъ шрапнель, сбиваетъ мачту,

Островъ Гельголандъ, у котораго произошло морское сраженіе англійскаго флота съ германскою эскадрой. (Потоплены три германскихъ крейсера, два истребителя и два миноносца).

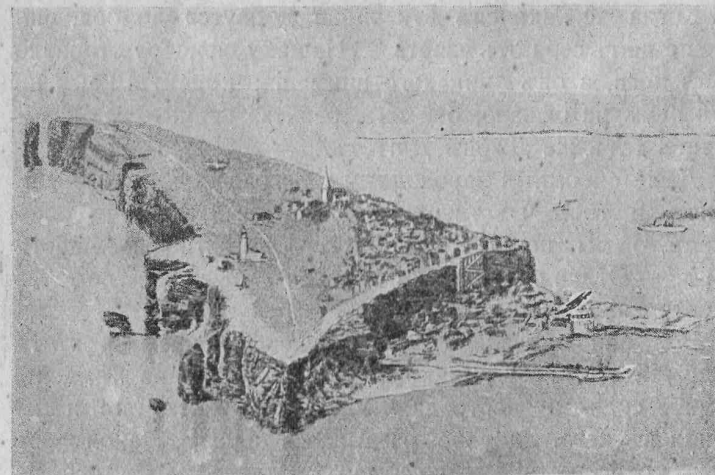
убиваетъ наповалъ командира и трехъ человѣкъ изъ команды. Штурманъ, хоть и раненый, принимаетъ на себя управленіе судномъ и благополучно выводитъ его изъ опасности. Мы молимъ Бога, чтобы даровалъ намъ побѣду, мы побѣдимъ непременно, ибо въ нашемъ флотѣ у каждаго Джэка воистину львиное сердце!“

Такихъ писемъ предо мною десятки. Всѣ они посвящены одному эпизоду,—набѣгу на Гельголандскую бухту. Чтò мы слышали объ этомъ набѣгѣ? Почти ничего, двѣ три фразы. Офіціальныя сухія слова, лишеныя красокъ и образовъ: такого-то августа такія-то суда англичанъ пробрались съ безоглядною смѣлостью къ самой не-пріятельской гавани, не побоявшись грозныхъ берего-

выхъ батарей, и послѣ жестокаго боя одержали побѣду надъ нѣмцами. А тутъ намъ дается возможность увидѣть лицомъ къ лицу самихъ участниковъ этого подвига, услышать изъ ихъ устъ всѣ подробности и, главное, ощутить непосредственно ту нравственную атмосферу, тотъ духъ, который и далъ имъ возможность совершить это безпримѣрное дѣло.

Вотъ письмо съ одного броненосца:

—„Наконецъ-то добрались мы до нѣмцевъ. Дѣло было жаркое, ей-Богу: семь часовъ длился бой! Выстрѣлъ за выстрѣломъ, выстрѣлъ за выстрѣломъ. Мнѣ было очень пріятно глядѣть, какъ четыре нѣмецкихъ судна другъ за дружкой погружались на дно. Каждую секунду могъ прійти нашъ чередъ: снаряды такъ и летали вокругъ... Но всѣ наши были очень спокойны: словно это не война, а маневры, смѣялись, шутили, острили, думали лишь объ одномъ: насолить бы нѣмцу получше. И насолить отлично! По слухамъ, враги потеряли около 1.500 чело-

Островъ Гельголандъ (съ птичьяго полета).

вѣкъ. Не постигаю, какъ это намъ удалось ускользнуть: не только съ крейсеровъ, но и съ гельголандскихъ фортовъ ихъ выстрѣлы достигали до насъ. Скоро ли выдаться случай дать имъ новую трепку опять?”

Характерна эта жажда британскихъ матросовъ добратся поскорѣе до врага. — „Гдѣ же ихъ главный флотъ?—спрашиваетъ одинъ изъ bluejacket'овъ.—Хоронится въ Кильскомъ порту; но стоить ему выйти оттуда, онъ уже не вернется назадъ!“ (стр. 98).

Джонъ Диггетъ, матросъ, лишь о томъ и твердитъ:

— „Когда же ихъ флотъ соизволитъ къ намъ выйти? Мы ждемъ, а онъ все не выходитъ. Пусть только высунетъ носъ. Достанется же ему на орѣхи!“

Эта жалоба — неизбѣжный рефренъ чуть не каждого матросскаго письма.

— „Ну что же, подождемъ, ничего! Старый Нельсонъ выждалъ цѣлый годъ и дождался-таки французскаго флота“, — утѣшаетъ себя юнга Брюсъ въ письмѣ къ своему отцу. („Daily News“, 21 дек.).

Когда же наконецъ эти люди дорвутся до боя, они не помнятъ себя отъ азарта.—„Нашему офицеру оторвало обѣ ноги, а онъ—никакого вниманія; кричитъ какъ ни въ чемъ не бывало: бей ихъ, ребята, пали!“—разсказываетъ тотъ же Джонъ Диггетъ.

Даже скромный пароходный телеграфистъ Бирн Фрэнсисъ, и тотъ чувствуетъ воинственный пылъ.—„Наконецъ-то мы понюхали пороху, — радостно сообщаетъ онъ. — Отлично. Я очень доволенъ. Жду не дожусь повторенія!“ (стр. 108—109).

Всѣ они буквально захлебываются, описывая этотъ дерзкій набѣгъ.—„Ловко же мы налетѣли на нѣмцевъ! Наше судно не пострадало нисколько, хоть они и палили въ него. Здорово раздѣлался нашъ „Лайонъ“ съ ихъ крейсеромъ! Весело было смотрѣть! Тотъ все палить и палить, а „Лайонъ“—ни единого выстрѣла. Минуть десять тратилъ нѣмецъ заряды, а „Лайонъ“ только скомандовалъ: пли! — и отъ нѣмца ничего не осталось.

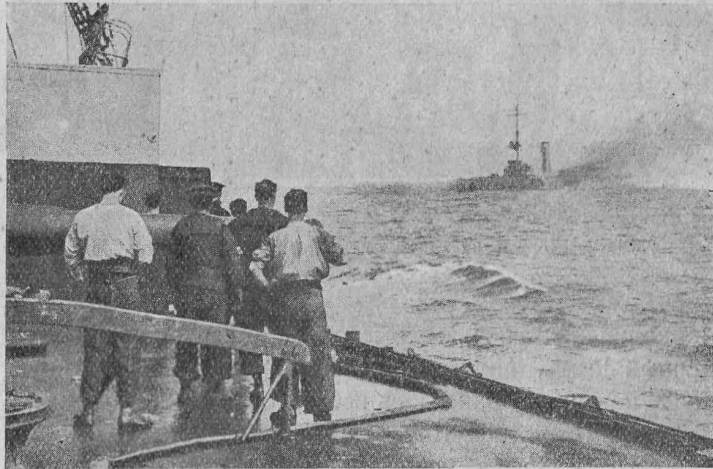
Гигантское орудіе на англійскомъ сверхъ-дредноутѣ. (Съ фот.).

Прикончили съ перваго выстрѣла. Когда разсѣялся пущенный дымъ, видимъ: крейсеръ уже на боку, задняя труба покачнулась, и вдоль всего борта зияетъ огромная трещина“ (стр. 106—107).

Такого же пыла исполнено письмо бомбардира Т. Уайта:

— „Тратить выстрѣлы намъ не пришлось. Одно ихъ суденышко мы прикончили съ перваго разу. Мѣткій выстрѣлъ, не правда ли? Ну жъ и заважничалъ тотъ молодецъ, которому удалось это сдѣлать. Теперь онъ первая персона на всемъ суднѣ. Нѣмцы, кажется, и сами увидѣли, что десять ихъ выстрѣловъ не сравняются съ нашимъ однимъ. Такъ что, кажется, нашимъ ребятамъ и пострѣлять не придется. Первый же закончить все дѣло, а остальные—сиди, сложа руки. Этакъ мы побываемъ въ десяткѣ сраженій, и лишь немногимъ счастливымъ удастся направить орудіе въ нѣмца“ (стр. 109).

Если бы не этот бравурный, мажорный, лихой, самонадѣянный дух, взлелѣянный многолѣтними традиціями,—какъ могли бы эти люди столь просто и весело выполнять свой умопомрачительный подвигъ! Въдѣ главное не въ отдѣльных бояхъ, а въ рутинной, повседневной-будничной жизни, среди ежеминутныхъ смертей на этой стальной скорлупѣ, которая въ каждый моментъ можетъ взорваться на воздухъ!

Гельголандскій бой. Потопленіе англичанами германскаго крейсера „Майнцъ“. Англійскіе матросы слѣдятъ за результатомъ своего удачнаго выстрѣла. «Майнцъ» идетъ ко дну. Изъ трехъ его трубъ удѣлѣла одна. Мачта сбита. По выраженію одного матросскаго письма, крейсеръ превратился въ «дымящійся адъ». Въ экипажѣ потонувшаго судна былъ сынъ знаменитаго адмирала фонъ-Тирпитца, германскаго морскаго министра. Онъ спасенъ англичанами и взятъ ими въ плѣнъ.

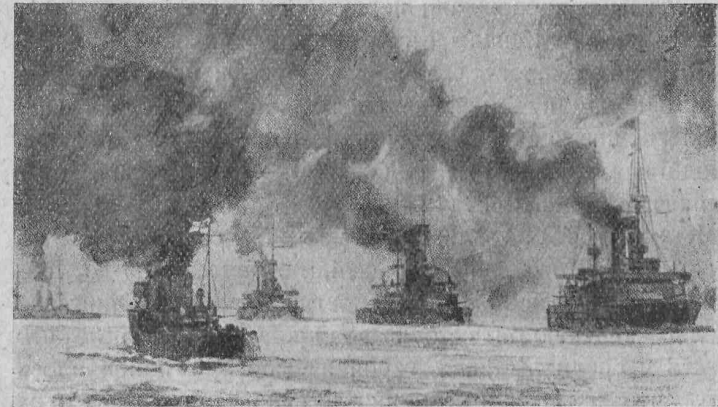
Эта рутинная страшнѣе всего, страшнѣе всякихъ боевъ и набѣговъ; вотъ какими черными красками изображаетъ ее одинъ морской офицеръ, плавающий теперь въ Сѣверномъ морѣ:

— „Ночью дуетъ отчаянный вѣтеръ, холодный, какъ ледь. На палубѣ темно: огней нѣтъ. Каждый матросъ—

у орудія. Никто не знаетъ, что случится сейчасъ: можетъ-быть—мина, можетъ-быть — подводная лодка, можетъ-быть — непріятельскій крейсеръ. А волны окатываютъ тебя съ головой, чтобы ты не заснулъ ни на мигъ, и безпрестанно заливаютъ тебѣ за воротъ нѣсколько стакановъ ледянаще-холодной воды. Въ сутки спишь три-четыре часа и только одному поражаешься: какъ легко и безропотно выносятся наши люди эту каторгу“. („Daily News“, 12 дек. 1914).

Нуженъ воистину героическій духъ, чтобы въ теченіе мѣсяцевъ подвергаться такимъ испытаніямъ. Мудрено ли, что этотъ офицеръ восклицаетъ:

— „Что же нѣмцы, какъ бабы, все прячутся! Вышли бы и дали намъ бой!“

Англійская эскадра у острова Гельголанда.

Но именно въ такихъ испытаніяхъ сказывается закаленность британцевъ.—„Поджидая флотилію Вильгельма, мы стараемся веселиться во-всю. Случается, вечерами задаемъ такіе концерты, что любо!“—пишетъ штурманъ корабля „Тэльботъ“.

А какъ величаво умѣютъ они умирать!.. Потопленный нѣмцами крейсеръ „Монмаусъ“ передъ тѣмъ, какъ погрузиться на дно, сигнализируетъ другому броненосцу: „Я тону, мои машины разбиты, въ носу огромная течь, но все же я иду на врага и попробую послать въ него мину“.

Это было его послѣднее слово. Въ тотъ же мигъ онъ скрылся подъ водой.

— „Мы всѣ прослезились, ей-Богу, когда капитанъ прочиталъ намъ этотъ предсмертный сигналъ“, — пишетъ морской офицеръ, наблюдавшій величавую гибель „Монмауса“. („Daily News“, 21 дек. 1914).

Это какая-то особая порода людей. Въ той же газетѣ мельчайшимъ шрифтомъ, гдѣ-то на задворкахъ, какъ нѣчто весьма обыденное, напечатано такое письмо:

— „Мы сопровождали первую партію войскъ, отправляемыхъ изъ Канады въ Англію. Среди океана одинъ изъ подштурмановъ свалился за бортъ и началъ тонуть. Нашъ командиръ лейтенантъ Барнсъ увидѣлъ его паденіе и, невзирая на бурю, немедленно кинулся въ море. Подштурмана спасти не удалось, но каковъ нашъ лейтенантъ! Молодецъ!“ (12 дек. 1914).

Какъ мы уже видѣли, англійскіе матросы и солдаты, съ прямодушіемъ сильныхъ людей, не боятся громко привѣтствовать всякій смѣлый поступокъ врага. Описывая Гельголандскую битву, они неоднократно отмѣчаютъ, что „есть и среди нѣмцевъ герои“. Особенно понравилось имъ, что инья изъ нѣмецкихъ судовъ, погружаясь на дно, не желали опускать свои флаги и палили до послѣдней возможности, не прося о пощадѣ. Но и здѣсь ихъ нравственное чувство было не разъ возмущаемо „грязными продѣлками“ (dirty tricks) нѣмцевъ. Ихъ письма единодушно свидѣтельствуютъ, что нѣмцы открывали огонь по ихъ спасательнымъ лодкамъ, не исключая тѣхъ случаевъ, когда эти лодки спасали именно тонущихъ нѣмцевъ. Одинъ шотландецъ съ возмущеніемъ рассказываетъ:

— „Нѣмцы вплавь добрались къ нашимъ крейсерамъ и на ломаномъ англійскомъ языкѣ просили подобрать ихъ на бортъ. Страшно было видѣть окровавленныхъ раненыхъ, барахтающихся въ водѣ, и мы, бросивъ имъ наши спасательные пояса и протянувъ имъ веревки, спустили къ нимъ нѣсколько лодокъ. Съ другихъ нашихъ судовъ имъ на помощь тоже были спущены шлюпки. Вдругъ, ни съ того ни съ сего, большой четырехтрубный непріятельскій крейсеръ начинаетъ палить въ эти лодочки изъ одиннадцати-дюймовыхъ орудій — сразу изъ семи или восьми!“ (стр. 95).

— „Задали же мы имъ перцу за это!“ — восклицаетъ другой матросъ, рассказавъ о такомъ же вѣроломномъ поступкѣ германцевъ. Третій выражается такъ: — „Я думаю, два ихъ суденышка носились бы по волнамъ и поныѣ, но такъ какъ они открыли огонь по нашимъ спасательнымъ шлюпкамъ, когда мы подбирали ихъ же раненыхъ, то мы отправили ихъ въ тартарары“ (стр. 106).

Какъ бы ни были случайны и скудны эти мимолетные отрывки изъ писемъ, я увѣренъ, они гораздо ярче и жизненнѣе изображаютъ предъ нами самую сущность событій, чѣмъ талантливѣйшіе очерки опытныхъ газетныхъ корреспондентовъ.

(Рис. А. Э. Микаэля).

VI.

БИТВА ПОДЪ МОНСОМЪ.

— Развѣ это воины, это спортсмены! Имъ бы въ футболъ играть да на скачкахъ скакать, куда же имъ сражаться съ Германіей! — повторяла о британцахъ нѣмецкая пресса. — Къ тому же они наняты: получаютъ поденную плату, а какое же геройство у поденщика!

Это говорилось въ то время, когда битвы подъ Монсомъ, на Марнѣ, на Энѣ уже изумили весь міръ!

Стѣбитъ перелистать хоть небрежно тѣ потрясающе-любопытныя письма, которыя пришли изъ-подъ Монса отъ уцѣлѣвшихъ британскихъ солдатъ, чтобы преклониться почтительно предъ этими „презрѣнными футбольщиками“, сыгравшими свою роковую предсмертную партію съ такимъ героическимъ паѳосомъ.

Битва подъ Монсомъ есть первая битва, въ которой приняли участіе британцы. Еще вчера эти нарядные воины въ щеголеватыхъ тужурочкахъ, въ комфортабельной изящной амуници, красовались передъ взорами

восхищенныхъ француженокъ, которыя шумно и радостно привѣтствовали ихъ по пути, а сегодня они очутились въ аду. Вчера были ласки, улыбки, восторги, цвѣты, а сегодня внезапно, какъ милліоны взбѣшенныхъ быковъ, налетѣли на нихъ тевтонскія полчища, только-что расптавшія Льежъ. Щеголеватые юноши въ изящныхъ тужурочкахъ, — ихъ было такъ мало, ничтожная горсть, а этому стаду взбѣшенныхъ быковъ не видно ни конца ни начала.

— „И откуда они только брались! Словно изъ земли выростали!“

— „Гдѣ упадетъ одинъ, тамъ появляется сотня!“

— „Казалось, безъ всякихъ снарядовъ и пуль они затопчутъ насъ одними сапожищами!“

Эти возгласы на тысячу разныхъ ладовъ варьируются въ каждомъ письмѣ. Впечатлѣніе неотвратимой громады, которая вотъ-вотъ обрушится, уничтожить, раздавить, пережили всѣ до одинаго. И съ чѣмъ только ни сравнивается эта громада въ письмахъ британскихъ солдатъ!

— „Нѣмцы накинудись на насъ, какъ лавина, какъ снѣжный обвалъ въ горахъ“... „Какъ громадная туча безъ конца, безъ начала“... „Какъ осинный рой...“ „Какъ горохъ изъ мѣшка...“ Этими стереотипными фразами, повторяющимися въ каждомъ письмѣ, пытаются Джонсы и Джонсоны передать свое впечатлѣніе отъ встрѣчи съ несмѣтными германскими сонмищами.

Это былъ лишь первый отрядъ англичанъ, остальные гдѣ-то задержались, замѣшкались. Гибель была неминуема. Маленькой ли кучкѣ футбольщиковъ задержать взбѣленившихся буйволовъ! Лучше бѣжать или сдатьсь, а не то сотрутъ въ порошокъ! Но футбольщики не повели даже бровью, не вынули изо рта своихъ трубочекъ и грудью встрѣтили налетавшую смерть.

А смерть налетѣла безумная:

— „Сказать вамъ, что стало съ моимъ полкомъ: на переключкѣ отозвалось только трое: я да еще двое раненыхъ“, — сообщаетъ Коксъ, рядовой.

— „У насъ изъ 1.009 человѣкъ уцѣлѣло лишь 106 рядовыхъ да 3 офицера. Итого мы потеряли 900 человѣкъ“, — пишетъ кавалеристъ Аткинсонъ, и такія страшныя цифры почти въ каждомъ тогдашнемъ письмѣ.

— „Когда мы вступали въ траншеи, насъ было 1.200, а когда мы покидали траншеи, насъ осталось всего 60“, — сообщаетъ своимъ роднымъ рядовой В. Бокъ.

Тридцать пять, пятьдесятъ, восемьдесятъ, девяносто процентовъ погубило англичанъ въ два-три дня. Но они стояли въ этомъ аду, какъ желѣзные, не теряя ни на мигъ хладнокровія, методически-спокойно пострѣливая, словно и не замѣчая того урагана, который опрокинулъ и смялъ все вокругъ — словно это не кровавая схватка съ обезумѣвшимъ отъ ярости врагомъ, а мирное состязаніе въ стрѣльбѣ гдѣ-нибудь на ярмаркѣ, въ тирѣ, изъ-за грошоваго приза. Этотъ флегматичный героизмъ британцевъ удивилъ и очаровалъ ихъ союзниковъ. По словамъ француза Дюшеня (M. Duchesne), служившаго въ Верденскомъ гарнизонѣ, французы безъ конца повторяли: „Quels soldats! Ils sont magnifiques! Ils sont superbes!“

— „Словно это пикникъ, а не бой! — пишетъ другой французъ. — Мнѣ казалось что они улыбаются. Даже папироски не бросятъ. Поразителенъ ихъ sang-froid подбѣшеннымъ ливнемъ пуль“.

Французы никогда не видали такой сверхчеловѣческой стойкости.

— „Всѣ они герои — до одинаго, — пишетъ французскій сержантъ. — И врачи у нихъ герои, и офицеры герои, и нижніе чины — до одинаго! Жаль только, что ихъ было такъ мало въ ту пору“.

Сознаніе, что ихъ было меньше, чѣмъ нужно, очень огорчаетъ британцевъ. Нѣтъ письма, гдѣ бы не упоминалось объ этомъ.

— „Нѣмцевъ было двѣсти пятьдесятъ тысячь, не меньше, а насъ всего пятьдесятъ!“ — читаемъ въ одномъ письмѣ.

— „Одному противъ семи или восьми не легко!“ — читаемъ въ другомъ письмѣ.

— „Нѣмцы кинулись на насъ цѣлой ордой: сто противъ одного!“ — пишетъ саперъ Джорджъ Брайанъ.

Сто противъ одного — это, конечно, гипербола, вполнѣ, впрочемъ, понятная при такихъ обстоятельствахъ, но десять противъ одного — близко къ истинѣ*). Немудрено, что весь бой былъ отмѣченъ множествомъ драматическихъ сценъ. — „Я видѣлъ, какъ двое нашихъ, окруженные нѣмцами, выбившими ихъ изъ сѣдла, прислонились другъ къ другу спиною и, обнаживъ шпаги, изрубили девять или десять враговъ; потомъ увидали мимобѣгущую лошадь безъ всадника, оба разомъ вскочили на нее и ускакали“, — рассказываетъ кольдстримскій гвардеецъ Уитэкеръ. Только такія вдохновенія удачи, отваги, находчивости могли спасти эту кучку людей, окруженныхъ разсвирѣпѣлыми „бѣшами“.

Самоотверженность они проявили огромную. Вотъ весьма типичный эпизодъ, рассказанный солдатомъ-чепирцемъ: — „Одинъ изъ нашихъ сержантовъ упалъ. Къ нему кидается нашъ капитанъ и хочетъ его поднять. Пуля попадаетъ ему въ ногу. Онъ тоже падаетъ, рядомъ съ сержантомъ, и мы думаемъ: кончено! Но онъ ползетъ и волочитъ за собою сержанта. Наши бросаются ему на помощь. Вы бы поглядѣли его ногу, когда онъ снялъ свой сапогъ! Вдребезги раздроблена, исковеркана!“

Это традиція у британскихъ офицеровъ — спасать своихъ солдатъ, рискуя жизнью. Командующій англійской эскадрой сэръ Джонъ Джеллико, какъ извѣстно, не разъ бросался съ корабля въ океанъ, чтобъ спасти тонущаго матроса.

Въ битвѣ при Монсѣ, къ довершенію ужаса, батареи британцевъ не всюду могли имъ служить. — „Послѣ трехчасоваго боя, — рассказываетъ одинъ рядовой, — нѣмцы уничтожили всѣ наши орудія. Вся артиллерійская

*) Согласно официальнымъ англійскимъ источникамъ нѣмцевъ было шестеро больше, чѣмъ англичанъ.

Последний снаряд.
Рис. Кристофера Кларка. «The Sphere».

прислуга была перебита, изранена, и мы должны были стоять под нѣмецкимъ огнемъ даже безъ возможности обороняться. Все воскресенье, и ночью и днемъ, нѣмцы осыпали насъ шрапнелью. Когда мы вышли изъ сферы огня, оказалось, что одними убитыми мы потеряли трехсотъ человекъ, включая сюда четырехъ офицеровъ“.

И все же они стояли, беззащитные, безоружные, обреченные на смерть, ежеминутно погибая десятками, — и

Подвигъ капрала Холмса.

Капралъ Холмсъ рассказываетъ: «Когда мы отступали отъ Le Cateau, какой-то раненый, лежащій у самыхъ окоповъ, закричалъ: «ради Бога, Фреди, спаси меня!» Я взвалилъ его на плечи, но такъ какъ моя амуниція царапала его, то я положилъ его наземь, отстегнулъ ранецъ и, взявъ товарища «пожарнымъ обхватомъ», понесъ его дальше. Снаряды разрывались на каждомъ шагу. Я дотащилъ его до деревушки, гдѣ какая-то женщина, стоявшая у порога, сказала: «неси его сюда!» Я такъ и сдѣлалъ, отдохнулъ полчаса и снова вернулся въ бой». За этотъ подвигъ капралъ Холмсъ получилъ крестъ Викторіи, соответствующій нашему георгиевскому. (См. стр. 120).

К. Чуковский. «Заговорили молчавшіе».

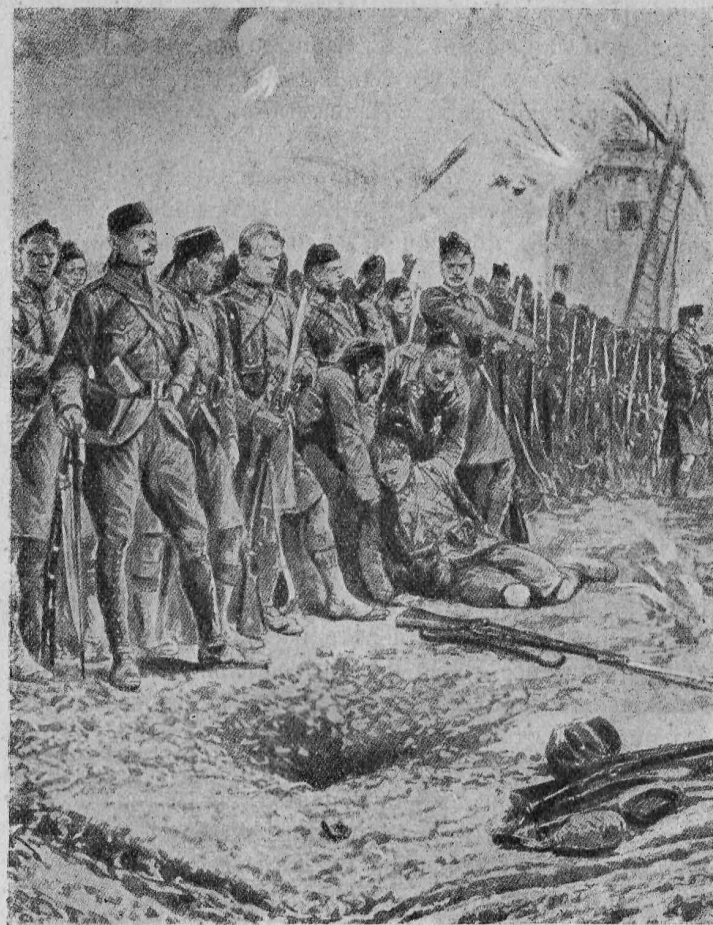
не уступили ни пяди. Когда-нибудь пѣвцы и поэты увѣковѣчатъ ихъ въ патетическихъ пѣсняхъ, а теперь по-

Англійскій солдатъ выноситъ изъ боя раненаго товарища.

пробуйте пережить всѣми нервами хотя бы такой эпизодъ, рассказанный однимъ офицеромъ въ письмѣ къ своей матери изъ бельгійскаго госпиталя:

— „Мы задерживали нѣмцевъ весь день, убивая ихъ

„...Мы должны были стоять подъ нѣмецкимъ огнемъ даже безъ возможности обороняться“...

цѣлыми сотнями, когда къ вечеру, въ пятомъ часу, пришелъ приказъ отступать. До насъ этотъ приказъ не дошелъ, и когда всѣ отступили, мы остались одни-одиношеньки. Маленькій англійскій островокъ среди безграничнаго моря германцевъ! Прикрывала насъ отъ нихъ желѣзнодорожная насыпь, но нѣмцы взобрались на нее. Отступать было некуда, ибо наши, когда отходили, взорвали за собою мостъ. Съ одной стороны непріятель, съ другой — широкій каналъ. Надежды на спасеніе никакой. Мы рѣшили продать свою жизнь недешево, завинтили штыки, и на нихъ! Солдаты поражали безстрашіемъ, но падали подъ пулями, какъ кегли. Пуля попала мнѣ въ правую руку, въ которой я держалъ револьверъ. Я выронилъ револьверъ и былъ не въ силахъ вытащить саблю. Вскорѣ другая пуля угодила мнѣ въ ногу, въ колѣно. Я упалъ, а мой отрядъ побѣждалъ дальше, на нѣмцевъ. Чтѣ было потомъ, я не видѣлъ, но всѣ видѣвшіе съ восхищеніемъ рассказываютъ объ этой геройской атакѣ. Жители мнѣ потомъ сообщили, что вокругъ моста нашли до 5.000 убитыхъ нѣмцевъ и 60 англичанъ. Эти-то 60 человекъ и составляли почти весь мой отрядъ... Лежа на травѣ, я почувствовалъ, что весь рукавъ у меня полонъ крови. Кровь не просто сочилась изъ раны, а била, какъ говорится, фонтаномъ. Я понималъ, что мнѣ повредили артерію. Когда я лежалъ на землѣ, нѣмцы все время палили въ меня, желая прикончить раненаго, но одна пуля наткнулась на саблю, скользнула по ней и отскочила прочь, другая пуля влетѣла ко мнѣ въ карманъ, но, наткнувшись на какую-то жестянку, тоже не причинила вреда. Впослѣдствіи я узналъ, что оба стекла въ моемъ биноклѣ тоже пробиты пулями“...

И какъ это хладнокровно рассказывается, точно дѣло идетъ не о немъ, а о какомъ-то постороннемъ событіи, совершенно его не касающемся. Погибли шестьдесятъ человекъ, окруженные несмѣтной ордой, погибли легендарной смертью, хотя никто не мѣшалъ имъ сдаться комфортно въ плѣнъ,—и объ этомъ удивительномъ

Французскія крестьянки убираютъ цвѣтами могилы павшихъ британскихъ солдатъ. По фот. корреспондента «Нивы».

подвигъ рассказывается такъ дѣловито и сухо, словно это самая заурядная вещь, о которой и говорить бы не стоило. Англичанинъ не тратитъ напрасно ни жестовъ, ни восклицаній, ни словъ. Только могучей душѣ доступенъ такой лаконизмъ!

.....

Не знаю, тогда ли именно, или немного позднѣе, совершилъ батарейный Гарлокъ свой удивительный подвигъ, за который его одновременно и прославили и разбранили жестоко.

Его ранило въ правую ляжку, онъ отправился на перевязочный пунктъ. Докторъ перевязалъ ему рану и велѣлъ сейчасъ же, немедленно, лечь въ лазаретъ. Гарлокъ сдѣлалъ видъ, что идетъ въ лазаретъ, а самъ бѣгомъ на свою батарею, къ орудію! Только-что успѣлъ зарядить, трахъ! — новый нѣмецкій снарядъ, новая рана въ спину. Онъ снова идетъ на перевязочный пунктъ, докторъ смотритъ на него съ изумленіемъ:

Битва подь Монсомь. Британская артиллерія свѣтитъ французамъ на вырочку. Набросокъ Р. Удвигла.

— Зачѣмъ же ты не пошелъ въ лазаретъ?

Гарлокъ объясняетъ, что не могъ отыскать, искалъ-искалъ, не нашель; ему даютъ провожатаго, и докторъ говорить ему съ сердцемъ:

— Если могъ добраться до своей батареи, дойдешь и до лазарета, ничего!

Вышли они вдвоемъ съ санитаромъ. Гарлокъ ему говорить:

— Иди къ другимъ, я и безъ тебя обойдусь.

Когда тотъ ушелъ, Гарлокъ перевернулъ вверхъ ногами то, что сказалъ ему докторъ:

— Если могу до лазарета дойти, стало-быть, и до батареи дойду!

И опять заковылялъ къ орудію. Черезъ двѣ-три минуты нѣмецкій снарядъ раздробилъ ему правую руку. Снова онъ предсталъ передъ докторомъ. Наши офицеры не знали, бранить или хвалить его за это. Попробовали-было бранить, да языкъ не повернулся во рту. И дали ему Крестъ Викторіи...

Такъ повѣствуетъ въ письмѣ товарищъ этого упрямаго героя. Я заимствую письмо изъ „Daily News“. Гарлокъ — не исключеніе, а правило. Такой духъ проникаетъ всю армію, и надо радоваться, что три милліона Гарлоковъ находятся нынѣ въ строю. Если въ началѣ кампаніи, когда ихъ численность была незначительна, они проявили столько сказочной храбрости, то теперь они совершаютъ чудеса. Теперь для нихъ нѣтъ невозможнаго. Теперь они всему міру покажутъ, что такое британскій футболъ. Но и въ тѣ черные дни, когда, казалось, ничто не могло спасти ихъ отъ роковаго разгрома, у нихъ, кромѣ флегматической стойкости, проявилась другая великая сила, которая и помогла имъ безтрепетно вынести эту злую грозу. Эта сила называется юморомъ.

(Рис. А. Э. Микаэля).

VIII.

ЮМОРИСТЫ.—СПОРТСМЕНЫ.

Не забудемъ, что это народъ юмористовъ, народъ-юмористъ, что Свифтъ, Гоггартъ, Фильдингъ, Диккенсъ, Теккерей, Томасъ Гудъ и прочіе гении смѣха созданы этимъ народомъ; что и Джекобсъ и Джеромъ К. Джеромъ — тоже его порожденіе. Весь міръ восхищается обликомъ незабвеннаго мистера Уэллера, каждое изреченіе котораго, вотъ уже семьдесятъ лѣтъ, вызываетъ гомерическій хохотъ, а вѣдь этотъ простонародный мудрецъ есть подлинное воплощеніе тѣхъ самыхъ круговъ Альбіона, изъ коихъ и вербуются солдаты. Если бы на русскій языкъ были грамотно переведены „Три солдата“, очерки Редьярда Киплинга, то русскіе читатели знали бы, что нынѣшній британскій солдатъ по своей склонности къ юмору есть достойный наслѣдникъ Уэллера.

— „Вѣкъ не видалъ я такихъ жизнерадостныхъ парней,—пишетъ изъ военнаго госпиталя полковой священникъ Татерсоль.—Они даже въ госпиталь изумительно веселы. У этого вышибленъ глазъ, тотъ раненъ осколкомъ шрапнели, но все для нихъ — тринь-трава, пустяки; со смѣхомъ переносятъ всѣ ужасы“.

Саперъ Брэдли даже готовъ утверждать, что именно терзанія и муки вызываютъ въ солдатахъ веселость. Чѣмъ больше ужасовъ, тѣмъ они веселѣе, — на зло, наперекоръ этимъ ужасамъ. Смѣхомъ они побѣждаютъ печаль, юморомъ преодолеваютъ страданія. „Я никогда не видалъ ихъ такими веселыми, какъ именно въ часы

испытаній, — рассказываетъ этотъ саперъ. — Въ окопахъ подъ непрерывнымъ огнемъ — шутки, пѣсни, анекдоты, концерты! Порою играемъ въ футболъ; роль мяча исполняетъ нѣмецкая каска. А то затѣваемъ пари: гдѣ разорвется ближайшій германскій снарядъ? Выигравшій получаетъ всѣ ставки“.

Въ каждомъ отрядѣ, въ полку, въ лазаретѣ, непременно найдется солдатъ, обладающій способностью смѣшнить. Счастливая способность, драгоценная! Тутъ она нужнѣе всего. Эти полковые шуты выполняютъ великую

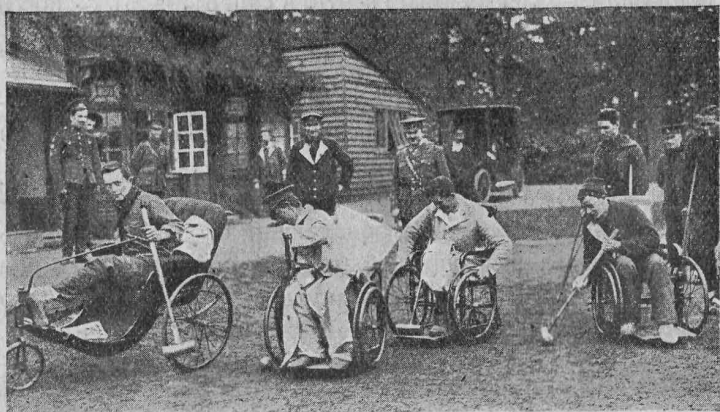

Английскіе солдаты на позиціяхъ играютъ въ футболъ. Французъ-часовой въ роли зрителя. (Съ фот.).

функцию: они анестезируютъ боль, они облегчаютъ все тягостное.

— „Есть у насъ шотландецъ, умора! — читаемъ въ одномъ письмѣ.—Роздалъ всю одежду бельгійцамъ, самъ остался голъ, какъ соколъ. А потомъ нарядился для смѣху въ юбочку шотландскаго гвардейца, напялилъ красные французскіе штаны, пару бельгійскихъ сапогъ, и къ довершенію эффекта завернулся въ уланскій плащъ“.

И вправду, должно-быть, былъ очень смѣшонъ этотъ попугайный франко-нѣмецкій, шотландско-бельгійскій

Английские раненые солдаты во дворъ госпиталя играютъ въ крокетъ, сидя на движущихся креслахъ.

костюмъ, и, должно-быть, носившій его выступалъ въ немъ съ ухватками природнаго комика, ибо солдаты надрывались отъ смѣха.

— „Мы чуть не разорвались пополамъ, — рассказываетъ сержантъ Т. Кахиль о другомъ полковомъ шутникѣ. — Просто бока разболѣлись отъ хохоту. Ну жъ и весельчакъ этотъ Клэнси! Околпачиваетъ нѣмчуру — первый сортъ! Взялъ вчера фуражку, нацѣпилъ на полѣно, и поднялъ надъ окопомъ для забавы. Нѣмцы пошли палить, истратили тонны свинца, а онъ не переставалъ насъ смѣшить“.

Эти отдѣльные шутники и остряки выражаютъ общее настроеніе арміи. Всѣ письма въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что въ минуту высшаго боевого подъема англичане проявляютъ мальчишески-веселый задоръ и, словно состязаясь другъ съ другомъ, школьничаютъ, затѣваютъ проказы.

То они пишутъ на пушечныхъ одиннадцатидюймовыхъ снарядахъ:

— „Привѣтъ изъ Англии!“

— „Спеціально для кайзера!“

То на своемъ воинскомъ поѣздѣ дѣлаютъ начертаніе мѣломъ:

— „Прямое сообщеніе съ Берлиномъ!“

То сочиняютъ экспромптомъ нескладную, но бойкую пѣсню про пляшущаго кайзера Вилли, которую тутъ же и распѣваютъ, приплясывая:

„Пляши, коли пляшешь, Вилли,
Пляши впередъ и вспять,
Зови танцоровъ, Вилли,
Мы не устанемъ играть“

и т. д. *).

И все это неизмѣнно свидѣтельствуетъ о приподнятомъ бравурно-мажорномъ „настройствѣ“, въ которомъ эти люди находятся.

Нѣсколько дней подъ рядъ нѣмцы аккуратно во время обѣда начинали палить по британцамъ.

— Чувствуютъ запахъ свинины! — объясняетъ веселый ирландецъ. — Такъ и тянетъ съ голодухи на съѣстное!

Пуля попадаетъ въ жестянку съ говядиной:

— Вотъ и отлично: не придется ее открывать. Сами нѣмцы, спасибо, откупили!

Неподалеку разорвалась граната. Мелкіе камешки и комья земли попадаютъ солдату въ супъ. Вынимая ихъ, онъ говорить:

— Я пришелъ сражаться за бельгійскую землю, но ѣсть ее я не намѣренъ. („Daily News“, 1915, Apr. 29).

— Все для нихъ шутка и смѣхъ, — рассказываетъ одинъ офицеръ. — Дождь-ливень, сплошная вода. Я говорю вѣстовому: — „Ступай, приведи мнѣ коня!“ — „Не прикажете ли, ваше благородіе, лодочку?“

Свои окопы, нерѣдко залитые дождемъ, они называютъ Hôtel de Луза, Венеціанскій каналъ, Вилла „Подснѣжникъ“, Букингемскій дворецъ“ и т. д.

*) См. сборникъ „Совр. война въ русской поэзіи“, стр. 147—148. Тамъ вся эта пѣсня переведена очень точно.

Томми Аткинсъ отбываеъ на передовыя позиціи.

Продвигаясь впередъ и покидая окопы, они вывѣшиваютъ надъ ними табличку:

„Ввиду того, что хозяинъ уѣхалъ въ Потсдамъ, эта уютная квартира сдается“.

Задерживая наступленіе нѣмцевъ, ничтожная горсть англичанъ спряталась въ какой-то лавчонкѣ, осажденной со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, и долго осыпала его выстрѣлами. Вдругъ начальникъ отряда, сержантъ, запримѣтилъ на верхней полкѣ нѣсколько шоколадныхъ

плитокъ. — „Ребята, — сказалъ онъ, — за каждого нѣмца вы получите по шоколадкѣ въ награду!“ — и съ тѣхъ поръ послѣ всякаго удачнаго выстрѣла онъ неизмѣнно говорилъ: „получай!“ и при дружномъ одобрителномъ смѣхѣ швырялъ отличившемуся стрѣлку шоколадъ. „Увы, — заключаетъ свою повѣсть рассказчикъ, — немногимъ довелось послѣ боя отвѣдать эту сладкую награду. Немногіе остались въ живыхъ!“

Въ этой удалой залихватской средѣ принято относиться къ своимъ личнымъ страданіямъ съ презрительной усмѣшкой, шутя. Этому тамъ требуетъ приличіе. Установился уже трафаретъ для описанія собственныхъ ранъ:

— „Яшка Джонсонъ *) пожалъ мнѣ руку; отхватилъ мнѣ кусочекъ уха; провертѣлъ пять дырочекъ въ лѣвомъ плечѣ, двѣ—въ груди, семь въ голени, дюжину (мелкихъ) въ башкѣ и множество — въ обѣихъ рукахъ; такъ что я цѣлые дни выколупливалъ отовсюду осколки!“ („Daily News“, 22 декабря 1914).

Или вотъ сообщеніе о полученіи раны въ ступню:

— „Въ день рожденія получилъ я подарокъ отъ кайзера“.

Оторвало у Томми палець, онъ шутитъ:

— И какъ это нѣмцы интересуются такимъ пустякомъ! Ирландцу отрѣзали руку, на которой была татуирована бабочка. Онъ только подмигнулъ съ огорченіемъ: — Другой такой бабочки я уже вѣкъ не увижу!

Такого ухарски-небрежнаго тона въ описаніи своихъ злоключеній требуютъ традиціи среды. Здѣсь юморъ, какъ и храбрость, — обязательень.

„Безъ юмора не смѣй и умереть!“ — гласитъ неписанный солдатскій уставъ англичанъ. Какъ раздражаетъ британскаго воина, что нѣмцы нечувствительны къ юмору! Нѣкій Томми какъ-то взобрался на иву нарѣзать себѣ ивовыхъ прутьевъ. Раздался выстрѣлъ, но мимо. Томми и крикнулъ, балуясь;

*) Такъ фамильярно именуется англійскій солдатъ колоссальные снаряды германцевъ.

— Промахнулся! Лѣвѣ возьми!

Выстрѣлъ раздался снова.

— Опять промахнулся! Правѣ!

Снова послышался выстрѣлъ, и Томми съ прострѣленнымъ черепомъ свалился съ ивы на землю. Нѣмецъ не оцѣнилъ его юмора („Daily News“, 19 дек.). Таковъ духъ, заражающій всѣхъ. Раненому, падая въ окопъ, нужно непременно воскликнуть:

— Кайзеръ Биль укусилъ меня за ногу!

Или что-нибудь другое, въ этомъ родѣ. Г. Ст. Вольскій рассказываетъ, что въ походѣ, въ траншеяхъ, подъ огнемъ, накануне атаки Томми каламбуристъ и смѣется, хотя иногда губы его блѣдны и голосъ срывается. „Каламбуристъ онъ на привалѣ, въ госпиталѣ на операционномъ столѣ, въ разговорахъ съ корреспондентами, стараясь личнымъ примѣромъ доказать правильность двухъ свято-чтимыхъ имъ положеній: „англійскому солдату все ни почемъ“ и „англійскій солдатъ ничего не боится“. Я былъ пораженъ, читая въ „Times“ письмо знаменитаго англійскаго писателя Райдера Хаггарда о смерти его племянника, капитана Марка Хаггарда: тотъ въ свои предсмертныя минуты, видя неизбежную гибель, смѣялся— „смѣялся, пока не упалъ“. (10 октября 1914).

О такомъ же неожиданномъ смѣхѣ во время смертельной опасности рассказываетъ одинъ простодушный матросъ: „Тотчасъ же послѣ перваго выстрѣла мы сдѣлались очень веселыми и смѣялись, пока не кончился бой“. Это не истерическій смѣхъ неврастениковъ, это просто душевный подъемъ здоровыхъ, безстрашныхъ людей. Они повѣствуютъ безхитростно: „мы стали прыгать, плясать, вдругъ изъ лазурнаго неба свалилась на насъ граната, и двадцать человѣкъ пали мертвыми“. („Эдкокъ“, стр. 63).

Смѣхъ и смерть! Смѣхъ надъ смертью! Смѣются, чтобы не плакать. Шутятъ, чтобы не кричать отъ отчаянія. О, не даромъ Пушкинъ приписалъ англичанамъ свою трагедію „Пиръ во время чумы“. Англичанинъ ненавидитъ от-

чаяние: его величайшая радость—бороться съ собственной слабостью, побѣждать въ себѣ малодушіе, испугъ. Отсюда и возникъ его юморъ, этотъ смѣхъ, побѣждающій скорбь. Смѣхъ, побѣждающій смерть! Это чисто-англійское свойство! Въ этомъ-то и заключается юморъ, его естество, его сущность. Я, конечно, ни секунды не думаю, что всѣ эти солдатскія остроты удачны, что каждый Томми Аткинсъ есть Диккенсъ: мнѣ не важно, какъ они шутятъ: хорошо или плохо, остро или плоско, мнѣ важенъ самый фактъ: они шутятъ. Они поголовно охвачены юморомъ—и даже тѣ прозвища, которыя ими даются самымъ зловѣщимъ, пугающимъ явлениямъ войны, свидѣтельствуютъ объ этомъ несокрушаемомъ юморѣ. Колоссальные снаряды германцевъ ими окрещены въ „Яшку Джонсона“, въ „Черную Машку“ и пр. А когда какой-то солдатъ, по фамиліи Пальмеръ, страдающій невралгіей лица, увидѣлъ издали Черную Машку и внезапно излѣчился отъ боли, вся армія стала величать это пугало: „Цѣлебное снадобье Пальмера“ (Palmer's Cure)*).

Преодо мною цѣлая коллекція пѣсенъ, сочиненныхъ англичанами въ траншеяхъ на мотивы популярныхъ балладъ, и среди нихъ—ни одной торжественной или угрюмой, а все шутовскія и шуточные. Преобладаетъ, конечно, сатира, этотъ нарочито-англійскій родъ пѣснетворчества: сатира на кайзера Билля, на полкового цырюльника, на дурно-испеченный хлѣбъ,—рѣшительно на всѣхъ и на все. Жажда смѣхотворства сказалась и тутъ. Но кромѣ того примѣчательно, что во множествѣ этихъ сатиръ одна бригада уязвляетъ другую, одинъ батальонъ уязвляетъ другой. Между ними какая-то вѣчная распря. То-есть не распря, а соревнованіе, споръ. „Беркширцы“ съ „Юркширцами“, „Сѣрые“ съ „Черными“, „Гордонцы“ съ „Кольдстримцами“—находятся въ неустанномъ соперничествѣ. Они состязаются въ подвигахъ, они стремятся затмить другъ друга безоглядно-лихими дѣлами.

*) Собраніе солдатскихъ писемъ Кильпатрика, стр. 34.

Можно подумать, что здѣсь соревнованіе спортивныхъ „командъ“ изъ-за какого-нибудь кубка. Вотъ еще британская черта: безъ спорта они не проживуть ни минуты. Для нихъ это міровое побоище—какой-то грандіозный футболъ. Каждая схватка съ германцами неизмѣнно рисуется Аткинсу въ видѣ какого-то матча, иначе онъ не воспринимаетъ войну, и часто, описывая тѣ боевыя событія, въ которыхъ онъ участвовалъ лично, онъ сбивается на жаргонъ чемпиона:

— „Нѣмцы проиграли пять партій, а у насъ ни единого проигрыша. Ихъ голкиперы слабы. Наши форварды держались молодцами. Главный же матчъ впереди!“ („Adcock“, p. 101).

Типичны и такія выраженія:

— „У нѣмцевъ—ни малѣйшаго шанса. Я и мѣднаго фартинга (гроша) не поставлю за нихъ. Всѣ мои ставки—за французовъ и русскихъ“.

Всякія ставки, пари неизмѣнно сопутствуютъ спорту. Мы уже видѣли, что англичане подъ выстрѣлами держатъ другъ съ другомъ пари, гдѣ разорвется ближайшій нѣмецкій снарядъ. О томъ же повѣствуетъ майоръ, носящій громкую фамилію Шекспиръ.—„Томми держатъ другъ съ другомъ пари на пятифранковую бумажку, что ближайшій снарядъ упадетъ тамъ-то и тамъ-то“, — читаемъ въ его письмѣ, напечатанномъ въ газетѣ „Daily News“ (22 декабря 1914 г.).

Съ такимъ же спортсменскимъ азартомъ описываютъ англичане состязаніе аэроплановъ. Вотъ, на примѣръ, письмо, которое могло быть написано только природнымъ спортсменомъ:

— „Изъ окоповъ мы на-дняхъ наблюдали воздушную дуэль между французомъ и нѣмцемъ. Интересно,—какъ гонка яхтъ! Французъ выдѣлывалъ разныя штуки, плелъ петли, кидался то вправо, то влѣво, пока не поднялся надъ нѣмцемъ. Совсѣмъ какъ скворцы. то одинъ наверху, то другой. Обмѣнивались револьверными выстрѣлами“. („Daily News“, 10 ноября).

Брайтонская футбольная команда, вошедшая въ „батальонъ футболистовъ“. Футболисты, крикерысты, боксеры образовали въ Англіи свои батальоны.

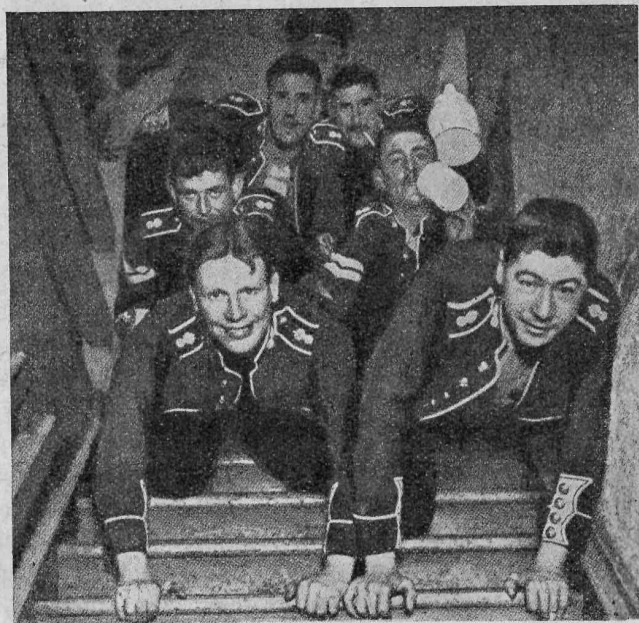
Другой солдатъ выражается такъ:

— „Мы видѣли, какъ два аэроплана сцѣпились надъ нами въ воздухѣ — зрѣлище очень захватывающее“. („Daily News“, 16 ноября).

Это зрѣлище такъ захватило обоихъ, что оба забыли о страхѣ, хотя битва происходила надъ ними. Не чудилось ли имъ въ это время, что они сидятъ на трибунѣ и мирно наслаждаются Дерби? Поле битвы имъ всегда представляется въ видѣ арены, ристалища,—и это еще больше увлекаетъ ихъ въ бой. Прелестно письмо одного рядового: „жители Серрея могутъ гордиться: ихъ земляки, какъ въ крокетъ, такъ и въ сраженіи—первые. Не отступать, пока не выиграютъ“. Многие привезли изъ-за моря большіе мячи для футбола, пристегнутые къ тяжелому ранцу, и, даже идя въ атаку, не желали разстаться съ ними. Одинъ саперъ изображаетъ въ письмѣ, какъ англичане (линкольнцы) играли въ футболъ подъ огнемъ и только тогда прекратили игру, когда сверху, съ нѣмецкаго „таубе“, было брошено нѣсколько бомбъ. Французы даже попеняли имъ дружески: „ну можно ли заниматься игрою, когда на голову падаютъ ядра“. („Daily News“, ноябрь).

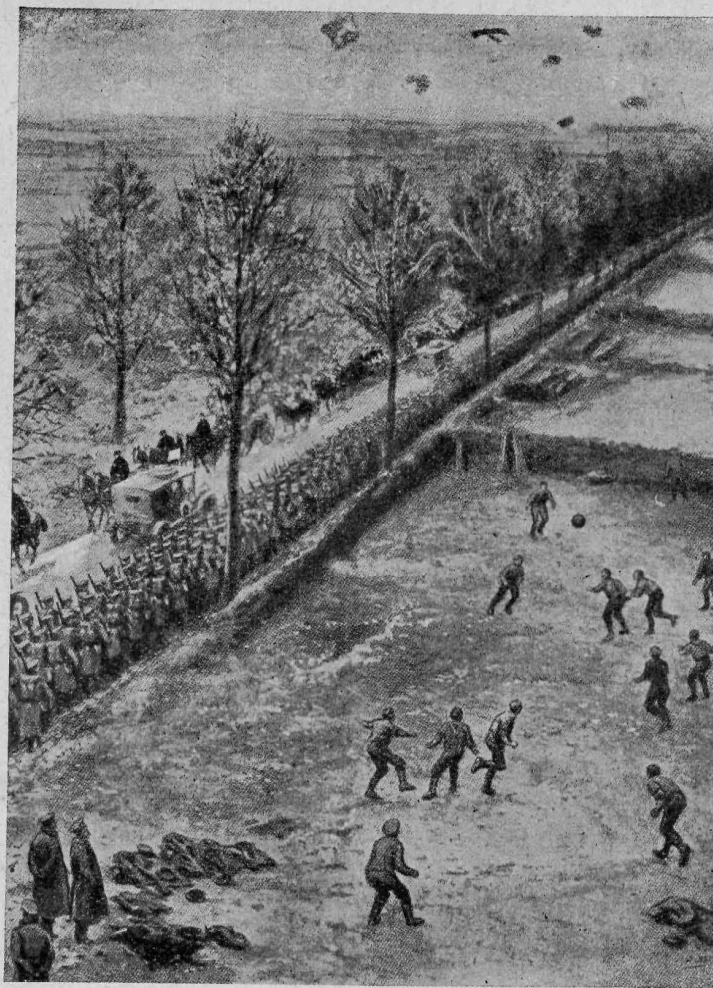
К. Чуковский. „Заговорили молчавшіе“.

Какъ бы то ни было, эта національная британская страсть, надъ которой въ Германіи было столько насмѣшекъ, чрезвычайно облегчаетъ для Аткинса тяжелое бремя войны. Сводя всякій боевой эпизодъ къ привычнымъ и любимымъ формамъ спорта, Томми Аткинсъ не чувствуетъ себя новичкомъ на новомъ, малоиспытанномъ поприщѣ. Спортъ какъ бы окрыляетъ его, придаетъ заманчивую прелесть, увлекательность томительной военной страдѣ. Здѣсь какіе-то новые стимулы для

Спортъ англійскихъ солдатъ: на четверенькахъ по лѣстницѣ.

жертвъ, трудовъ и лишеній. И такъ какъ въ британскомъ спортѣ главное—отнюдь не азартъ, а высоко-развитое социальное чувство, товарищество, привычка къ дисциплинѣ и т. д., то ясно, что этимъ футбольщикамъ

Англійскіе солдаты не прерываютъ футбола при появленіи непріятельскихъ «таубе».

ихъ футболъ—не укоръ, а хвала: въ немъ ихъ сила, а вовсе не слабость, какъ почему-то полагали германцы, осыпавшіе въ своемъ „Симплиссимусъ“ цѣлой тучей

карикатуръ и насмѣшекъ эту „жокейскую армію, вооруженную шарами и молотками отъ крокета, футбола, лаунъ-тенниса“. Теперь такихъ карикатуръ уже нѣтъ.

„Война, — говоритъ по этому поводу одинъ русскій писатель, — особенно подчеркиваетъ тотъ параграфъ спортивной морали, который гласитъ: „помогай товарищу“. Связи, бывшія раньше случайными, какимъ-то образомъ скрѣпляются: походная жизнь устраняетъ условную сдержанность; и совсѣмъ другимъ, отзывчивымъ и нѣжнымъ, становится обликъ Томми. Подъ градомъ пуль онъ выбирается изъ траншеи, чтобы подобрать раненаго товарища; усталый, измученный, несетъ на себѣ до ближайшаго пункта инвалида съ перебитой ногой; терпя адскія боли, говоритъ подошедшему доктору: „перевяжите сперва вотъ этого, — я черезъ нѣсколько минутъ все равно умру“. — „Я наткнулся на одного солдата стрѣлковаго полка, — пишетъ Томми. — Онъ былъ прикрытъ непромокаемымъ пальто, а рядомъ лежалъ раненый артиллеристъ безъ всякой крыши. Я спросилъ стрѣлка, не могу ли я ему помочь. „Ничего не надо, — отвѣчалъ онъ, — но я сказалъ бы вамъ большое спасибо, если бы вы взяли мое пальто и прикрыли вотъ этого парня. Я все равно въ живыхъ не останусь, а онъ можетъ остаться, если ему въ-время помогутъ. Прощайте. Да еще приглядите, чтобъ меня не съѣли коршуны, когда я умру“ *).

Это не сентиментальность, нисколько. Это — вкорененное спортомъ старо-англійское чувство товарищества, ставшее почти что инстинктомъ.

*) Ст. Вольскій, „Ежемѣсячный Журналъ“ 1915, 1.

IX.

„МЫ“

Я упомянулъ о развитіи социальныхъ инстинктовъ. Пожалуй, это поражаетъ васъ больше всего, когда вы знакомитесь съ солдатскими письмами. Вы только вообразите такое: пишетъ юноша, почти мальчикъ, вчерашній ребенокъ, изъ самага пекла войны, пишетъ своей матери-старухѣ, какой-нибудь мистрисъ Смитъ или Роджерсъ, которая гдѣ-нибудь въ Рѣдингѣ, въ Кардифѣ, въ Лидсѣ ждетъ его письма съ содроганіемъ, вскрываетъ это письмо въ полу-обморокѣ, и что же: онъ — о себѣ ни полслова! Исписываетъ восемь страницъ разсказами о какихъ-то бригадахъ, батареяхъ, траншеяхъ, а о себѣ позабылъ. И хотѣлъ написать, да забылъ! Онъ вѣдь давно уже забылъ о себѣ, пересталъ какъ-то себя замѣчать, давно потерялъ свое „я“, оно все растворилось, растаяло въ этихъ бригадахъ, батареяхъ, траншеяхъ... У него появилось взамѣнъ другое огромное слово: „мы“. Въ письмахъ англійскихъ солдатъ это слово на каждой строкѣ. „Мы взяли“, „мы разбили“, „мы прогнали“, — только о томъ и читаешь. Личность растворилась въ коллективѣ безъ остатка, такъ полно, какъ еще не случалось въ исторіи. Впервые на нашей планетѣ совершается въ такихъ огромныхъ размѣрахъ этотъ рѣдкостный психологическій опытъ. И впервые мы можемъ провѣрить его по множеству документальныхъ свидѣтельствъ, по этимъ драгоценнымъ солдатскимъ каракулямъ на замусоленныхъ измятыхъ лоскуткахъ,

которыя для грядущих историковъ будутъ дороже всѣхъ Геродотовъ и Несторовъ!

Вотъ что пишетъ сынъ-солдатъ своей матери:

— „Мы сражались два дня превосходно. *Нашъ полкъ* воевалъ героически. Мы потеряли немного, но потери неприятеля страшныя. *Наша бригада* захватила до 400 плѣнныхъ...“ („Daily News“, 3 ноября).

„Мы“, „наша бригада“, „нашъ полкъ“—здѣсь теперь весь его космосъ, но бѣдная старуха, мнѣ чудится, долго вертитъ это письмо, перечитываетъ, ищетъ по всѣмъ его углушкамъ: „гдѣ же сынъ говоритъ о себѣ?“ И не находитъ ни строчки! Ея сынъ такъ захваченъ своими бригадами, полками и дивизіями, что ему нужно большое усиліе, чтобы вновь обрѣсти свое „я“. Онъ можетъ писать только такъ:

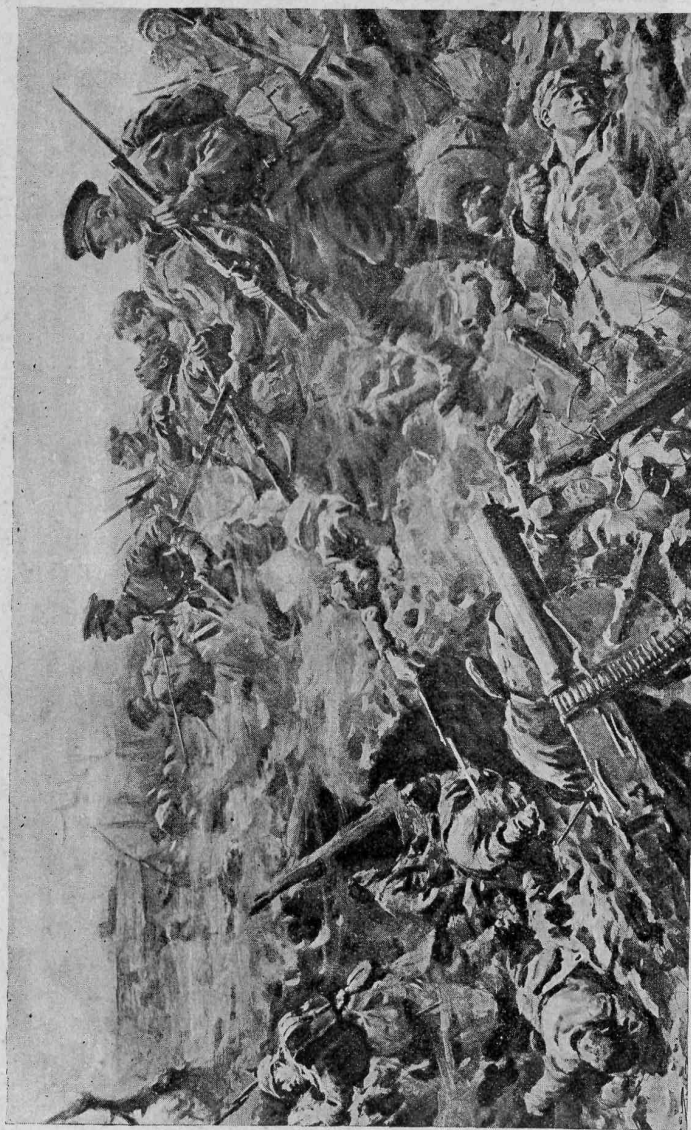
— „Разсказать вамъ подвиги нашего батальона — не хватитъ и цѣлаго дня, а что сдѣлала наша бригада, того и въ недѣлю не расскажешь. Я скажу лишь одно: мы отразили десятки атакъ отборнѣйшихъ Вильгельмовыхъ войскъ, и, какъ объявилъ намъ бригадный, французская линія осталась непрорванной только благодаря нашей стойкости. Мы съ честью поддержали доброе имя кольдстримцевъ“.

Вы замѣчаете здѣсь нотку похвалы, но вѣдь не собою же онъ похваляется, а своей бригадой, своимъ батальономъ, не себя онъ прославляетъ, а кольдстримцевъ. Честь кольдстримцевъ для него дороже своей. Въ этихъ письмахъ вы ежеминутно читаете:

— „Нѣмцевъ было втрое больше, чѣмъ насъ, но, слава Богу, ливерпульцы ни разу не дали нѣмцамъ поблажки“.

— „Спросите у раненыхъ о подвигахъ нашихъ валлійцевъ. Они расскажутъ такое, что вы будете нами гордиться“.

Личное честолюбіе исчезло, замѣнилось корпоративнымъ, общиннымъ. Въ связи со своей бригадой, дивизіей, съ той или иной ячейкой арміи, человекъ уже не

Штыковая атака нѣмецкихъ траншей подъ Невъ-Шапелемъ у деревни Оберъ.

ощущает себя. Онъ охотно отдасть свою жизнь, лишь бы его возлюбленный полкъ, его regiment оказался не хуже другихъ. Иного честолюбія онъ не знаетъ, но *это* честолюбіе безгранично. Какъ онъ разсерженъ и обиженъ, если газеты по какой-нибудь случайной причинѣ не воздадутъ его полку должныхъ почестей:

— „Генераль осыпаетъ нашъ полкъ комплиментами, но я еще ни разу не видѣлъ, чтобъ нашъ полкъ похвалили газеты, между тѣмъ какъ другіе полки удостаиваются похвалъ за такія дѣла, которыя среди насъ заурядны“, — негодуетъ сержантъ Гаррисонъ.

Рядовой Моды также задѣтъ за живое:

— „Вы говорите, что, читая газеты, вы въ нихъ не наткнулись ни разу на свѣдѣнія о нашихъ валлійцахъ. Но, чортъ возьми, мы бывали въ такихъ передѣлкахъ!..“

Съ какой-то особенной нѣжностью говорятъ они о своемъ regiment'ѣ. Въ письмѣ одного капрала мнѣ понравилась такая строка: „луна озарила нѣмецкіе шлемы; мой милый, дорогой старый полкъ навинтилъ штыки и — на нихъ!“ Особенно гордятся эти люди, когда въ ихъ миломъ и дорогомъ regiment'ѣ окажется увѣнчанный герой.

— „Въ нашемъ полку уже есть одинъ, награжденный орденомъ Викторіи“, — радуется сержантъ Скатерфильдъ, словно орденъ достался ему. Зато самъ-то получившій награду пишетъ своей матери такъ:

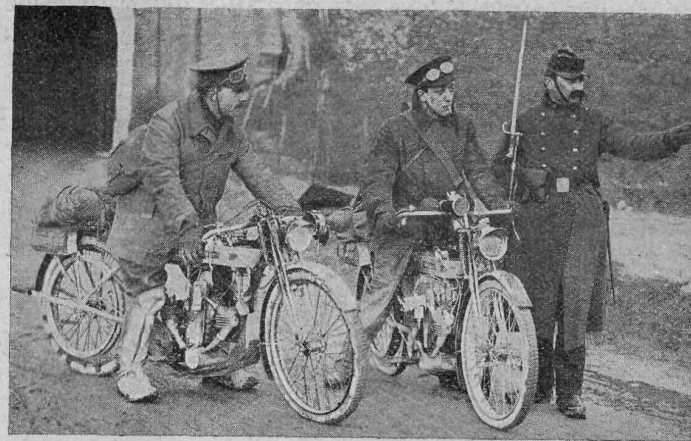
— „Ты просишь, чтобы я написалъ о себѣ. Терпѣть не могу писать о себѣ“.

Вотъ если бы мать догадалась спросить его о его возлюбленной бригадѣ, дивизіи, онъ прислалъ бы ей подробнѣйшій длинный отчетъ. Такихъ писемъ-отчетовъ въ моей коллекціи множество. Каждый матросъ съ упоеніемъ пишетъ о подвигахъ своего корабля, каждый рядовой о своихъ гордонцахъ, валлійцахъ, кольдстримцахъ.

Большинство этихъ солдатскихъ посланій сводится къ такой похвальбѣ:

— „Нашу батарею такъ и зовутъ: знаменитая. Знаменитая вторая батарея! Такое прозвище намъ далъ одинъ французскій генераль и два англійскихъ. У насъ самыя большія орудія; каждый снарядъ — три пуда“ и т. д., и т. д., и т. д. *).

Но не слѣдуетъ думать, что въ это солдатское „мы“ входятъ лишь полки да батареи, лишь мелкія ячейки корпусовъ. Напротивъ, никогда это „мы“ не было такъ

Англійскіе курьеры-мотоциклисты спрашиваютъ дорогу у французскаго часового.

широко и огромно; вѣдь оно охватило полміра — и Францію, и Бельгію, и насъ. Пріятно читать въ этихъ письмахъ, какъ радуется Томми нашимъ радостямъ, и какъ печалитъ его наши печали. Связавъ свою судьбу съ судьбою нашей арміи, нашего рядового Иванова, Томми заочно подружился съ Ивановымъ, сдѣлалъ его своимъ mate'омъ и участливо слѣдитъ за нимъ издали.

— „Новопришедшій саперъ развеселилъ насъ расска-

*) Всѣ приводимыя въ этой главѣ солдатскія письма заимствованы мною изъ газеты „Daily News“ за октябрь, ноябрь и декабрь 1914 года.

зами о русской побѣдѣ въ Галиціи“,—читаемъ въ одномъ письмѣ, а въ другомъ очень живо рассказывается, какъ, по поводу русскихъ побѣдъ, англійскіе солдаты въ окопахъ, при участіи французскихъ музыкантовъ, устроили русскій концертъ, и какъ нѣмецкіе снаряды помѣшали этому проявленію пріязни. На британскихъ броненосцахъ матросамъ показываютъ въ кинематографическихъ снимкахъ картины изъ русскаго быта, и тѣ встрѣчаютъ ихъ съ большимъ энтузіазмомъ. Въ свое „мы“ они все больше включаютъ и насъ. Въ ихъ письмахъ есть много свидѣтельствъ такого слиянія съ нами.

Рождественское перемиріе враговъ. Нѣмецкій солдатъ подходитъ въ сочельникъ къ англійскимъ окопамъ съ маленькой елкой въ рукѣ.
Рис. Фр. Вильерса.

X.

„ВЪ ЧЕЛОВѢЦЪХЪ БЛАГОВОЛЕНІЕ“.

Бываетъ,—хоть рѣдко, хоть разъ за весь годъ,—что въ это „мы“ включаются ими и нѣмцы.

Къ концу декабря, къ Рождеству, нѣмецкіе окопы, какъ нарочно, такъ придвинулись къ окопамъ англи-

чанъ, что у заклятыхъ враговъ явился неодолимый соблазнъ: сблизиться другъ съ другомъ хоть на мигъ, осуществить среди пожара и крови, хотя бы въ мимолетной иллюзiи, тотъ „на землѣ миръ“, то „въ человѣцкихъ благоволеніе“, о коихъ въ этотъ поэтический день поется въ церквахъ всего міра.

И случилось небывалое, никѣмъ непредвидѣнное: люди, пришедшіе убивать и свирѣпо калѣчить другъ друга, вдругъ, словно сговорившись, потянулись другъ къ другу душой, стали сблизаться, брататься. Если бы не огромное множество писемъ, гдѣ изображается это братаніе, я подумалъ бы, что здѣсь беллетристика.

Извѣстный корреспондентъ Діонео въ январской книжкѣ „Рус. Зап.“ приводитъ такое письмо одного англійскаго солдата къ роднымъ:

— „Я писалъ уже вамъ, что наши траншеи находятся всего въ тридцати или сорока ярдахъ отъ непріятельскихъ. Наши ребята часто кричатъ нѣмцамъ и получаютъ отвѣтъ. И вотъ вчера происходитъ слѣдующее:

— Здравствуйте, Фрицъ!—кричатъ изъ нашей траншеи. Нѣтъ отвѣта.

— Здравствуйте, Фрицъ.

Отвѣта нѣтъ.

— Слышите, Фрицъ?—Здравствуйте!

— Здравствуйте,—раздается наконецъ изъ германской траншеи.

— Какъ поживаете?

— Ничего, ладно.

— Идите къ намъ, Фрицъ.

— Нѣтъ. Если я вамъ покажусь, вы меня подстрѣлите.

— Нѣтъ, не подстрѣлимъ. Перелѣзайте.

— А вы правду говорите?

— Жарьте сюда, Фрицъ. Мы вамъ папиросъ дадимъ.

— Нѣтъ. Вы выходите, а я васъ встрѣчу между траншеями.

— Ладно!

Одинъ изъ нашихъ ребятъ набилъ послѣ этого карманы папиросами и вылѣзъ изъ траншеи. Нѣмецъ тоже вылѣзъ. Солдаты встрѣтились между траншеями и обмѣнялись рукопожатіями. Нѣмецъ получилъ папиросы и далъ нашему солдату шоколадъ. Вылѣзли съ обѣихъ сторонъ нѣмцы и наши, подошли другъ къ другу, поздоровались за руку. Другіе махали шапками. Бесѣда продолжалась полчаса, а затѣмъ мы и нѣмцы снова залѣзли въ траншеи, чтобы стрѣлять другъ въ друга. Черезъ часъ два моихъ товарища, неосторожно показавшіеся, были убиты“.

Этому внезапному братанію враговъ г. Діонео посвящаетъ цѣлую главу своей статьи. Перепечатаваемъ эту главу, ибо она, какъ и наши наброски, основана на письмахъ британскихъ солдатъ.

— „Я долженъ сообщить вамъ о самомъ интересномъ Рождествѣ, которое я когда-либо пережилъ,—пишетъ своимъ родителямъ въ Лондонъ молодой волонтеръ.— Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что высшія власти отказались объявить перемиріе во время Рождества, но солдаты тѣмъ не менѣе установили сами миръ. Наканунѣ Рождества я съ другими товарищами носилъ дрова въ траншеи отъ наступленія ночи до часа утра. Все это время въ нашихъ и нѣмецкихъ траншеяхъ солдаты пѣли и трубили въ трубы. Обѣ стороны иллюминировали края своихъ траншей фонарями. Несмотря на то, что сіялъ полный мѣсяцъ, мы свободно шли съ охалками дровъ. Не раздалось ни единого выстрѣла. Слѣдующій день могъ бы составить новую главу въ какомъ-нибудь рождественскомъ разсказѣ Диккенса. Многіе изъ нашихъ ребятъ вышли изъ траншей и встрѣтились съ нѣмцами на полпути. Я тоже подошелъ къ непріятелю. Мы съ нѣмецкими солдатами снялись вмѣстѣ группой и обмѣнялись сувенирами. Мнѣ дали ленту и карточку баварскаго наслѣднаго принца“.

— „Наши траншеи такъ близко къ непріятельскимъ,— пишетъ англійскій офицеръ своей женѣ (письмо появилось въ „Morning Post“),— что англичане и нѣмцы могутъ даже переговариваться. И вотъ такимъ-то образомъ установлено было неформальное перемиріе по случаю Рождества и Новаго года. Во всякомъ случаѣ перемиріе состоялось тамъ, гдѣ противъ насъ находились саксонцы. Когда наступилъ праздникъ, англичане и нѣмцы выползли изъ траншей и первымъ дѣломъ стали развѣшивать бѣлье. Внезапно издалека залетѣла и разорвалась граната. Всѣ юркнули обратно въ траншеи, какъ кролики въ норы“.

— „Нѣмцы показались въ день Рождества изъ своихъ траншей, отстоящихъ отъ нашихъ всего на разстояніи 50 ярдовъ,— пишетъ другой англійскій офицеръ (беру письмо изъ „Daily Telegraph“).— Они подняли руки въ знакъ мира и послали парламентаровъ до середины пространства, раздѣляющаго наши траншеи. Нѣмцы положили на землю сигары. Затѣмъ подошелъ солдатъ, посланный нами. Они обмѣнялись рукопожатіями съ непріятелемъ.“

— Установимъ перемиріе на день,— сказали нѣмцы.— Въдь сегодня Рождество. Не будемъ стрѣлять. Пусть обѣ стороны похоронятъ сперва убитыхъ.

Вмѣсто пальмовой вѣтви, нѣмцы вручили нашему солдату елочку. И такимъ образомъ стрѣльба прекратилась на день. У меня составилось такое представленіе, что нѣмцы, за исключеніемъ пруссаковъ, тяготятся уже войной и желали бы, чтобы заключенъ былъ миръ. Я не сказалъ бы, что это обусловливается усталостью германскихъ солдатъ или тѣмъ, что ихъ плохо кормятъ; но ихъ тяготитъ война вообще“.

— „Въ сочельникъ—, пишетъ другой офицеръ*),— нѣмцы иллюминировали свои траншеи и крикнули, что споютъ намъ пѣсню. И дѣйствительно спѣли. Мы поблагода-

*) „Daily Telegraph“, December 31, 1914.

рили и отвѣтили тѣмъ же. На слѣдующій день мы всѣ вышли изъ траншей, подошли къ нѣмцамъ и обмѣнялись съ ними рукопожатіями и гостинцами.

Тѣ нѣмецкіе солдаты, съ которыми я бесѣдовалъ, оказались очень хорошими малыми. Большею частью то были студенты. Одинъ изъ нихъ гдѣ-то раздобылъ цилиндръ да черный сюртукъ, напялилъ и сталъ плясать. Все это было очень забавно. Весь день не прозвучало ни одинъ выстрѣлъ“.

— „День Рождества прошелъ у насъ чудесно,— пишетъ англійскій волонтеръ своей сестрѣ.— Мы всѣ вылѣзли изъ траншей и бесѣдовали цѣлый день съ нѣмцами. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ по-англійски. Кое-кто изъ нашихъ волонтеровъ знаетъ ихъ языкъ. Нѣмцы совсѣмъ не кажутся такими дьяволами, какъ ихъ изображаютъ. Видя насъ мирно бесѣдующими, вы не повѣрили бы, что за нѣсколько часовъ до того мы готовы были перегрызть горло другъ другу“.

— „Въ сочельникъ, лишь только стемнѣло, нѣмцы стали кричать намъ изъ траншеи, желая намъ счастливо провести праздникъ,— пишетъ англійскій солдатъ.— Нѣкоторые нѣмцы произнесли даже цѣлыя рѣчи. Тогда же установлено было перемиріе на слѣдующій день. Рано утромъ нѣмцы начали показываться изъ траншей. Два нѣмца выступили впередъ, подошли къ серединѣ пространства, раздѣляющаго траншеи, и показали бутылку. Я и мой товарищъ вышли навстрѣчу, неся въ рукахъ нѣсколько коробокъ съ шоколадомъ. Мы обмѣнялись рукопожатіями, и тотчасъ же нѣмцы и наши стали аплодировать. Мы выкурили съ парламентарями трубку и распили бутылку вина, затѣмъ мы передали нѣмцамъ шоколадъ. Черезъ нѣсколько минутъ всюду видны были группы дружески бесѣдовавшихъ нѣмецкихъ и англійскихъ солдатъ. А между тѣмъ вдали не переставали реветъ пушки. Мы пѣли для нѣмцевъ и они для насъ рождественскіе гимны. Затѣмъ изъ непріятельской траншеи пришли два нѣмецкихъ офицера и два солдата.

Они принесли намъ двѣ бутылки виски, ящикъ сигаръ и большой рождественскій пряникъ“.

— „Трудно представить себѣ болѣе удивительное зрѣлище,—пишетъ другой англійскій солдатъ *).—Наши солдаты и нѣмцы стояли группами или гуляли между траншеями, какъ будто дѣло происходило въ Гайдъ-паркѣ. Всѣ искали сувениры въ видѣ осколковъ гранатъ. Въ другое время каждый изъ насъ или изъ нѣмцевъ, поднявшій на дюймъ голову надъ краемъ траншеи, сдѣлалъ бы это въ послѣдній разъ. Нѣмцы оказались саксонцами. Повидимому, они очень хорошіе малые. Курьезно то, что нѣкоторые изъ нихъ жили въ Лондонѣ. Я встрѣтилъ одного нѣмца, съ которымъ ежедневно по утрамъ отправлялся въ одномъ и томъ же поѣздѣ изъ Финчли (окраина Лондона) въ Сити. Саксонцы предложили намъ сыграть въ футболъ, но у насъ не было, къ сожалѣнію, мяча. Мирная бесѣда продолжалась до самаго вечера“.

— „Наканунѣ Рождества выстрѣлы не прекращались,—пишетъ англійскій майоръ своей женѣ **).—Часамъ къ шести выстрѣлы стали затихать. Умолкли наконецъ даже „snipers“ (лучшіе стрѣлки, „снимающіе“ офицеровъ, махальщиковъ и т. д.). Мы сидѣли у бивуачнаго огня, когда часовъ въ 11 вечера явился возбужденный, запыхавшійся пѣхотный офицеръ, сообщившій намъ, что солдаты установили перемиріе на одинъ день и теперь братаются уже съ непріятелемъ. Уже съ вечера мы видѣли, что нѣмецкія траншеи иллюминированы, и что въ нихъ очень шумно.

— Почему вы, англичане, не идете къ намъ!—кричали съ вечера нѣмцы.

— Человѣкъ! Сюда! — кричали въ отвѣтъ наши остряки ***).

Въ десять часовъ солдаты установили перемиріе. Я

*) „Daily Chronicle“, December 30, 1914.

**) „Pall Mall Gazette“, December 30, 1914.

***). До войны въ англійскихъ ресторанахъ большинство лакеевъ были нѣмцы.

вылѣзъ съ товарищемъ изъ траншеи и вышелъ за линію проволочныхъ загражденій. Мы узнали, что солдаты условились не стрѣлять до полуночи 25-го декабря. Одинъ изъ нашихъ солдатъ отправился парламентаремъ къ нѣмцамъ, и все было рѣшено. Утромъ пространство между траншеями представляло удивительное зрѣлище. На стражѣ стояли только два невооруженныхъ человѣка. Условлено было между солдатами, что поправлять проволочныя загражденія во время перемирія нельзя. Дальше уговорено было, что одинъ случайный выстрѣлъ не пойдетъ въ счетъ и не будетъ признанъ нарушеніемъ перемирія... Вышли не только солдаты, но и офицеры. Даже нашъ полковникъ вышелъ, чтобы посмотреть, „что наладили ребята“,—по его выраженію. Къ намъ навстрѣчу вышли два молодыхъ нѣмецкихъ офицера. Мы салютовали и обмѣнялись потомъ рукопожатіями. Потомъ мы предложили другъ другу сигары. Къ сожалѣнію, нѣмецкіе офицеры очень плохо говорили по-англійски и знали лишь нѣсколько словъ по-французски, а наши офицеры всѣ вмѣстѣ едва могли слѣпить двѣ-три фразы по-нѣмецки. Наконецъ пришелъ солдатъ, говорившій хорошо по-англійски и взявшійся быть переводчикомъ. Нѣмецкіе офицеры были почти мальчики. Они ужасно вѣжливы и непрерывно щелкаютъ каблуками... Днемъ мы обѣдали вмѣстѣ съ нѣмецкими офицерами въ полуразрушенномъ домѣ, стоящемъ на „нейтральной почвѣ“. Такъ странно было находиться тамъ, гдѣ постоянно свистутъ пули!“

— „Я только-что бесѣдовалъ съ нѣмецкими офицерами,—пишетъ своей женѣ англійскій капитанъ *).—Мы обмѣнялись сигарами, папиросами и почтовой бумагой. Нѣмцы—веселый, жизнерадостный народъ. Во время перемирія мнѣ казалось дикимъ, что мы стремимся подстрѣлить другъ друга... Стрѣльба прекратилась. И предупредяющій выстрѣлъ раздавался только тогда, когда

*) „Daily Telegraph“, December 30, 1914.

К. Чуковский. „Заговорили молчавшіе“.

Рождественское перемирие врагов.
Нѣмцы и англичане, выйдя изъ ближайшихъ окоповъ, благодушно позируютъ
передъ офицеромъ-фотографомъ.

какая-нибудь сторона пыталась поправить проволочный загражденіе. Вечеромъ наши офицеры и солдаты пѣли рождественскіе гимны для нѣмцевъ, а послѣдніе — для насъ“.

— „Какое странное Рождество провелъ я! — пишетъ англійскій майоръ *). — Весь день прошелъ совершенно спокойно, если не считать единичныхъ выстрѣловъ со стороны snipers, да и то съ фланговъ. На пространствѣ, раздѣляющемъ наши траншеи, сошлись наши солдаты и нѣмцы, смѣшались вмѣстѣ и мирно бесѣдовали. Нѣкоторые изъ насъ спустились даже въ германскія траншеи, гдѣ пробыли нѣкоторое время. Непрiятель угощалъ солдатъ, явившихся къ нему. Затѣмъ устроился одинъ общій пиръ. Англичане пѣли, а саксонцы старательно подтягивали... Саксонцы предупреждали англичанъ не подаваться слишкомъ налѣво, такъ какъ тамъ траншеи заняты пруссаками, которые будутъ стрѣлять. Въ самомъ дѣлѣ. Когда на лѣвомъ флангѣ наши показались изъ траншей, пруссаки пустили нѣсколько пуль. Саксонцы и англичане вечеромъ 25-го декабря устроили большой концертъ, продолжавшійся до полуночи, когда враждебныя дѣйствія начались“. — „Мы играли для нѣмцевъ, а они для насъ, — пишетъ англійскій солдатъ. — Нѣмцы отлично сыграли намъ такія пѣсни, какъ „Home, Sweet Home“ и „Tipperary“, а мы сыграли ихъ любимыя пѣсни. Затѣмъ всѣ вылѣзли изъ траншей, смѣшались въ кучу, жали другъ другу руки, махали шапками и кричали „ура“. И ни одного выстрѣла! Пѣнье и братанье продолжались всю ночь съ 24-го на 25-е декабря и весь день Рождества. Одинъ нѣмецкій офицеръ снялъ насъ группой. На карточкѣ видны обнявшіеся нѣмецкій и англійскій солдаты, обмѣнявшіеся головными уборами. Мы сыграли одинъ „матчъ“ въ футболъ. До того мы прилично похоронили убитыхъ, лежавшихъ у траншеи, при чемъ нѣмцы, безъ шапокъ, помогали намъ... Нѣмецкіе солдаты, во всякомъ случаѣ, саксонцы, очень хорошіе ребята; о нихъ я теперь неизмѣримо лучшаго мнѣнія, чѣмъ раньше“.

— „Вчера была удивительная ночь, — пишетъ англій-

*) „Manchester Guardian“, December 30.

скій солдатъ *), — я пѣлъ для нѣмцевъ, вмѣсто того, чтобы стрѣлять въ нихъ. Началось это такъ. Въ сочельникъ мы крикнули изъ траншей нѣмцамъ: „Счастливо вамъ встрѣтить Рождество!“ Непріятель отвѣтилъ такими же пожеланіями.

— Англичане, спойте намъ что-нибудь! — крикнули потомъ нѣмцы. — Мы зажгли свѣчи въ траншеяхъ, открыли молитвенники и спѣли:

While shepherds watch'd their flocks by night,
All seated on the ground,
The Angel of the Lord came down,
And glory shone around **).

(Когда пастухи, стерегшіе стада, сидѣли въ ночи на землѣ, спустился къ нимъ ангель Господній, и сіяніе засвѣтилось кругомъ).

Когда мы кончили, нѣмцы изъ своихъ траншей прокричали намъ трижды „ура“. Мы попросили ихъ спѣть. Нѣмцы согласились тотчасъ же и пѣли чудесно. На другой день наши солдаты, поднявъ бѣлый флагъ, вылѣзли изъ траншей и дошли до проволочныхъ загражденій, гдѣ встрѣтились съ нѣмецкими солдатами и условились не стрѣлять до полуночи. Перемиріе состоялось. Цѣлый день не было даже отдѣльных выстрѣловъ со стороны snipers“.

— „Какой удивительный день! — восклицаетъ лондонскій волонтеръ въ письмѣ къ пріятелю ***). — Перемиріе по инициативѣ солдатъ установилось такъ. Въ сочельникъ, въ половинѣ восьмого вечеромъ, нѣмцы иллюминировали свои траншеи и начали пѣть хоромъ. Потомъ они крикнули, приглашая кого-нибудь изъ насъ прійти и распить бутылку вина. Одинъ изъ насъ принялъ приглашеніе, пошелъ къ нѣмцамъ въ траншею и понесъ съ собою гостинцы. Затѣмъ мы условились не стрѣлять до

*) „Daily News“, December 30, 1914.

***) Одинъ изъ самыхъ старыхъ и самыхъ трогательныхъ английскихъ рождественскихъ гимновъ.

****) „Westminster Gazette“, December 30, 1914.

полуночи слѣдующаго дня. На слѣдующее утро мы всѣ вылѣзли изъ траншей и обмѣнялись съ нѣмцами рукопожатіями. У нашей траншеи въ канавѣ лежали десять труповъ нѣмцевъ, убитыхъ, когда они подбирались къ проволочнымъ загражденіямъ. Мы помогли германскимъ солдатамъ прилично похоронить товарищей. Нѣмцы кажутся очень хорошими людьми. Нѣкоторые солдаты сказали мнѣ, что война тяготитъ ихъ, и что они желали бы мира“. Молодой англійскій офицеръ пишетъ отцу, что перемиріе состоялось всюду, гдѣ передъ англичанами были не пруссаки. Молодой человѣкъ описываетъ, какъ дружески бесѣдовали англичане съ нѣмцами, какъ обмѣнивались визитными карточками и сувенирами и какъ играли вмѣстѣ. И вспоминаются слова Толстого, описывающаго, какъ солдатъ Сидоровъ говоритъ по-французски: „Послѣ этого нужно было, казалось, разрядить ружья, взорвать снаряды и разойтись поскорѣе всѣмъ по домамъ. Но ружья остались заряжены, бойницы въ домахъ и укрѣпленіяхъ такъ же грозно смотрѣли впередъ, и такъ же, какъ прежде, остались другъ противъ друга обращенныя, снятыя съ передковъ пушки“.

— „Сегодня перемиріе кончено. Если кто-нибудь покажетъ голову хоть на мигъ изъ траншеи, то сдѣлаетъ это въ послѣдній разъ“, — пишетъ молодой англійскій офицеръ.

.....
„Надо быть, конечно, очень большимъ оптимистомъ, чтобы обобщать такія явленія, какъ описанныя выше, и придавать имъ слишкомъ большое значеніе, но они тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, характерны, показывая, что воюющіе крайне охотно отрекаются отъ „звѣринаго“ чувства...“ — такъ заканчиваетъ г. Діонео многозначительныя цитаты изъ писемъ.

Лондонскій корреспондентъ „Русскаго Слова“ цитируетъ еще болѣе эффектные письма объ этомъ изумительномъ общеніи враговъ:

Заяц—примиритель враговъ.
И англичане и нѣмцы, увидѣвъ пробѣгающаго зайца, кинулись за нимъ сообща, на минуту забывъ о враждѣ. Рис. Д. Голидзя. «The Graphic».

— „У одного изъ нѣмцевъ оказался аппаратъ, и мы снялись группой: дюжина нашихъ и столько же нѣмцевъ,—пишетъ одинъ офицеръ.—Четыре парня изъ моей роты снялись съ нѣмцами обнявшись. Другіе усѣлись вокругъ нашего ротнаго командира съ другимъ офицеромъ и двумя нѣмецкими офицерами. Ихъ окружила толпа англійскихъ и нѣмецкихъ солдатъ, и такъ они снялись“.

Что касается взаимныхъ подарковъ, то одинъ солдатъ заявляетъ:

— „Я когда стоялъ на часахъ, то весь день курилъ нѣмецкія сигары и цѣлую ночь ѣлъ нѣмецкій шоколадъ“.

Само собой разумѣется, что новые и неожиданные друзья произвели другъ на друга самое лучшее впечатлѣніе.

— „Это добрые ребята... это настоящіе джентльмены, отличные товарищи“,—такія и тому подобныя аттестаціи попадаютъ почти во всѣхъ письмахъ.

— „Я слышалъ, что вечеромъ опять начнется бой,—пишетъ одинъ солдатъ,—только лучше бы намъ пришлось драться противъ другихъ окоповъ, а не противъ нашихъ рождественскихъ друзей“. („Русское Слово“, 1914 г. 24 дек.).

Нѣмцы, со своей стороны, проявляютъ неохоту драться.

— „Они говорили намъ,—пишетъ одинъ солдатъ,—что, „если вы завтра не будете стрѣлять, мы тоже не будемъ стрѣлять“. На завтра насъ смѣнили, но мы, уходя, сообщили о сдѣланномъ нѣмцами предложеніи тому полку, который насъ смѣнилъ“.

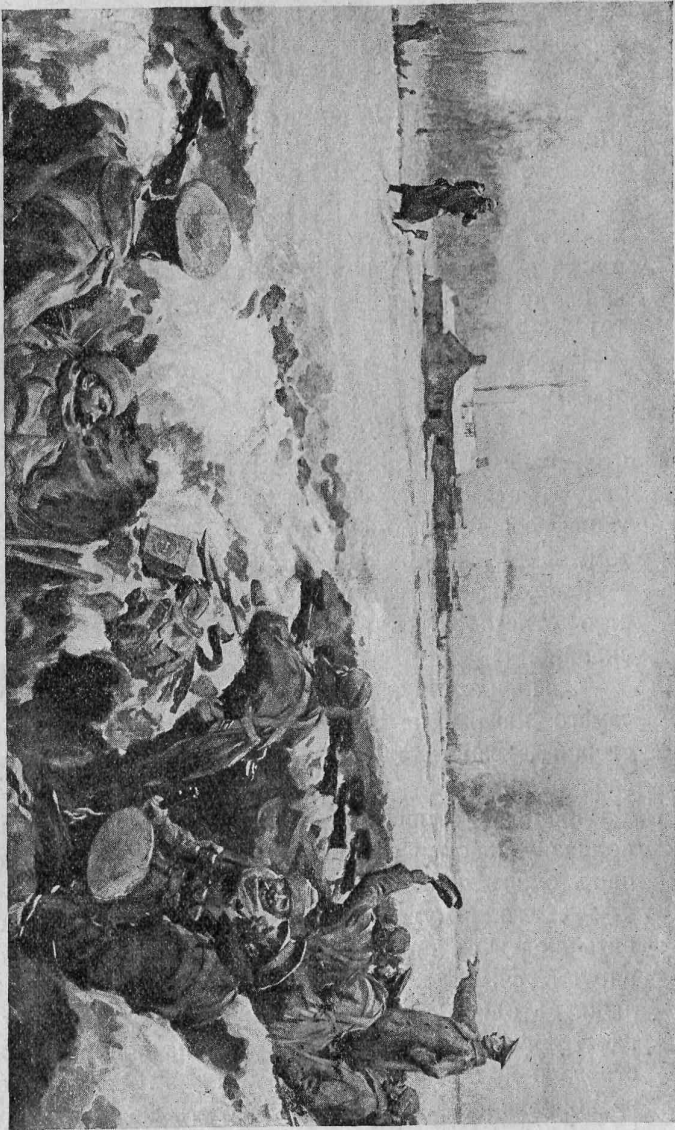
Необходимо отмѣтить, впрочемъ, что высшее начальство отнеслось къ этимъ уговорамъ весьма неблагоприятно.

— „Повидимому, всѣ наши рождественскія затѣи съ самаго начала не понравились начальству съ обѣихъ сторонъ,—замѣчаетъ другой,—но люди взяли дѣло въ свои руки“.

Впрочемъ, атмосфера была такова, что вліянію ея поддавались сами офицеры. Вотъ, на примѣръ, что пишетъ одинъ полковникъ:

— „Сегодня утромъ я обошелъ окопы, чтобы поздравить людей съ праздникомъ. Возвращаясь изъ обхода, я вдругъ услышалъ клики „ура“ и увидѣлъ, какъ наши люди съ одной стороны, а нѣмцы—съ другой бросились навстрѣчу другъ другу и, сойдясь на полпути, привѣтствовали другъ друга рукопожатіями. Сначала это мнѣ не понравилось, я приказалъ своимъ людямъ вернуться, но мнѣ сказали, что они хотятъ перемирія на одинъ день, чтобы похоронить убитыхъ. Я согласился и, при-

Рождественское перемирие вратовъ. Нѣмцы устанавливаютъ жестянку между своими и англійскими окопами для мирнаго сообщения въ стрѣльбѣ. Рис. А. Э. Микала.

казавъ половинѣ своихъ людей охранять траншеи, прошелъ впередъ и присоединился къ толпѣ, стоявшей между позиціями. Здѣсь я встрѣтилъ саксонца, который хорошо говорилъ по-англійски и служилъ мнѣ переводчикомъ, въ то время какъ вокругъ меня толпились нѣмцы—простые солдаты и унтеръ-офицеры. Я пробылъ тутъ почти цѣлый часъ и говорилъ нѣмцамъ, что, если бы они захотѣли установить перемиріе на Новый годъ, то мы могли бы съ ними сыграть въ футболъ на пространствѣ между позиціями“. („Рус. Слово“, 1914, декабрь).

Не слѣдуетъ думать, что только день Рождества произвелъ на британскихъ солдатъ столь волшебное дѣйствіе. Еще задолго до этого дня въ лондонской газетѣ „Daily News“ мнѣ попало такое письмо:

— „Наши окопы такъ близки къ нѣмецкимъ, что мы болтаемъ съ непріателемъ цѣлые дни. Наши поднимаютъ на палку жестянку, и кричатъ:

— Ну-ка, Миллеръ, валяй!

И Миллеръ немедленно пробиваетъ жестянку насквозь. Онъ очень хорошій стрѣлокъ; наши знаютъ всю его біографію“. (14 декабря 1914. Письмо лейтенанта Нильера).

Купанье команды на английском броненосце, на деке судна.

XI

СОБЫТІЯ ПОСЛѢДНЯГО ВРЕМЕНИ.

Въ этихъ очеркахъ не нашли отраженія славнѣйшія дѣянія британцевъ: Невъ-Шапельская битва, бомбардировка Дарданеллъ и т. д.

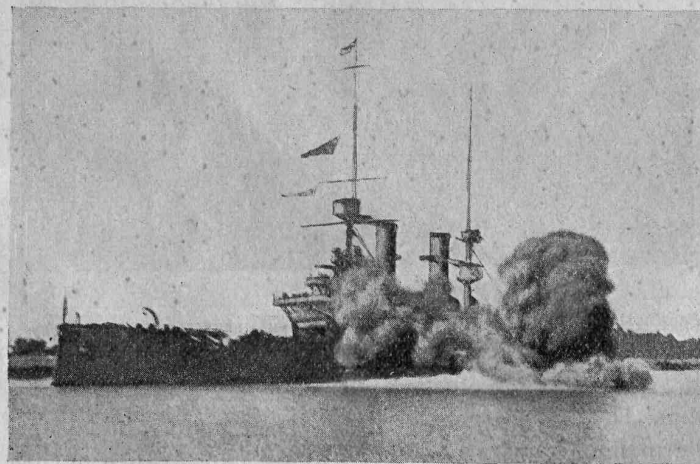
Писемъ о нихъ появилось немало, но я какъ-то не успѣлъ ихъ собрать. Приведу то небольшое, что попало мнѣ подъ руку. Вотъ о Дарданелльской кампаніи. Пишетъ своей матери морской офицеръ съ броненосца средиземной эскадры и, конечно, по английской привычкѣ, превращаетъ свое письмо въ доскональный подробный отчетъ, подкрѣпленный точнѣйшими цифрами.

— „Все было очень интересно, занято, забавно. Мы побывали подъ огнемъ, — и хоть бы что! Произошло это такъ: вчера нѣсколько офицеровъ были посланы въ небольшой миноносекъ осмотрѣть тѣ форты, которые подлежатъ атакѣ. Тронулись мы въ 1 ч. 30 мин. Забрались въ кубрикъ и помчались съ быстротою экспресса. Впереди было 10 миль, и мы прошли ихъ въ 20 минутъ. Предстояло пройти очень близко мимо одного изъ ту-

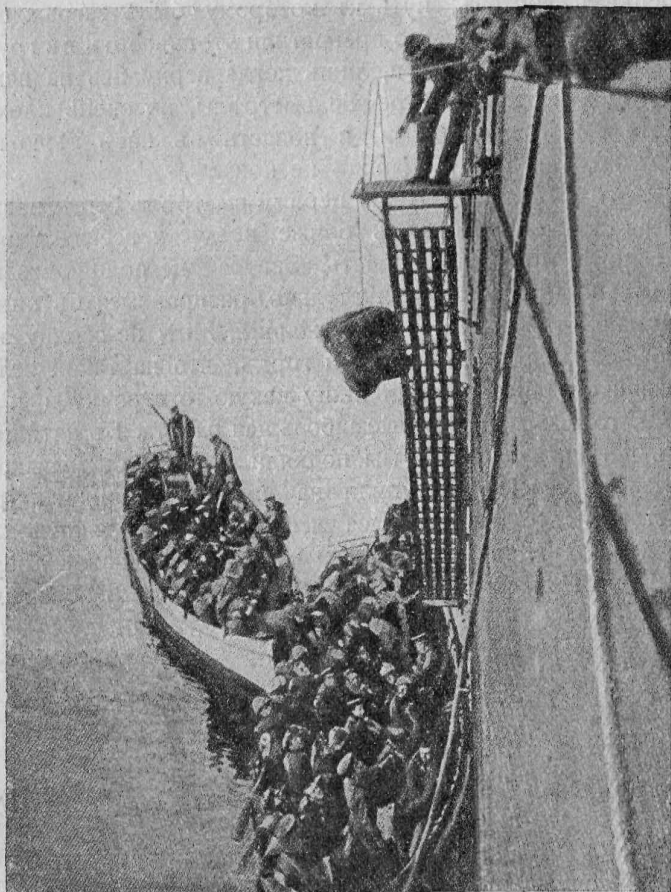
рецкихъ фортовъ, путь къ которому былъ загражденъ минами, — но мы скоро превратили этотъ фортъ въ груды камней и развалинъ, и, лишь когда вернулись на наши позиціи, раздались турецкіе выстрѣлы, но очень плохіе: хотя мы стояли вблизи, и попасть въ насъ было не трудно, — ни одинъ снарядъ не попалъ.

22-го февраля. Сегодня первый выстрѣлъ былъ нашъ; мы стояли къ фортамъ ближе всѣхъ, и все же турки не могли въ насъ попасть. Завтра мы подойдемъ къ нимъ вплотную и окончательно расправимся съ ними. Думаю, что пріемъ будетъ жаркій. Мнѣ по-сердцу эта боевая тревога; счастливъ и гордъ, что на такой величавой страницѣ исторіи пишу какую-то строчку и я.

25-го февраля. Закипѣла большая работа. Въ пятницу, въ четверть девятого, мы подняли якорь и съ музыкой, очень веселые, выступили на наши позиціи. Въ три четверти десятого раздался сигналъ, и мы бросились кто куда, подъ прикрытія. Въ 9 час. 56 мин. наша лѣвая передняя башня, съ 12-дюймовыми пушками, открыла

Залпъ съ английского крейсера.

Английский транспорт высаживает новоприбывший отряд на полуостров Галлиполи.

огонь. Первый снаряд — недолетъ. Второй — перелетъ. Третий попалъ въ самую точку, и въ воздухъ взлетѣла огромная туча камней, кирпичей, а можетъ-быть, и турокъ и (будемъ надѣяться!) нѣмцевъ. Мы палили въ это мѣсто цѣлый часъ; форты и не пытались отвѣчать.

А потомъ наше мѣсто занялъ другой броненосецъ и продолжалъ нашу работу часа два. Мы же стояли въ сторонѣ и смотрѣли. Пушки непрерывно грохотали; огромное облако сѣраго дыма окутало фортъ, а тутъ еще другой нашъ броненосецъ принялся палить по турецкому лагерю, вызвавъ тамъ пожаръ. Неподалеку отъ этого форта стояли казармы; снаряды полетѣли туда, и тамъ тотчасъ же показалось пламя.

Форты и на этотъ разъ хранили безмолвіе.

Высадка английского десанта въ Галлиполи. Шлюпки не успѣли приблизиться къ берегу, какъ подверглись обстрѣлу турецкихъ батарей.

Въ три часа раздался сигналъ подойти поближе и нанести имъ послѣдній ударъ. Къ намъ присоединились два французскихъ судна. Но на этотъ разъ, едва мы приблизились къ форту, турки открыли огонь. Наступило горячее время. Снаряды такъ и носились надъ нами, а иные пролетали между мачтами. Сдѣлавъ свое дѣло, мы ушли. Дивный вечеръ, ни малѣйшаго вѣтра. Море тихое, и въ немъ безшумно скользятъ сѣрые корабли-великаны. Вдали — возбужденные зрители. Изъ жерлъ пушекъ то тамъ, то здѣсь вылетаетъ кроваво-красное пламя. Вотъ,

надъ какой-то уединенной постройкой — турецкой сигнальной станціей — взвился прямо въ небо дымокъ, и снова воцарилось молчаніе. А на-завтра поднялся такой шквалъ, что о бомбардировкѣ и думать нельзя.

26-го февраля. Сегодня у насъ день грандіозный. Мы разрушили форты у входа, остались только дымящіяся груды развалинъ; всѣ люди, всѣ орудія уничтожены. Мы побывали опять подъ огнемъ, но турки не попали въ насъ ни разу“. („Times“, March 17, 1915).

Въ слѣдующемъ письмѣ къ своей матери тотъ же морской офицеръ тѣмъ же языкомъ профессиональнаго газетнаго корреспондента описываетъ продолженіе этой Дарданелльской кампаніи. Хотя моя книжка — не лѣтопись войны, хотя подробности различныхъ боевыхъ эпизодовъ мало интересуютъ ее, но для характеристики англійскаго эпистолярнаго стиля привожу это письмо цѣликомъ, заимствуя его переводъ изъ газеты „Русское Слово“ (1915, № 140).

На борту „Swiftsure“. Дарданеллы, 10-го мая.

— „Дорогая матушка! Очень благодаренъ вамъ за ваши два письма. За послѣднія три недѣли здѣсь была такая кипучая работа, что я рѣшительно не имѣлъ времени вамъ отвѣтить.

25-го апрѣля, послѣ неоднократныхъ отсрочекъ, мы наконецъ произвели у входа въ Дарданеллы сильный десантъ въ составѣ британскихъ, французскихъ и австралійскихъ войскъ. Ночью мы снялись съ нашей якорной стоянки и подошли къ мѣсту, намѣченному для высадки, на разсвѣтѣ, а именно около половины пятого утра. Намъ предстояло произвести здѣсь высадку значительнаго отряда британскихъ войскъ. Я поднялся въ это утро около половины четвертаго. Когда я вышелъ на палубу, то увидѣлъ, что море на нѣсколько миль усѣяно боевыми судами, транспортами, буксирами, баржами, мелкими пароходиками и катерами. Мы (т.-е. боевые суда) повернули въ бейдевиндъ и, какъ только достаточно

разсвѣло, открыли по берегу адскій огонь изъ всѣхъ орудій, обстрѣливая каждый холмъ, каждую заросль, каждый оврагъ, каждую скалу. За полчаса времени одинъ только нашъ „Swiftsure“ выпустилъ свыше тысячи снарядовъ, и все побережье было буквально засыпано разрывными бомбами. Я думаю, что это была самая жестокая бомбардировка, какую когда-либо знала исторія, и нельзя было себѣ представить, чтобы что-либо живое уцѣлѣло въ этомъ аду. Турки не подавали никакихъ признаковъ жизни, и мы, естественно, надѣялись, что мы ихъ здѣсь всѣхъ „успокоили“. Когда наша бомбардировка прекратилась, къ берегу направилось около десятка пароходовъ, изъ которыхъ каждый тянулъ за собой по шести лодокъ, переполненныхъ солдатами. Когда они подошли уже вплотную къ берегу, спрятавшіеся тамъ турки открыли убійственный пулеметный огонь. Пока пароходики нашупывали мѣсто, гдѣ причалить, много нашихъ людей погибло отъ этого огня. Несчастные раненые падали въ воду и тонули, увлекаемые ко дну тяжестью своихъ ранцевъ и амуниціи. Среди матросовъ, управлявшихъ лодками, также было много раненыхъ и убитыхъ. Какъ это ни покажется невѣроятнымъ, но тѣ солдаты, которые уцѣлѣли подъ этимъ ливнемъ пуль, несмотря на загражденія изъ колючей проволоки, скрытыя подъ водой, несмотря на острые колья, густо вбитые по дну у самага берега, взобрались таки на берегъ и кинулись въ штыки на турокъ. Турки же сидѣли въ окопахъ, вырытыхъ ярдахъ въ 25-ти отъ линіи причала, съ хорошо укрытыми въ ямахъ пулеметами. Всѣ эти турки были перебиты, а затѣмъ наши люди ринулись въ атаку на прибрежныя высоты. Первыми высадились на берегъ ланкастерскіе стрѣлки, а за ними сейчасъ же послѣдовали уорчестерцы. Это было грандіозное зрѣлище. Невзирая на то, что рядомъ товарищи падали ранеными или убитыми, остальные неудержимо шли впередъ, взбираясь по крутымъ откосамъ, поросшимъ мелкимъ кустарникомъ, укрываясь за неров-

ностями почвы и отстрѣливаясь черезъ каждые 100 ярдовъ или около того. Добравшись до турецкихъ окоповъ, наши люди кидались въ нихъ со штыками. Тѣ изъ турокъ, которые не были при этомъ переколоты, бѣжали прочь, карабаясь на окружающія высоты, гдѣ ихъ преслѣдовали снаряды съ нашихъ боевыхъ судовъ, многихъ разорвавшіе въ клочки. Какъ только наши люди укрѣпились на берегу, начали подходить буксиры, высаживая все новыя и новыя войска. Высадились врачи и санитары, подбиравшіе раненыхъ и отправлявшіе ихъ затѣмъ на пловучіе госпитали. Высадились также саперы, которые тотчасъ же принялись прокладывать дорогу, строить дамбу для причала новыхъ судовъ, проводить телефоны. Черезъ какой-нибудь часъ послѣ начала высадки работа у нихъ уже кипѣла. Нѣсколько поодаль отъ мѣста нашей высадки, у деревушки Седиль-Бахрѣ, подошелъ къ берегу тихоходъ-грузовикъ. На этомъ грузовикѣ въ бортахъ были сдѣланы широкіе прорѣзы; къ нему были принаитовлены по бокамъ двѣ баржи, образуя своего рода заслонъ. На этомъ пароходѣ было около двухъ тысячъ королевскихъ мюнстерскихъ и королевскихъ дублинскихъ стрѣлковъ. Они произвели высадку въ 20 минутъ, хотя и понесли при этомъ тяжкія потери. Мы прозвали этотъ пароходъ „деревяннымъ конемъ“ (троянскимъ). Надо замѣтить, что развалины древней Трои были отъ насъ всего въ нѣсколькихъ миляхъ. Турки, засѣвшіе въ этой деревушкѣ, оказали отчаянное сопротивление, такъ что мы заняли ее только на слѣдующій день, хотя „Альбионъ“ и разстрѣливалъ ее чуть не въ упоръ изъ своихъ 6-дюймовыхъ орудій.

Какъ только турки послѣ каждого залпа орудій „Альбиона“ выскакивали изъ деревни, такъ ихъ тотчасъ же начинали разстрѣливать наши солдаты съ берега. Когда солнце перешло за полдень, побережье представляло собой зловѣщую картину. Берегъ у самага моря былъ усѣянъ тѣлами нашихъ убитыхъ (въ одной только группѣ я насчиталъ до 50-ти труповъ). Нѣсколько труповъ по-

висло на проволочныхъ загражденіяхъ по склону холма, какъ будто ставъ жертвами капкановъ смерти. По направленію къ намъ ежеминутно отплывали лодки, переполненныя ранеными, и въ то же время на берегъ безпрерывно высаживались свѣжія войска. Плѣнныхъ турокъ, въ числѣ 65-ти, заставили носить камни для сооружения причальной дамбы. Тутъ же былъ взятъ въ плѣнъ одинъ германскій офицеръ.

Къ вечеру наши люди сами укрѣпились на грядѣ холмовъ, ближайшей къ берегу. Въ то же время они успѣли выгрузить нѣсколько полевыхъ орудій съ лошадьми и достаточное количество боевыхъ припасовъ. Всю ночь напролетъ турки вели отчаянныя контръ-атаки, и по всей линіи всю ночь не прекращалась ружейная трескотня, но всюду непріятель былъ отбитъ съ тяжелыми потерями. На слѣдующее утро нашимъ войскамъ пришлось туго, такъ какъ турки пустили въ дѣло артиллерію, которую они до тѣхъ поръ держали въ резервѣ, и если бы не отвѣтный огонь тяжелыхъ орудій нашего флота, если бы не прибытіе подкрѣплений,—сначала французскихъ войскъ, потомъ новыхъ британскихъ,—дѣло было бы совсѣмъ плохо. Французы въ первый день операцій высадили небольшой отрядъ на азіатскій берегъ, въ качествѣ диверсіи, чтобы отвести туркамъ глаза. Потомъ этотъ отрядъ былъ возвращенъ на суда, и французы высадились на южной оконечности Галлипольскаго полуострова въ помощь нашимъ войскамъ. Австралійскія и новозеландскія войска высадились въ 10-ти миляхъ дальше къ сѣверу и выполнили эту операцію блестяще, хотя и не безъ тяжелыхъ потерь.

Задача флота состояла въ обстрѣлѣ турецкихъ позицій и батарей, по указаніямъ, которыя намъ дѣлали наши артиллерійскіе офицеры съ берега, а также по сигналамъ нашихъ летчиковъ. Кромѣ того, у насъ былъ еще для наблюденій огромный баллонъ-каптивъ съ телефономъ,—„колбаса“, какъ мы его прозвали. Этотъ баллонъ-каптивъ функционировалъ блестяще и, въ смыслѣ ока-

занных имъ услугъ, стоилъ добраго десятка аэроплановъ. Въ теченіе слѣдующихъ дней то и дѣло завязывались жаркіе бои.

Намъ удалось выгрузить тысячи лошадей съ повозками и много орудій, въ томъ числѣ нѣсколько орудій большого калибра.

Сначала турки очень охотно предпринимали ночныя атаки,—въ особенности потому, что въ ночное время наши боевыя суда могли оказывать намъ лишь незначительную поддержку огнемъ своихъ орудій. Однако, послѣ цѣлаго ряда отбитыхъ атакъ съ тяжелыми для турокъ потерями, они стали осторожнѣе.

Въ первые два дня пули съ берега часто жужжали надъ нашими палубами, заставляя насъ невольно „раскланиваться“. Однажды пуля ударила въ башенку, возлѣ которой я стоялъ. На крейсерѣ, стоявшемъ рядомъ съ нами, такой же шальной пулей, залетѣвшей на квартердекъ, былъ убитъ одинъ офицеръ. Точно такимъ же образомъ былъ убитъ братъ нашего капитана на борту своего контръ-миноносца, всего лишь нѣсколько дней назадъ присоединившагося къ нашей эскадрѣ. Нѣсколько снарядовъ упало въ море также совсѣмъ близко отъ насъ. Германскіе летчики проявляли какую-то особую неприязнь къ нашему „Swiftsure“ и позже неоднократно пытались сбросить на наше судно свои бомбы. Случалось, что эти бомбы падали очень и очень близко. Нѣсколько пловучихъ минъ было выловлено нами какъ разъ въ-время. Мы стоимъ теперь на якорѣ возлѣ самага берега; вокругъ насъ транспорты, вспомогательныя суда и проч. Каждый день мы разстрѣливаемъ до двухсотъ снарядовъ изъ тяжелыхъ орудій. Если мы передвигаемся, то лишь для того, чтобы стать въ позицію, болѣе удобную для обстрѣла какого-либо отдѣльнаго пункта, или же для того, чтобы пополнить свой запасъ снарядовъ.

Ежедневно прибываютъ свѣжія войска,—британскія, французскія, индійскія, австралийскія и новозеландскія. Очень интересно наблюдать, какъ они высаживаются.

Вчера и сегодня на позиціяхъ затишье, но передъ этимъ былъ ожесточенный бой. Мы пока еще очень немного продвинулись впередъ, такъ какъ турецкія позиціи очень сильны, и намъ нужно гораздо больше войскъ. Потери турокъ весьма значительны. Нашъ „Swiftsure“ потерялъ двоихъ убитыми и троихъ ранеными (въ лодкахъ). Турки не даютъ пощады нашимъ раненымъ и почти всегда добиваютъ ихъ или, еще хуже того, глумятся надъ ними и обезображиваютъ (нѣмецкая повадка). Въ этомъ смыслѣ нами были установлены потрясающіе факты. Хотя мы взяли въ плѣнъ свыше тысячи турокъ, но наши люди были такъ озлоблены, что съ ними не церемонились. Двухъ германскихъ офицеровъ удалось взять въ плѣнъ живыми, но гораздо больше ихъ убито.

Нѣсколько дней назадъ я съѣхалъ на берегъ на полтора часа (въ первый разъ за два слишкомъ мѣсяца) и имѣлъ случай объѣхать и осмотрѣть поле происшедшихъ сраженій.

Мнѣ представляется прямо чудомъ, какъ могли какія бы то ни было войска овладѣть побережьемъ при наличности такой обороны, какая была здѣсь подготовлена. Вся мѣстность буквально, какъ пчелиныя соты, изрыта прекрасно-оборудованными турецкими окопами, пещерами для укрытія орудій и загражденіями изъ колючей проволоки, обрывокъ которой, между прочимъ, лежитъ передъ моими глазами, когда я пишу вамъ эти строки. Въ особенности чудовищна была изобрѣтательность враговъ въ устройствѣ загражденій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти загражденія достигали 7 футовъ вышины, при 80 ярдахъ ширины. На всемъ этомъ пространствѣ проволока переплеталась густой сѣтью, представляя собой настоящей капканъ съ острыми и длинными шипами. Въ то же время самая проволока была такой толщины, что съ ней нельзя было справиться при помощи обыкновенныхъ ножницъ для проволоки, какими пользуются наши саперы. Мѣстность вся гористая и покрытая густыми зарослями кустарника, такъ что и съ этой стороны всѣ

условія благопріятствовали отчаянной оборонѣ. На нѣсколько миль вокругъ берегъ былъ усѣянъ всевозможными обломками, пустыми жестянками изъ-подъ мясныхъ консервовъ, ящиками, стрѣлянными гильзами, штыками, обрывками ремней отъ амуниціи, а больше всего—лоскутами турецкаго платья, зачастую изъ матерій чудеснаго рисунка и выдѣлки. Кое-гдѣ еще виднѣлись трупы турокъ, но большая часть убитыхъ къ этому времени была уже погребена.

Лагерь нашихъ войскъ представляетъ собою настоящій городокъ, хотя, впрочемъ, солдаты располагаются въ землянкахъ, а не въ палаткахъ. Палатками пользуются только для госпиталей, для штабныхъ учреждений и т. п. Здѣсь тысячи лошадей съ повозками, автомобили, велосипеды, орудія, ящики съ провіантомъ... Все это расположено въ образцовомъ порядкѣ, какъ у хорошаго повара въ кухнѣ. Весь берегъ кишитъ солдатами, матросами и крючниками-греками, разгружающими отъ разнаго скарба баржи и лодки, выстроившіяся вдоль трехъ причальныхъ дамбъ.

Поднимаясь на холмъ, мы встрѣтили офицера верхомъ и рядомъ съ нимъ пѣшаго солдата. Оба они были въ обыкновенной британской формѣ, но разговаривали между собой по-русски. Я остановилъ ихъ, чтобы спросить, откуда они, и узналъ, къ своему удивленію, что они принадлежатъ къ добровольческому батальону русскихъ евреевъ изъ Палестины, которые нѣсколько мѣсяцевъ назадъ были изгнаны оттуда турками. Здѣсь ихъ 500 человекъ со своими офицерами, подъ общей командой офицера-англичанина, и, кромѣ того, еще нестроевой отрядъ въ 200 человекъ, также добровольцевъ. Вы только вообразите себѣ: еврейскій полкъ, добровольно отправляющійся сражаться!

На пути намъ пришлось пересѣчь совершенно открытую мѣстность. Въ это время совсѣмъ подлѣ насъ разорвались два снаряда, но на берегу подобныя приключенія кажутся почему-то менѣе жуткими, чѣмъ на

борту корабля, и солдаты совсѣмъ даже не обратили вниманія на разорвавшіеся снаряды.

Само собою разумѣется, что главная работа для нашего флота начнется только тогда, когда войска достаточно продвинутся внутрь полуострова и получатъ возможность обстрѣливать форты изъ тяжелыхъ орудій. Тогда начнется рѣшительная атака на форты и съ суши и съ моря. Я не сомнѣваюсь, что въ урочное время мы доберемся до Константинополя, но на это можетъ понадобиться нѣсколько мѣсяцевъ. Все-таки мы пройдемъ отсюда въ Черное море.

Погода здѣсь стоитъ превосходная, — днемъ жарко, ночью прохладно, и совсѣмъ мало дождей. Трудно пожелать лучшаго климата для людей, вынужденныхъ вести боевую жизнь. Если бы только наши потери не были такими тяжелыми, все было бы отлично“.

А вотъ и пресловутая новинка нѣмецкой стратегіи—ядовитый, удушающій газъ, въ описаніи британскаго солдата:

— „Въ четвергъ послѣ обѣда, въ половинѣ пятаго,—пишетъ солдатъ,—наши развѣдчики донесли объ отступленіи французовъ и лѣваго фланга канадской дивизіи. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, дувшій прямо отъ непріятели къ французскимъ траншеямъ, сталъ удушливымъ и тошнотворнымъ. Мы поняли, что весь онъ налитанъ какими-то ядовитыми газами. Дымъ двигался прямо на насъ живой зеленой стѣной въ четыре фута высоты и въ нѣсколько сотъ ярдовъ длины. 200 ярдовъ этой стѣны захватили нашъ лѣвый флангъ. Понемногу она поднималась все выше, и вскорѣ мы услышали какіе-то странные крики, и изъ этого зеленого тумана, значительно уже порѣдѣвшаго, стали выскакивать люди, словно ошарашенные, шатаясь, какъ пьяные, бѣжали къ намъ—и падали замертво, хоть и не были ранены. На лицахъ у многихъ появилась предсмертная судорога. Эти бѣжавшіе изъ строя солдаты были лучшими солдатами въ мірѣ; ихъ выдержка и стойкость въ бою служили примѣромъ для всѣхъ. И вотъ они бѣгутъ къ

Отравленные газы въ английской траншеѣ.
Набросокъ С. Кюнео въ «Illustr. War News».

Маска противъ удушающихъ газовъ: респираторъ съ автоматическимъ клапаномъ.

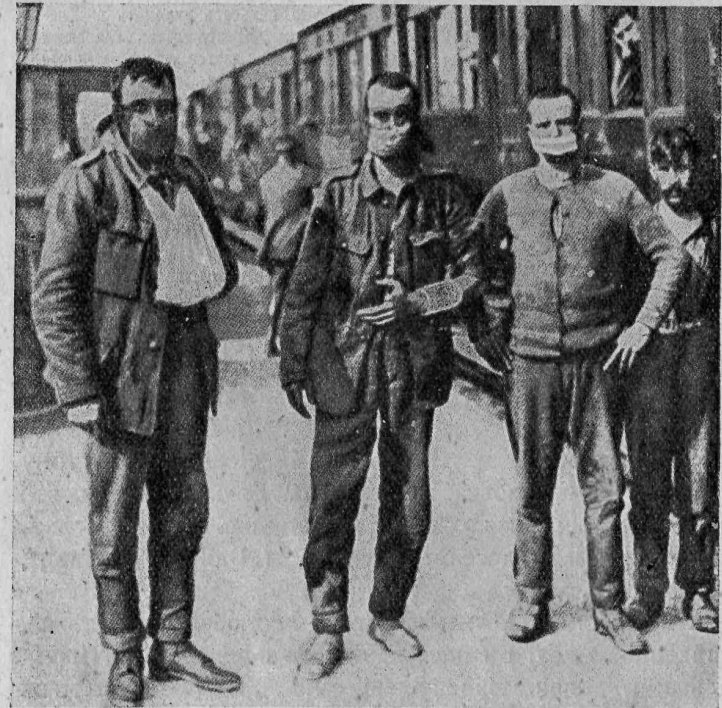
намъ, качаясь, какъ пьяные, и въ паникѣ пробираются сквозь наши ряды...» („Times“, April 28, 1915).

Вначалѣ была хоть надежда, что эти ядовитые газы приносятъ легкую и быструю смерть. Умереть отъ пули, отъ шрапнели мучительно, а здѣсь какая-то нирвана, полусонъ. Оказывается, это не такъ. Нѣтъ страшнѣе смерти, чѣмъ смерть отъ этого новаго яда.

— „Въ нашемъ го-

спиталѣ много отравленныхъ,—пишетъ одинъ офицеръ.— Ихъ стоны ужасны. Тѣла ихъ черны, какъ смола. Лица тоже. Глаза пылаютъ. Изъ рта идетъ пѣна. Они задыхаются. Легкія у нихъ полны ядовитою жидкостью, и доктора говорятъ, что ихъ состояніе напоминаетъ предсмертныя конвульсіи утопленниковъ. Врачи и сидѣлки работаютъ дни и ночи напролетъ, чтобы облегчить ихъ мученія“.

— „Изъ двадцати челоуѣкъ,—пишетъ другой офицеръ,— восемьро умерло прошлой ночью, а затѣмъ

Респираторы, которые спасли имъ жизнь. Эти три английскихъ солдата были ранены и не могли выбраться изъ траншей, наполненныхъ ядовитыми нѣмецкими газами. Но „противогазы“ сберегли ихъ отъ смерти.

Крестъ Викторіи (Victoria Cross, подлинный размѣръ). Основанъ въ 1856 году, по окончаніи крымской кампаніи, въ качествѣ высшей награды «за доблестныя дѣянія и преданность родинѣ, выказанныя передъ лицомъ врага», — какъ гласитъ орденскій статутъ. Маленькій чугунный крестикъ, стоимостью въ нѣсколько пенни, не имѣетъ степеней, и его съ одинаковой гордостью носятъ и принцы крови, и простые солдаты, и штатскіе добровольцы. До настоящей войны этотъ крестъ получили всего пятьсотъ двадцать два человека. Крестъ этотъ главнымъ образомъ дается тѣмъ, которые смогли спасти жизнь другого... Такъ, во время дѣла подѣ Балаклавой одинъ лейтенантъ получилъ крестъ за то, что, услышавъ, что сержантъ его полка отсталъ отъ своихъ изъ-за хромавшей лошади, — вернулся назадъ и вырвалъ солдата почти изъ вражескихъ рукъ. При этомъ же дѣлѣ сержантъ Фарелль и сержантъ Берриментъ получили кресты за то, что подѣ огнемъ вынесли на рукахъ своего раненаго капитана. («Аргусъ», 1915, II).

умрутъ и остальные. Если же кто и выживетъ, тому грозитъ злая чахотка (пневмонія). Безъ сомнѣнія, это наиболѣе свирѣпая форма мучительства изъ всѣхъ, изобрѣтенныхъ доселѣ наукой». («Daily Telegraph», 7 мая 1915).

А вотъ описаніе извѣстнаго „Фестюберскаго дѣла“, найденное мною въ письмѣ одного офицера въ „Times“ отъ 9-го іюня. Характерно, что „Times“ (и прочія англійскія газеты) предпочитаютъ офицерскія письма. Въ Россіи интересуются больше письмами простыхъ рядовыхъ.

Этотъ офицеръ говоритъ:

— „Мы уже порядкомъ продвинулись впередъ. Недавняя наша ночная атака дала намъ большое пространство. Теперь мы захватили двѣ мили, не меньше, по фронту шириною въ 3½ мили. Канадцы оказались молодцами: это превосходные солдаты. Сколько я могъ судить, потери у насъ невелики, — несомнѣнно онѣ значительно меньше, чѣмъ были подѣ Невъ-Шапелемъ, — а результаты серьезнѣе. Я объѣхалъ всю захваченную нами область; она залита кровью, буквально. Въ одномъ мѣстѣ было цѣлое гнѣздо пулеметовъ, около двѣнадцати штукъ, нѣмцы предприняли противъ этого пункта, по меньшей мѣрѣ, пятнадцать атакъ, — и всякій разъ были прогоняемы прочь. Вся земля абсолютно покрыта тѣлами убитыхъ и раненыхъ, и хотя мы каждую ночь подбираемъ ихъ съ поля, ихъ все еще огромное множество“.

Не легко даются англичанамъ ихъ успѣхи на Галлипольскомъ полуостровѣ. Одинъ ланкаширскій солдатъ пишетъ оттуда такъ:

— „Когда мѣсяць назадъ я посылалъ вамъ письмо, я былъ увѣренъ, что оно — послѣднее, что больше писать не придется. Но бываютъ же такіе счастливики! — вообразите, я живъ до сихъ поръ. Это до невѣроятности странно. Я уже успѣлъ побывать подѣ всѣми сортами огня: подѣ шрапнелью, лиддитомъ, пулями, чемоданами, бомбами, и до сихъ поръ ни единой царапины! Не то съ моими милыми товарищами. Никто изъ нихъ не остался въ живыхъ! У одного я снялъ съ пальца на память кольцо, подарокъ его невѣсты; на внутренней сторонѣ кольца надпись: „Какъ это кольцо, моя любовь не имѣетъ конца“. То и дѣло мы находимъ на полѣ сраженія трогательные сувениры убитыхъ: карточки отцовъ, матерей, завѣтные женскіе локоны. Мы относимся къ этимъ вещамъ съ уваженіемъ, и я видѣлъ, какъ одинъ офицеръ прослезился, найдя на какомъ-то убитомъ карточку двухъ малышей.“

Теперь нѣсколько словъ о бояхъ. Говорили, будто битва подѣ Монсомъ — одна изъ величайшихъ въ исторіи.

Подождите, покуда напишутъ исторію нашихъ галлипольскихъ боевъ. Тогда вы поймете, что англо-саксонскими парнями было совершенно невозможное. Богъ еще не создавалъ такихъ воиновъ, и люди еще не ставили имъ такихъ неодолимыхъ преградъ. Приготовьтесь кричать „ура“ удивительной арміи Китченера“. („Daily News“, 7 августа 1915 г.).

Колоссальны были потери британцевъ въ Галлиполи. За первыя пять недѣль ихъ пребыванія тамъ у нихъ выбыло изъ строя 45.000 человекъ! Въ общемъ же они потеряли до ста тысячъ убитыхъ и раненыхъ, то-есть почти пятьдесятъ процентовъ всего отряда! Хорошо, что они оттуда ушли, но какъ долго они тамъ оставались!

Подъ непрерывнымъ огнемъ, за тысячу верстъ отъ родины, на безводныхъ, бесплодныхъ камняхъ, мучимые дизентеріей и жаждой, предъ лицомъ вдесятеро сильнѣйшихъ враговъ, замкнувшихся въ неприступныхъ твердыняхъ, эти люди не впали въ отчаяніе, а бодро и безропотно три четверти года пробыли предъ жерлами пушекъ, почти не вѣря въ возможность побѣды.

Здѣсь выдержка и закаленность британцевъ сказались съ ослѣпительной яркостью. Такъ легко переносить неудачи умѣютъ лишь могучія души! Не трудно быть бодрымъ во время удачъ, но возьмите любое письмо Томми Аткинса, писанное въ пору самыхъ тяжелыхъ невзгодъ, и васъ поразитъ его тонъ, жизнерадостный, даже шутливый.

Вотъ типичное письмо изъ Малой Азіи отъ раненаго въ голову солдата, напечатанное только-что въ „Times'ъ“.

„Пуля хлопнула меня по башкѣ, но башка у меня, какъ извѣстно, пустая, такъ что о мозгахъ не беспокойтесь. Я долго пролежалъ на землѣ, въ компаніи убитыхъ и раненыхъ. Пули такъ и порхали вокругъ. Послѣ попалъ въ лазаретъ, но—увы!—на короткое время, ибо вскорѣ началось отступленіе; на маленькій нашъ отрядъ нападаетъ огромное полчище турокъ: въ девять разъ больше, чѣмъ насъ!

У меня же ни ружья ни снарядовъ. Все мое имущество — штаны да рубашка. А турки такъ и насѣдаютъ на насъ. Ну, думаемъ, пришелъ нашъ конецъ. Къ счастью, удалось окопаться.

Всю ночь мы стрѣляемъ безъ устали, чтобы спасти нашихъ раненыхъ. На утро турки снова — на насъ. Намъ приказываютъ отойти еще дальше, и мы устроились-было въ новыхъ окопахъ и усѣлись тамъ подъ турецкими выстрѣлами, но наши офицеры увидели въ бинокль, что турки получили подкрѣпленіе и снова налетаютъ на насъ!

Снова укладываемъ тяжело-раненыхъ въ телѣги и идемъ восемь миль по мучительно-тряской дорогѣ къ рѣкѣ, къ нашему прежнему лагерю, гдѣ мы оставили шлюпки.

Идемъ мы, идемъ безъ конца, а рѣки не видать. Мы поняли, что заблудились въ пустынѣ. Стемнѣло. Ночь. Мы построили наши телѣги въ карре и, окруженные ими, расположились на отдыхъ. Тѣ, кто еще могли управляться съ ружьемъ, стали на часы. Наступилъ такой собачій холодъ, что мы всѣ дрожали, какъ желе. По обычаю здѣшнихъ пустынь, нужно было ожидать непременно, что скоро нападутъ на насъ эти смазливые черти—арабы. Наши офицеры, въ предвидѣніи грозящей опасности, роздали намъ послѣднія порціи водки, жестянки съ молокомъ и т. д., и мы до разсвѣта прождали, что турки нападутъ на насъ съ тыла, а арабы — съ фронта. Понятно, что, когда разсвѣло, мы взглянули съ изумленіемъ другъ на дружку: неужели мы все еще живы?

Вскорѣ намъ попалось навстрѣчу нѣсколько конныхъ индусовъ, которые указали намъ тропку къ рѣкѣ, куда мы и прибыли послѣ трехчасового пути. Какъ кинулись мы къ водѣ, Боже мой! Вѣдь три дня мы были безъ воды!

Все это время раненые страдали ужасно. И моя бѣдная головушка тоже: такъ и моталась, какъ мертвая. Конечно, я не зналъ, что съ ней, но мой продырявленный

шлемъ весь былъ наполненъ кровью, такъ что я не мало дивился тому, что все еще живъ, а не мертвъ. На нашихъ суденышкахъ мы съ величайшимъ комфортомъ возлегли на кучѣ одѣялъ и поплыли внизъ по Тигру до самаго Кутъ-Эль-Амара, гдѣ узнали пріятную новость, что въ нижнемъ теченіи рѣки насъ ожидаютъ турки. Мы прождали въ Кутъ два дня, но потомъ принуждены были двинуться дальше и вскорѣ были встрѣчены цѣлымъ градомъ турецкихъ снарядовъ. У насъ прибавилось убитыхъ и раненыхъ, но спасибо и за то, что врагамъ не удалось пустить нашу флотилію на дно“.

(„Times“, 1916, январь)

XII.

ДВА ПИСЬМА.

Выше я указывалъ, что въ англійскихъ книжкахъ нерѣдки цитаты изъ русскихъ солдатскихъ писемъ. Я даже перевелъ два отрывка. Не дико ли, что русскія письма приходится разыскивать въ Лондонѣ и печатать ихъ въ переводѣ съ англійскаго, а въ Россіи такъ-таки не нашлось никого, кто бы ихъ собралъ и издалъ. Да послужить эта маленькая книжка укоромъ косному русскому обществу, которое словно забыло, что голосъ рядового Иванова нынѣ есть голосъ народа.

Интересно бы сравнить эти нынѣшнія русскія письма съ нѣмецкими. Различіе двухъ національныхъ стихій сказало бы съ небывалою яркостью. Порою сама жизнь наталкиваетъ насъ на сравненія, — какъ это случилось съ корреспондентомъ „Рѣчи“ С. Кондурушкинымъ, который одновременно, одно за другимъ, нашелъ на полѣ сраженія два однородныхъ письма, одно—русское, другое—нѣмецкое. Разница оказалась разительная.

Г. Кондурушкинъ рассказываетъ:

„Стали попадаться австрійскіе трупы. Впервые увидѣлъ группу изъ трехъ: два лежатъ рядомъ, чернобородые и строгіе мадьяры, третій упалъ головой къ нимъ на колѣни, лицомъ къверху. Послѣдній—молодой, вихрастый, тощій, голова безъ картуза. Похожъ на подмастерье-сапожника. Подъ шинелью на немъ куртка суслинаго мѣха, лицо по впадинамъ рта, глазъ и подбо-

родка покрыто снѣгомъ. Подъ полой у него письмо, написанное по-нѣмецки. Я взялъ его. Малограмотная женская рука, нѣкоторыя слова трудно понять. Вотъ что я наконецъ прочиталъ въ немъ послѣ нѣкоторыхъ усилий. Позвольте его привести здѣсь цѣликомъ. Право же, около трупа очень хочется знать, какими интересами жилъ человѣкъ.

— „30/I. 1915. Дорогой Густавъ! Ты мнѣ всегда пишешь, что не получаешь отъ меня письма. Я тебя еще разъ спрашиваю, для чего ты взялъ задатокъ на бураки? Никогда въ жизни я еще не страдала такъ, что ты взялъ. Адресъ Юзефа Врана пѣхотный 54 полкъ, вторая запасная рота, третій взводъ, Ольмюцъ, госпитальныя казармы.

Дорогой Густавъ, напиши мнѣ, сколько ты взялъ денегъ займы отъ Аксмана? Ибо Аксманъ говоритъ, что ты взялъ 18 гульденовъ, а ты мнѣ однажды сказалъ, что 15. Если бы ты могъ видѣть, какія умныя твои дѣти. Особенно маленькая Луиза. Она сказала мнѣ, когда я тебѣ писала, чтобы тебѣ кланяться, и Густавъ тоже.

Мы зарѣзали черную свинью, она оказалась супоросой. Десять поросятъ было бы, если бы была живая. Очень кланяются семьи Гофмана и Вагнера. У Циммермановъ не продаютъ ужь молока. Я продала телку за 137 гульденовъ. Меринъ уже сдохъ. Кобылу Лери мы должны были тоже отдать. Получаемъ 425 гульденовъ. Сердечные привѣты и веселаго скорого свиданья, желаемъ всего лучшаго всѣ мы. Твоя Луиза“.

Я опять осмотрѣлъ Густава подробно. Заскорузлыя руки, потерты на колѣняхъ штаны, башмаки изъ грубой кожи потрескались, какъ земля въ бездождье. Чортъ возьми, Густавъ, твои посмертныя видѣнья! Черная супоросая свинья, меринъ, телка, задатокъ на бураки, восемнадцать гульденовъ занялъ у Аксмана... Ужь, конечно, восемнадцать, это ты слукавилъ передъ своей Луизой на три гульдена, бѣдный Густавъ... И на бураки зада-

токъ ты взялъ передъ войной и увезъ его съ собой. Я бы не винилъ тебя, но вотъ Луиза сердится...

Когда я шелъ къ телѣжкѣ по лѣсу, стало въ немъ тихо. Я уже не слышалъ ни стонувъ ни шороховъ. Звонко стрекотала сорока. И мнѣ не было жалко Густава.

По лѣсу ходятъ люди, собираютъ трупы, свозятъ ихъ на ручныхъ санкахъ въ кучи, роютъ могилы. Разбѣжался народъ и испуганъ, нѣтъ мужиковъ, и поле битвы убирается медленно. На голый взлобинѣ собрана цѣлая куча труповъ. Могила роется большая. Мужики работаютъ сосредоточенно и молча. Рядомъ—нѣсколько снарядныхъ телѣжекъ. Солдаты сидятъ кучкой у костра. Горитъ какое-то ароматное дерево, и запахъ его подобенъ ладану.

Въ мгlistыя дали тянутся корявыя линіи окоповъ. Въ концѣ длинной канавы складывается другая куча труповъ. Мальчишка выбралъ себѣ лучшую солдатскую сумку, надѣлъ черезъ плечо и дѣловито ходить вдоль окопа, смотреть, гдѣ еще трупы.

Вѣроятно, были здѣсь и трупы русскихъ. На полѣ побѣды ихъ, во всякомъ случаѣ, было мало, и они выбраны вчера или, можетъ-быть, подняты сразу своими товарищами. На смятомъ мѣстѣ въ снѣгу я нашелъ и русское письмо къ солдату. Вотъ оно какое:

— „1915 года мѣсяца января 29 дня. Письмо отъ родного вашего дяденьки Θεодосія Фоковича и отъ тетиньки Акулины Петровны до своего дорогова и родного племянничка Θεодора Петровича. Извѣщаю я тебе, мой любезный и незабвенный Θεодоръ Петровичъ, что я получилъ отъ тебе письмо 29 января и твоя жена тоже того же числа получила письмо и принесла ко мнѣ читать, то я, мой дорогой племянничекъ, Θεодоръ Петровичъ, былъ такъ радъ, что ни могъ изъ людьми говорить, сталъ ево читать при людяхъ и усѣхъ прослезилъ за ваши похождения. И спаси Христось тебя, мой племянничекъ, что ты на этомъ свѣтѣ насъ ни забываешь.

И посылаю тебѣ нашъ дорогой Феодоръ Петровичъ нижайшее почтеніе и низкій поклонъ и желаю тебѣ отъ Господа Бога усега хорошаго. Дай Богъ вамъ гиройскую минуту чтобы побѣдить врага ненавистнаго, жаднаго Антихриста. А ты нашъ дорогой Феодоръ Петровичъ у какихъ мистахъ ни будешь, забывай Царя Небеснаго, Онъ тебе не оставитъ“...

Дальше идутъ поклоны, однообразная музыка которыхъ такъ много расскажетъ о родныхъ и домѣ солдатскому сердцу... Я не вижу лица Феодора Петровича, ни живого ни мертваго, но я отлично вижу, какъ его дядя, Феодосій Фоковичъ, читаетъ письмо при людяхъ, и какъ потомъ дома, въ тотъ же вечеръ, онъ пишетъ своему дорогому племяннику письмо. Онъ двигаетъ бровями, жуетъ усы, дуетъ на непослушное перо. А тетенька Акулина Петровна сидитъ тутъ же на лавкѣ, одна рука подъ грудями, другая подпираетъ щеку. И старая бабка, мать Феодосія Фоковича, лежитъ на печи. Хотѣлъ Феодосій Фоковичъ и о хозяйствѣ написать, а бабка съ печи гудитъ глухимъ басомъ:

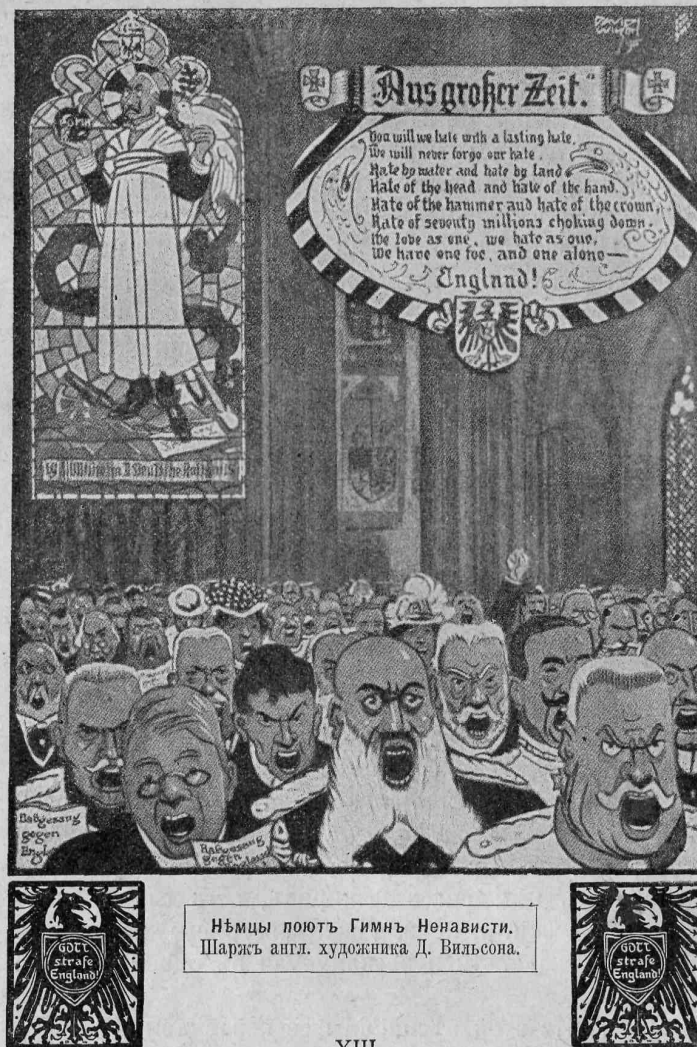
— Не тревожь ты парня, до того ли ему тамъ!..

И Феодосій Фоковичъ радостно согласился:

— Правда, мать. Шутъ съ нимъ и съ хозяйствомъ. Вернулся бы живой...

„Никто не видѣлъ,—говоритъ г. Кондурушкинъ,—какъ неудержимо и горячими струями текли мои слезы, когда я читалъ письмо Феодосія Фоковича“. („Рѣчь“ 8 марта 1915).

Конечно, г. Кондурушкинъ оказался черезчуръ впечатлителенъ. Не всѣ же нѣмки пишутъ только о свиньяхъ, не всѣ же русскіе—о Господѣ Богѣ. Не станемъ обобщать единичные случайные факты; подождемъ, когда всѣ эти милыя письма—отъ „дяденьки Феодосія Фоковича“ и отъ „любезнаго братца Юхима Хванасовича“—будутъ собраны кѣмъ-нибудь любящимъ такъ же полно и богато, какъ письма отъ Джонсовъ и Джонсоновъ.

Нѣмцы поютъ Гимнъ Ненависти.
Шаржъ англ. художника Д. Вильсона.

XIII.

ГИМНЫ НЕНАВИСТИ и ГИМНЫ ЛЮБВИ.

Вернемся къ этимъ Джонсамъ и Джонсонамъ. Какъ извѣстно, нѣмцы оказываютъ имъ особую честь: они ненавидятъ ихъ сильнѣе, чѣмъ насъ и французовъ. Въ стихахъ и въ прозѣ они заявляютъ, что мы и французы

К. Чуковский. „Заговорили молчавшіе..“

для них не враги, что единственный их лютый, заклятый, навѣки ненавидимый врагъ — англичане.

И Томми Аткинсъ гордится такой привилегіей, она ему льститъ чрезвычайно. Съ величайшимъ аппетитомъ онъ въ своихъ письмахъ смакуетъ тотъ чудовищный „Гимнъ Ненависти“, который нѣмцы сложили о немъ. Въ нѣмецкой хулѣ — для него комплиментъ, въ нѣмецкихъ проклятіяхъ — ода.

— „Читали вы „Гимнъ Ненависти“ (Hymn of Hate)? — спрашиваетъ сержантъ Вильямъ Эдвардсъ. — Я выучилъ его весь наизусть. Наши распѣваютъ его на мотивъ шотландской частушки *There was a lass, and she was fair*. Это — капитальная вещь!“

„Гимнъ Ненависти“ появился впервые въ мюнхенскомъ еженедѣльникѣ „Jugend“, и теперь вся Германія распѣваетъ его на ряду со своимъ національнымъ гимномъ. Авторъ гимна — Эрнстъ Лиссауэръ. Такого вдохновенія злобы еще не было во всемирной словесности. Это не пѣсня, а судорога, что-то конвульсивное, бредовое, шаманское.

Соберите самое злое, что написано нынѣ о нѣмцахъ во Франціи, въ Россіи и въ Англии, все на ряду съ этой „Пѣсней Проклятій“ покажется добродушно-сюсюкающимъ. Та робкая „Анаѳема Вильгейму Гордому“, о которой сейчасъ будетъ рѣчь, по сравненію съ этимъ заклинаніемъ нѣмецкихъ факировъ, есть самый кроткій младенческий лепетъ. Даже австрійцы испугались такой кровожадности и воскликнули въ одной вѣнской газетѣ:

— Не пойте этой пѣсни! Мы ее ненавидимъ *).

А тѣ, противъ кого она направлена, не только не возмущаются ею, но заучиваютъ ее наизусть, распѣваютъ ее на всѣхъ перекресткахъ и готовы даже хвастаться ею передъ тѣми своими друзьями, которые не сподобились такихъ изступленныхъ проклятій.

*). Объ этомъ смотри „Daily Chronicle“, 1914, Dec. 11.

Комната для зубоваго сиренета въ одномъ изъ берлинскихъ клубовъ. Даже на пивняхъ кружкахъ начертано: „Gott strafe England“, даже граммофонъ играетъ Гимнъ Ненависти. Шаржъ Лео Чипа въ журн. «The Bystander».

— „Все же главная злоба кайзера направлена противъ насъ, англичанъ, — кичится матросъ Томасъ Уудъ. — Въдъ „Пѣсня Ненависти“ посвящена только намъ!“

Характерно, что английскія газеты, почти всѣ безъ исключенія, напечатали эту пресловутую пѣсню; такъ сильно польстила она британской народной гордости. Великолѣпный переводъ этой пѣсни (исполненный Варварой Гендерсонъ) сталъ въ Англии столь же популяренъ, какъ Типперери. А въ Россіи она почти неизвѣстна.

Предлагаю ее читателю въ посильномъ моемъ переводѣ, который, чувствую, весьма несовершененъ, ибо едва ли мнѣ удалось передать ея хаотически-бредовой заклинательный духъ, доходящій порою до транса: жалѣю, что переводъ этой патологической пьесы доселѣ не соблазнилъ никого изъ нашихъ большихъ стихотворцевъ:

И французы и русскіе—намъ ни почемъ,
То они насъ побьютъ, а то мы ихъ побьемъ.
Мы для нихъ не друзья, мы для нихъ не враги!
Мы отъ нихъ защищаемъ свои очаги.

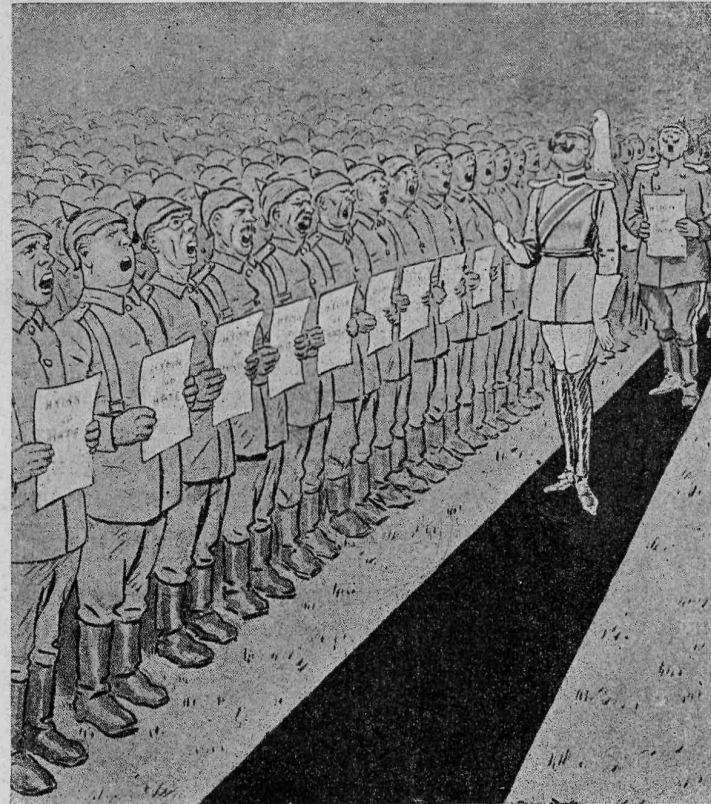
Но есть у насъ ненависть, одна, одна!
Она намъ навѣки, навѣки дана!
Ее мы выпьемъ до дна, до дна!
Будь проклятъ нашъ единственный врагъ!

Онъ извѣстенъ вамъ всѣмъ, онъ извѣстенъ вамъ всѣмъ:
Онъ въ берлогѣ засѣлъ, какъ драконъ.
Онъ отъ злобы, отъ зависти, онъ отъ ярости нѣмъ,
Онъ, какъ кровью, водой окруженъ.

Идемъ же и встанемъ, какъ на Страшномъ Судѣ,
И страшную клятву дадимъ,
Та клятва—изъ бронзы: не растаетъ въ водѣ,
Не развѣется вѣтромъ, какъ дымъ.

Внимай же присягѣ, повторяй же присягу,
Передай ее дѣтямъ и дѣтямъ дѣтей,
Освяти ея пушку и пулю, и шпагу,—
Вѣрна вся Германія ей:

Одна у насъ ненависть, одна, одна!
Она намъ на вѣки вѣковъ дана,
Ее мы выпьемъ до дна, до дна!
Будь проклятъ нашъ единственный врагъ—
Англія!

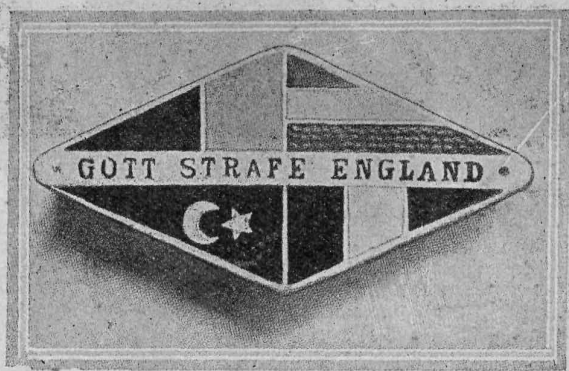
Кайзеръ Вильгельмъ дирижируетъ хоромъ солдатъ, поющихъ Гимнъ Ненависти. Шаржъ изъ англ. журнала «Bystander».

.....
И французы и русскіе намъ ни почемъ,
То они насъ побьютъ, а то мы ихъ побьемъ,
Мы сражаемся съ ними огнемъ и мечомъ,
А миръ къ намъ придетъ, мы мириться пойдемъ!
Но къ вамъ наша злоба
До гроба,

Злоба всегда и вездѣ,
 Злоба на землѣ, на водѣ,
 Злоба нашихъ рукъ и головъ,
 Злоба нашихъ молотковъ и жезловъ,
 Злоба миллионѣвъ людей,
 Злоба въ миллионѣхъ грудей,—
 Одна у насъ злоба, одна!
 Она намъ навѣки дана,
 Мы выпьемъ ее до дна:
 Будь проклять нашъ единственный врагъ—
 Англія!

Вскорѣ англичане узнали, что въ Германіи появились особые жетоны и броши съ такимъ милымъ обращеніемъ къ Богу: „Боже, накажи Англію!“ („Gott strafe England!“), что, встрѣчаясь на улицахъ, нѣмцы уже не говорятъ другъ другу „здравствуйте“, а произносятъ ту же sacramентальную формулу, что на конвертахъ писемъ, на ресторанныхъ счетахъ, на официальныхъ бумагахъ и даже на лавочныхъ вывѣскахъ печатается та же молитва.

Англичанъ и это позабавило, но не разсердило нисколько: пріятно быть предметомъ такой ярости.

Германскій значокъ-брошь, составленный изъ союзныхъ національныхъ цвѣтовъ Германіи, Австро-Венгріи и Турціи съ надписью: „Gott strafe England!“ („Боже, накажи Англію!“).

Одинъ англійскій поэтъ напечаталъ по этому поводу слѣдующее:

„Боже, накажи Англію!“—кричатъ Господу Богу германцы. Это уже не молитва, а военная команда, приказъ... Мы же къ нѣмцамъ не питаемъ злобы: ихъ безсильную злобу, порожденную завистью, мы встрѣчаемъ смѣхомъ, не лишеннымъ презрѣнія“. (Стихотвореніе W. K. C. въ журналѣ „Graphic“).

Какъ благодушно относятся англичане къ этой нѣмецкой угрозы, видно изъ такого эпизода. Въ Англіи, какъ извѣстно, существуетъ два аристократическихъ школьныхъ поселка, которые издавна находятся въ веселомъ и незломъ соревнованіи; называются они Итонъ и Гэрроу. Недавно четыре итонца, находящіеся на войнѣ, прислали своему директору депешу:

— Да здравствуетъ Итонъ! Gott strafe Гэрроу *)!

Изъ этого видно, что кощунственная нѣмецкая фраза сдѣлалась въ умахъ англичанъ анекдотомъ, смѣшной поговоркой и только.

Таково отношеніе всей націи. Если бы кто-нибудь въ Лондонѣ, на Пиккадили или Трафалгаръ-Сквэрѣ, выставилъ, въ отместку нѣмцамъ, плакатъ: „God punish Germany!“ („Боже, накажи Германію!“), отъ него отвернулись бы, какъ отъ помѣшаннаго.

Но нѣмцы издавна увѣрены, что Провидѣніе—на побѣгушкахъ у кайзера:

Ужъ мы теперь не скажемъ
 Ни здравствуй, ни прощай,
 Мы только скажемъ: Боже!
 Британцевъ покарай,—

воскликаетъ въ „Lustige Blätter“ нѣмецкій пиита Гохштетеръ.

На ядрахъ и на бомбахъ
 Напишемъ мы одно:
 Господнее проклятье
 Британцамъ суждено.

*) См. „Daily Mail“, June 18.

Свинцовымъ ураганомъ
На нихъ мы налетимъ
И каждое жилище
Въ кладбище превратимъ *)!

и т. д., въ такомъ же набожно-разбойничьемъ стилѣ. Какъ я уже указывалъ, даже австрійцевъ шокируетъ такая безшабашная проповѣдь злобы; даже имъ, разорителямъ Сербіи, приверженцамъ пули „думъ-думъ“, противны прусскіе „Гимны о Ненависти“. Прекрасную отповѣдь гимну Лиссауэра дала австрійская газета „Fremdenblatt“; я нашелъ переводъ этой отповѣди въ лондонской газетѣ „Daily Chronicle“. Австрійцы обращаются къ германцамъ:

Нѣмецкіе матросы поютъ натошакъ Пѣсню Ненависти.
Шаржъ Д. Вильсона въ журн. «The Graphic».

Для этого намъ нужна чистая совѣсть,
Намъ нужно чистое сердце.
Будемъ же лелѣять въ себѣ
То состраданіе къ ближнему, что обнаружили наши солдаты,
Когда они отдавали свой хлѣбъ умирающему съ голода врагу (?).

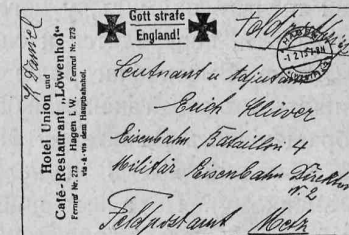
*) Буквально: Making each English homestead a mansion of the dead. См. „The great War“, edit. by H. W. Wilson. Part 28.

Не пойте намъ пѣсню о
ненависти,
Для насъ это ненавистная
пѣсня.
Она душѣ австрійца чужда.
Мы сражаемся не ради
ненависти,
Но противъ ненависти, про-
тивъ коварства
и жадности (?),
Которыя весь міръ превра-
тили въ пожарище.

Это состраданіе необходимо и намъ,
Ибо наши дѣти страдаютъ, страдаютъ наши старцы и женщины.
Не отравляйте же ненавистью нѣжныя души дѣтей,
Не отравляйте ихъ низменной жаждою мести,
Вѣдь мы ради нашихъ дѣтей и сражаемся,
Ради нашихъ молодыхъ поколѣній.
Кто съетъ ненависть, тотъ ее и пожнетъ,
Намъ же нуженъ миръ всего міра,
И да ниспошлетъ его намъ Господь поскорѣе.

Жаль, что австрійцы не обнаружили столь возвышенныхъ христіанскихъ чувствъ до своей карательной экспедиціи въ Бѣлградъ.

Конечно, пруссаки не вняли этому призыву своихъ „миролюбивыхъ“ союзниковъ, и, какъ сообщаетъ французская пресса, ввели даже въ солдатскіе окопы свою молитву о гибели Англіи. Въ журналѣ „L'Illustration“ обнародовано такое письмо одного нѣмецкаго офицера: „Dans mon corps, tous les officiers et les hommes ont remplacé les salutations habituelles de bonjour et bonsoir par: „Que Dieu châtie l'Angleterre! Qu'il la châtie“. (Въ моемъ корпусѣ всѣ офицеры и нижніе чины замѣнили обычныя привѣтствія словами: „Боже, накажи Англію!“ и „Накажи ее Боже“ *).

Образецъ нѣмецкаго открытаго письма, снабженнаго девизомъ:
Боже, накажи Англію!

* * *

Какъ непохожи всѣ эти пѣсни проклятій, гимны ненависти, гимны злобы, на произведеніе такого же рода, написанное русскимъ мужикомъ.

*) Конечно, не всѣ же нѣмцы придерживаются этого сумасшедшаго лозунга. Только обывательскія темныя массы и высшіе круги аристократіи. Судя по нѣмецкимъ газетамъ, въ интеллигентскихъ кругахъ высказывается къ нему отвращеніе.

Съ виду это тотъ же гимнъ ненависти, какъ ясно ужъ изъ самаго названія: „Анаѳема Вильгейму Гордому“, но на дѣлѣ это — гимнъ любви.

Авторъ не только не питаетъ вражды ко всему народу нѣмецкому, но именно о немъ-то и хлопочетъ, мечтаетъ его спасти, спѣшитъ предостеречь его о той неминуемой безднѣ, куда его влечетъ Вильгеймъ, братъ Сатаны, Царь-Анаѳема.

Онъ, крестьянинъ села Иванова Московской губерніи, затѣялъ открыть наконецъ глаза ослѣпленной „Нѣмецкой Націи“. Онъ увѣренъ, что стѣить только нѣмцамъ прочитать его „Анаѳему Вильгейму Антихристу“, какъ всѣ они тотчасъ поймутъ, у кого они оказались въ когтяхъ, раскаются, переродятся и спасутся.

„Ваше Высокоблагородіе Екатерина Николаевна! — пишетъ онъ своей знакомой барынѣ. — Прилагаемый листъ обращенія къ Вильгейму Жестокосердому перепишите на нѣмецкій языкъ, и нельзя ли послать его народу (нѣмецкому)? Поѣа имъ понять, куда ихъ влечетъ гордый умъ. Спасая другихъ, самъ спасешься. Вы сами лично счастливая, васъ избавилъ Богъ; дайте же хоть сотую долю другимъ утѣшенія, укажите ужасъ, который можетъ увеличиться. Люди не видятъ, и вотъ уничтожаютъ себя, какъ нѣкогда басня Крылова. Безумцы! Хотѣли камнями боговъ побить, а на дѣлѣ камни на нихъ летѣли и ихъ самихъ били. Такъ и теперь. Какъ будто варваръ бьетъ другихъ, а на дѣлѣ уничтожаетъ самъ себя“...

Крестьянинъ села Иванова пожалѣлъ слѣпыхъ, погибающихъ „варваровъ“. Къ самымъ жестокимъ врагамъ у него нашлось состраданіе. Онъ бы въ домъ своемъ ни за что не повѣсилъ таблички: „Gott strafe Deutschland!“ У него лозунгъ другой: „Боже, спаси Германію, верни ей разумъ, просвѣти ея очи!“ Ненависть къ народамъ и странамъ ему совершенно чужда. Все свое негодованіе онъ устремилъ на Вильгельма, котораго считаетъ единственнымъ зачинателемъ бѣдъ. Здѣсь такая возвышен-

ность чувствъ, что многіе доморожденные наши Лиссауэры, профессиональные травители нѣмца, будутъ ею пристыжены и сконфужены.

И когда знаешь ту великолѣпную, истинно-христіанскую цѣль, ради которой написана эта Анаѳема, то уже не пугаешься ея нарочитой свирѣпости. Вотъ она въ наиболѣе яркихъ ея выраженіяхъ:

„Анаѳема, Анаѳема Вильгейму Гордому! Поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ! Вильгеймъ-царь, братъ Сатаны! Царь Варваровъ! Зачѣмъ ты влекешь свой народъ на гибель?.. Жестокосердый Царь! мало тебѣ было, что твоя страна была въ цвѣтушемъ положеніи, мало тебѣ было, что твой народъ богатѣетъ; нѣтъ, ты взялъ гордость Сатаны: „нѣтъ Бога, а я самъ буду богъ, буду управлять всѣмъ міромъ!“ На это я тебѣ, простецъ, отвѣчаю: да будь ты сверженъ, какъ твой покровитель Сатана, который радуется твоимъ дѣяніямъ. Рѣки слезъ, миллионы смертей, миллионы страданій, миллионы терзаній,—все дѣло рукъ твоихъ! За все это будь ты проклятъ со всѣми твоими единомышленниками и создате-

за все это Бучъ твѣ
проклятъ со всеми твои-
ми единомышленниками
и создателями Адамова
лученія всѣмъ живущимъ народамъ
проклятъ жестокосердый и свирѣпый
твое и скариид твѣ до конца
ччид речева шловева

Отрывокъ изъ „Анаѳемы Вильгельму Гордому“, написанной русскимъ крестьяниномъ.

лями Адскаго мученія всѣмъ живущимъ на землѣ. Проклять анаѣема и чады твои искоренятся до конца, и каждый день тебѣ и чадамъ твоимъ—проклятіе! Лжець, Ты караль Россію, теперь жди ея кары, какъ кары Божьей“.

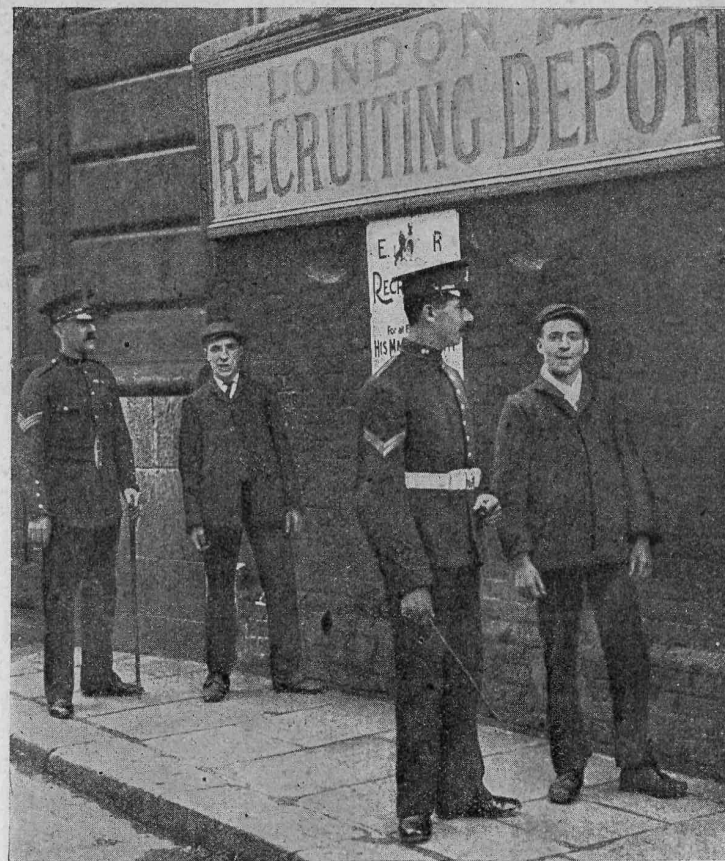
И подписано:—„Душа Рускова Чиловека“.

Душа эта не слишкомъ-то грамотная: чтò ни слово, то орфографическій перлъ,—но, я думаю, это душа неплохая, это душа превосходная: вѣдь даже гимнъ злобы и ненависти вызванъ у нея чувствомъ любви.

Но, увлеченный русскими солдатскими письмами, я все чаще отклоняюсь отъ англійскихъ, все чаще измѣняю своей темѣ. Не лучше ли совсѣмъ проститься съ ними и посвятить письмамъ „рядового Иванова“ самостоятельную, отдѣльную книжку *)?

*) Въ послѣднее время уже дѣлаются подобные опыты. Укажу хотя бы на интересную книжку З. Гиппиусъ „Какъ мы воинамъ писали и что они намъ отвѣчали“, гдѣ собрано 50 подлинныхъ солдатскихъ писемъ (большою частью въ стихахъ), и на работы прив.-доцента г. Ульянова, печатаемыя въ „Правительств. Вѣстникѣ“. Жаль, что этихъ попытокъ такъ мало, и что онѣ почти неизвѣстны.

Примѣчаніе ко 2-му изданію.

Вербовка добровольцевъ въ Лондонѣ.

XIV.

КАКЪ ВЪ АНГЛІИ ВЕРБУЮТЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Впрочемъ, скажу еще нѣсколько словъ,—откуда англичане достали свою нынѣшнюю несмѣтную армію. Вѣдь три милліона англійскихъ солдатъ находятся сейчасъ подъ ружьемъ. Міровая исторія не знала такого грандіознаго числа добровольцевъ. И замѣчательно: почти вся эта армія собрана при посредствѣ митинговъ, афишъ,

Если эта фуражка вамъ къ лицу, сегодня же ступайте въ солдаты!

— „Если эта фуражка вамъ къ лицу, сегодня же ступайте въ солдаты!“

На другой въ очень соблазнительномъ видѣ представлены шотландскіе стрѣлки:

— „Стройся, ребята! Запишись сегодня!“

На третьей изображенъ часовой:

— „Стой! Кто идетъ? Если другъ, то сію же минуту ступай въ англійскую армію и помоги нашимъ молодцамъ воевать!“

На четвертой — тѣсная

объявленій, рекламъ. Собираетъ этой арміи, военный министръ лордъ Китченеръ, обнаружилъ изумительный организаторскій даръ: онъ ни передъ чѣмъ не останавливался, чтобы выставить противъ Германіи новые кадры солдатъ. Афиши, которыми онъ вербовалъ добровольцевъ, отличаются большой эксцентричностью. Нѣкоторыя изъ нихъ воспроизводятся здѣсь.

На одной афишѣ—солдатская фуражка и подпись:

Это мѣсто оставлено для подходящаго парня. Ни хочешь ли заполнить это мѣсто? Оно какъ разъ для тебя.

фаланга солдатъ съ зіяющимъ пробѣломъ посрединѣ.

— „Это мѣсто оставлено для подходящаго парня. Не хочешь ли заполнить это мѣсто? Оно какъ разъ для тебя!“

Иные изъ этихъ плакатовъ трогали своей патетичностью. Нарисованъ старикъ-ветеранъ, провожающій на войну молодого солдата:

— „Хотѣлъ бы я быть помоложе, чтобы тоже пойти

Стройся, ребята! Запишись сегодня!

Стой! Кто идетъ? Если другъ, то сію же минуту ступай въ англійскую армію и помоги нашимъ молодцамъ воевать!

на войну!“

Кромѣ Китченера, главнымъ вербовщикомъ англійскихъ добровольцевъ является,—какъ это не дико звучитъ,—кайзеръ Вильгельмъ! Онъ какъ будто специально затѣмъ нападаетъ на беззащитные англійскіе городишки, топить женщинъ, убиваетъ дѣтей, чтобы усилить и ускорить притокъ солдатъ въ армію лорда Китченера. Единственнымъ послѣдствіемъ пиратскаго набѣга

Одна изъ крупнѣйшихъ гостиницъ въ мірѣ—отель Карлтонъ въ Лондонѣ, украсившій свои балконы огромными сажеными вывѣсками съ надписями: „Къ оружію!“ „Вы нужны родинѣ и королю!“ „Британцы, за свободу и честь нашей родины!“ и т. д.

германской эскадры на англійскій прибрежный курортъ Скарборо было то, что разгнѣванные англичане стали тысячами записываться въ армію.

Лордъ Китченеръ удачно использовалъ этотъ праведный гнѣвъ народный. На одной изъ его афишъ нарисованъ разрушенный пылающій городъ, и на первомъ планѣ Британія, въ видѣ опечаленной женщины, обращается къ англійскимъ юношамъ:

— „Помните Скарборо!“

На другой афишѣ изображенъ, по фотографии, тотъ домъ въ этомъ городѣ, гдѣ нѣмецкимъ снарядомъ убито четверо мирныхъ, безответныхъ обывателей.

— „Британцы! Развѣ вы допустите это?“—спрашиваетъ афиша съ укоромъ.

Многіе англійскіе магазины, конторы, гостиницы помогаютъ Китченеру въ его пропагандѣ. Вотъ, на примѣръ, фотографическій снимокъ со знаменитаго лондонскаго Карлтонъ-отеля, который всѣ свои балконы украсилъ такими огромными многосажеными вывѣсками:

— „Къ оружію!“

— „Вы нужны родинѣ и королю!“

— „Британцы! За свободу и честь нашей родины!“

— „Запишитесь въ армію только на время войны!“

— „Мы сражаемся за правое дѣло!“

И такъ дальше. Но рядомъ съ этими эксцентрично-патетичными обрашеніями къ націи военное министерство издаетъ и другія воззванія — официальные, сухія, дѣловыя, печатающіяся въ англійскихъ газетахъ на ряду съ другими объявленіями.

Вотъ одно изъ подобныхъ воззваній:

„Вашему королю и вашей родинѣ нужны еще 100.000 человекъ. При нынѣшнихъ серьезныхъ обстоятельствахъ нужно, чтобъ еще сто тысячъ человекъ встали вокругъ британскаго знамени для усиленія нашихъ ново-сформированныхъ армій.

К. Чуковский. „Заговорили молчавшіе“.

G. R

Your King & Country need another 100,000 Men.

IN the present grave national emergency another 100,000 men are needed at once to rally round the Flag and add to the ranks of our New Armies.

Terms of Service
(Extension of Age Limit).

Age on enlistment 19 to 38. Ex-Soldiers up to 45. Minimum height 5 ft. 4 ins. except for ex-soldiers and those units for which special standards are authorised. Must be medically fit. General Service for the War.

Men enlisting for the duration of the War will be able to claim their discharge, with all convenient speed, at the conclusion of the War.

Pay at Army Rates.

Married men or Widowers with Children will be accepted, and if at the time of enlistment a recruit signs the necessary form, Separation Allowance under Army conditions is issuable at once to the wife and in certain circumstances to other dependents.

Pamphlet with full details from any Post Office.

How to Join.

Men wishing to join should apply in person at any Military Barrack or at any Recruiting Office. The address of the latter can be obtained from Post Offices or Labour Exchanges.

God Save the King.

Воззваніе англійскаго военнаго министерства къ населенію о наборѣ новыхъ 100.000 добровольцевъ въ армію.

Заслуженные дома въ Англии. На окнахъ этихъ домовъ помѣщены почетные листы съ крестами, удостовѣряющіе, сколько солдатъ пошло изъ каждаго дома добровольцами на войну.

„Условія службы: возрастъ — отъ 19 до 38 лѣтъ. Изъ бывшихъ на службѣ опытныхъ солдатъ принимаются до сорокапятилѣтняго возраста; минимумъ роста—5 футовъ 4 вершка. Больные и увѣчные не принимаются.

„Тѣ, кто идутъ въ солдаты только на время войны, тотчасъ же по ея окончаніи будутъ освобождены отъ солдатчины.

„Боже, храни короля“.
Отдѣльные полки, батальоны,

Почетный листъ съ крестомъ, удостовѣряющій, что такая-то семья дала родинѣ солдата.

THE VETERANS FAREWELL.

"Good Bye, my lad.
I only wish I were young enough
to go with you!"

ENLIST NOW!

Прощальный привѣтъ ветерана.
„До свиданія, мой милый. Хотѣлъ бы я быть помоложе, чтобы пойти съ тобой“.

бригады печатаютъ такія же рекламы:

— Рекруты! Рекруты! Рекруты! —

Нужны третьему Оксфордскому батальону.

Въ Эльсбери сейчасъ происходитъ ученье.

Помѣщенія для солдатъ комфортабельныя!

Уходъ превосходный!

Обращаться къ майору де-Ротшильду.

Не удивительно ли, что на такіе призывы откликнулось три милліона добровольцевъ!

Впрочемъ, добровольцы — не совсѣмъ точное

Вербовка бойскаутовъ въ Англии маленькимъ развѣдчикомъ.

слово. Подъ натискомъ общественаго мнѣнія, этой могущественнѣйшей въ Англии силы, многіе идутъ въ добровольцы почти поневолѣ. Здоровыхъ мужчинъ, оставшихся дома, не внявшихъ призыву Китченера, окружаетъ теперь общее презрѣніе. Имъ стыдно показаться на улицѣ: ихъ называютъ трусами, измѣнниками. Тысячи карикатуръ, эпиграммъ, клеймятъ ихъ въ газетахъ и журналахъ.

Учредилось даже особое женское общество для высмѣиванія непошедшихъ на войну. Гдѣ бы ни появился такой господинъ, къ нему

Почему это вы—не въ хаки?
Вы будете нужны.
Запишитесь сегодня же.

WHAT WILL YOUR ANSWER BE

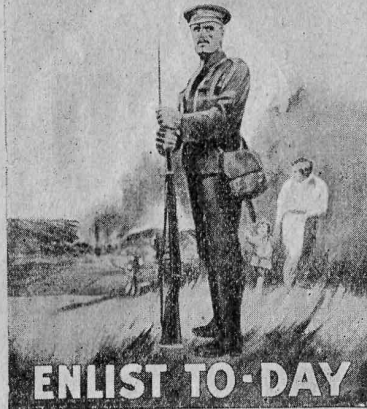
When your boy asks you—

"FATHER.—WHAT DID YOU DO TO HELP WHEN BRITAIN FOUGHT FOR FREEDOM IN 1915?"

ENLIST NOW

Что вы отвѣтите вашему сыну, когда онъ спроситъ у васъ, какъ помогали вы родинѣ, когда она сражалась за свободу?

REMEMBER BELGIUM

Помни Бельгію! Сегодня же по-
ступай въ солдаты.

приближается дама съ бѣлымъ перомъ въ рукѣ:
— Не украсить ли васъ бѣлымъ перомъ?
Бѣлое перо въ англійскомъ быту есть издавна символъ позора. Эти безобидныя обиды дѣйствуютъ на англичанъ чрезвычайно: одного такъ доняли такія женскія колкости, что онъ пошелъ и застрѣлился. Послѣ его смерти обнаружилось, что онъ и не думалъ уклоняться отъ солдатчины, а просто былъ по слабости здоровья отвергнутъ *). Такъ оскорбительно для англичанина даже ложное обвиненіе въ трусости! Какъ и въ рыцарскія времена надъ мужчиной-воителемъ властительно мнѣніе женщины. Тѣ, кто пошли на войну, пользуются теперь необыкновеннымъ почетомъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣ ихъ родственники—матери, сестры, отцы. Мэры нѣкоторыхъ захолустныхъ городовъ выдаютъ даже особыя отличія, почетные листы, аттестаты семьямъ добровольцевъ-солдатъ. На этихъ почетныхъ листахъ, украшенныхъ изображеніемъ креста, сказано, что такой-то солдатъ „служитъ королю, отечеству, имперіи“,—и эти листы выставляются въ окнахъ, какъ предметъ особой гордости и славы. Иныя окна бываютъ увѣшаны тремя, четырьмя и нерѣдко пятью аттестатами, по числу ушедшихъ въ армію членовъ семьи. Чѣмъ больше этихъ аттестатовъ, тѣмъ больше почета. Къ такимъ домамъ—

*) См. „Daily Mail“, 26-го іюля 1915. Звали этого человѣка Ричардъ Робертсъ. Онъ былъ автомобильнымъ шоферомъ.

особое уваженіе, и какъ конфузятся тѣ, у кого на окнѣ не вывѣшено ни единой бумажки! На нашихъ снимкахъ изображенъ такой почетный листъ съ крестомъ и представлены окна домовъ, которыя украшены этими крестами—„Георгіями“ англійскихъ семей. Вотъ мать, которая дала „королю, родинѣ, имперіи“ всѣхъ своихъ четырехъ сыновей. Вотъ другая, у которой оба сына и мужъ—всѣ трое ушли на войну...

* * *

Но этой британской системѣ приглашенія добровольцевъ на войну посредствомъ афишъ и воззваній нынѣ приходитъ конецъ. Подъ натискомъ германскаго полчища общественное мнѣніе страны склонилось въ пользу принудительной рекрутчины. Приглашеніе смѣнилось понужденіемъ. Введена всеобщая повинность. Не слѣдуетъ однако забывать, что и послѣ введенія рекрутчины главное ядро британской арміи все же состоитъ изъ волонтеровъ, имѣвшихъ тысячу возможностей уклониться отъ военной страды и ринувшихся въ огонь добровольно.

XV.

„СНАРЯДОВЪ! СНАРЯДОВЪ! СНАРЯДОВЪ“ *)!

У оружейнаго завода толпа.

— Больше не принимаемъ! Нѣтъ мѣста! Вотъ расширимъ зданіе, тогда приходи! — говоритъ привратникъ какой-то убогой старухѣ.

Но старуха не уходитъ, стоитъ.

— Нѣмецъ убилъ моего сына! — упрямо повторяетъ она. — Нѣмецъ убилъ моего сына!

— Ужъ очень васъ много... Нельзя! Всѣ просятъ: пусти да пусти. Вотъ погоди: будетъ мѣсто...

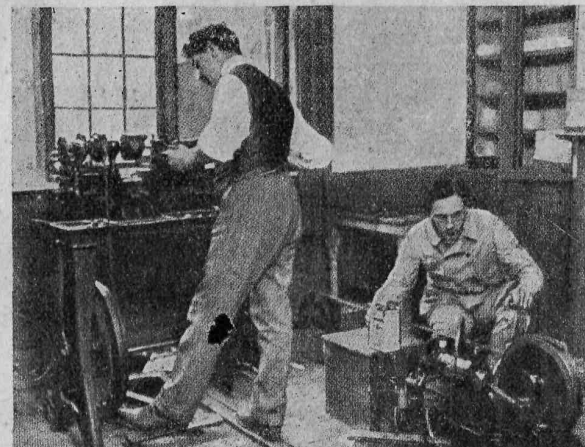
Но старуха не уходитъ, стоитъ. Она хочетъ своими руками изготовить гранату, ядро или пулю противъ того, кто убилъ ея сына. Она словно не замѣчаетъ привратника и, какъ сомнамбула, повторяетъ одно:

— Нѣмецъ убилъ моего сына. Нужно ему отплатить.

Ее не пустили покуда. Очень она дряхлая, немощная. Зданіе и безъ того переполнено. Отстраиваютъ лѣвое крыло.

Дѣло происходитъ въ Англии, въ городѣ Лидсѣ. Сестры, матери, жены солдатъ тѣснятся въ огромнѣйшей фабрикѣ и, не замѣчая ни воскресеній ни праздниковъ, и ночью и днемъ, непрерывно изготовляютъ снаряды для арміи.

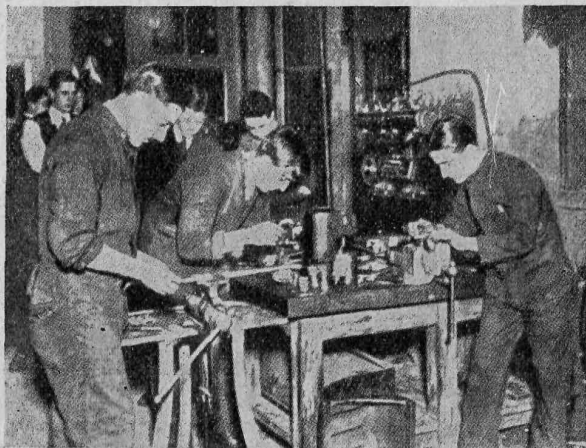
*) Эта глава и послѣдующая печатаются въ видѣ приложенія. Онѣ не основаны на солдатскихъ письмахъ и нашей темы почти не касаются. Но мнѣ кажутся онѣ бесполезными при нынѣшнихъ превратныхъ сужденіяхъ объ Англии, возникшихъ въ обывательскихъ русскихъ кругахъ.

Ризница, обращенная въ оружейный заводъ. Священникъ за рабочимъ станкомъ надъ отдѣлкой снаряда.

Чуть только въ Англию проникло извѣстіе, что у солдатъ не хватаетъ снарядовъ, что порою имъ даже нѣчѣмъ защищать свою жизнь, какъ старики и старухи, школьники, богачи, бѣдняки кинулись къ рабочимъ станкамъ — изготовить бы побольше „амуниціи“ и послать ее поскорѣе на фронтъ.

Все населеніе Лидса поспѣшило сюда на заводъ. Кухарки и горничныя побросали господъ, почтальоны забыли о письмахъ, цырюльники — о ножницахъ и бритвахъ. Не побрезгали самой черной работой. Не побоялись даже „канареечной клѣтки“, той желтой комнаты, гдѣ заводъ вырабатываетъ взрывчатое вещество — лидитъ... Побудьте въ этой комнатѣ два-три часа, и ваша кожа на лицѣ, на рукахъ, станетъ канареечно-желтой. Эти желтолицыя люди нынѣ въ огромномъ почетѣ. Вотъ одинъ изъ нихъ зашелъ на минуту въ пивную, взялъ въ руки стаканъ, и — о, чудо! — стаканъ покрылся желтыми пятнами, которыхъ не отмыть никогда. Но кабат-

Лондонскіе студенты-технологи изготовляют у себя въ мастерскихъ части военныхъ гидроплановъ.

чикъ говоритъ: „пустяки!“ и разбиваетъ стаканъ. Для „желтолицаго“ не жалко стакана! Въдь каждый „желтолицый“ означаетъ, что армія становится сильнѣе!

Когда эти „канарейки“ проходятъ по улицамъ, ихъ радостно привѣтствуетъ толпа...

Вотъ помѣщеніе, гдѣ работаютъ женщины. Такъ и мелькаютъ проворныя бѣлыя руки. Полковницкая дочка и солдатка сидятъ рядомъ, за однимъ и тѣмъ же трудомъ. Жена священника, сѣдовласая важная дама, привела съ собою дочерей и племянницъ *)...

— Но что это за розовый шелковый щитъ, украшенный разноцвѣтными флагами?

— Это призъ, это награда за усердіе. Ту дѣвушку, которая въ теченіе извѣстнаго срока наработала больше другихъ, награждаютъ этимъ прелестнымъ щитомъ, убраннымъ союзными флагами. Каждая изъ силъ выби-

*) См. „Daily Mail“, 19-го іюня.

вается, чтобы заслужить этотъ щитъ и повѣсить у себя надъ станкомъ.

— Ну, а если дѣвушка вдругъ захвораетъ? Если закружится у нея голова?

— Пожалуйста въ сосѣдную комнату: тамъ ждутъ ее фельдшерница, сестра милосердія, докторъ...

* *
* *
* *

Вся Англія преобразилась въ арсеналь.

Даже великосвѣтскія дамы (ужъ такова теперь мода!) уѣзжаютъ спозаранку на окраину, на грязный закоптѣлый заводъ и, пройдя трехнедѣльный курсъ, выдержавъ очень строгій экзаменъ, помогаютъ опытнымъ привычнымъ рабочимъ топить печи, чистить котлы и машины.

Такъ, по крайней мѣрѣ, повѣствуетъ о нихъ фешенебельный еженедѣльникъ „The Sketch“.

Даже священники записались въ рабочіе. На нашемъ рисункѣ показано, какъ молодой служитель алтаря сбросилъ съ себя длиннополый сюртукъ и, засучивъ рукава, работаетъ на станкѣ надъ патронами. Ризницу превратилъ въ артиллерійскій заводъ.

А вотъ лондонскіе студенты-технологи изготовляютъ у себя въ мастерскихъ какія-то принадлежности воздушнаго флота, части гидроплановъ, аэроплановъ и проч.

Сынъ извѣстнаго кораблестроителя Виллера вмѣстѣ со своими товарищами работаетъ надъ изготовленіемъ крупнокалиберныхъ снарядовъ.

Клоуны и прочіе артисты цирка по пути на оружейный заводъ.

Вотъ сынъ кораблестроителя Виккерса работаетъ на заводѣ отца надъ изготовленіемъ „чемодана“.

Но технологи, пожалуй, не диво. Гдѣ же имъ нынче и быть, какъ не въ мастерскихъ, за станками! А вотъ это дѣйствительно странно: по улицамъ слящаго Лондона, въ истрепанной одеждѣ рабочихъ, шагаютъ этакой „пролетарской“ походкой цирковые паяцы и клоуны!

Вчера еще они кувыркались на ярко-озаренной аренѣ, прыгали черезъ горящіе обручи, бляели, кукурекали, лаяли, раздавали другъ другу пощечины, а сегодня, степенной артелью, озабоченно спѣшатъ на заводъ: не опоздать бы къ гудку! Не то штрафъ или,—еще хуже,—расчетъ. Выбросятъ безъ разговоровъ на улицу. А такъ хочется самому поработать, внести хоть малую долю труда въ дѣло обороны своей родины.

Съ тѣхъ поръ, какъ армія, устами фельдмаршала, громко закричала народу: „выручай! на тебя вся надежда! не хватаетъ ни снарядовъ ни пороху!“,—народъ отозвался на этотъ призывъ со всей своей изумительной, чисто-англійской энергіей.

Вольная дружина лондонскихъ клерковъ отправляется на Вульвичскій казенный оружейный заводъ.

— Бѣдные „мальчики“, они могутъ погибнуть, если мы не придемъ къ нимъ на выручку. Ихъ жизнь, ихъ побѣда, ихъ смерть находятся въ нашихъ рукахъ!—такое было ощущеніе у всѣхъ. Правительство не скрыло отъ народа истиннаго положенія дѣлъ, и это принесло величайшую пользу: работа закипѣла во-всю.

Клерки, маклера, страховые агенты образовали въ теченіе нѣсколькихъ дней „Вольную дружину для снаряженія арміи“ (Voluntary Munitions Brigade) и предложили правительству весь свой воскресный досугъ. Въ эту дружину вошло до двѣнадцати тысячъ членовъ, каждый сдѣлалъ соотвѣтственный взносъ. Въ комитетѣ оказался самъ Ротшильдъ. Каждое воскресенье, чуть свѣтъ, они отправляются огромной гурьбой на Вульвичскій казенный заводъ промывать патроны, упаковывать ядра и проч.

Думали ли когда-нибудь эти бѣлоручки-контрорщики, что жизнь оторветъ ихъ отъ цифръ, векселей и процентовъ и властно превратитъ въ чернорабочихъ? Имъ ли быть кочегарами, смазчиками!? И въ какіе дни,—въ вос-

кресенья! Въдь англійское воскресенье—особенное. Уже сотни и сотни лѣтъ этотъ торжественный день чиннаго и чопорнаго отдыха не нарушался никакой суетой. Кажется, если бы небо упало на землю, англійскій клэркъ и тогда не отрекся бы ни отъ воскреснаго галстука ни отъ воскресной поѣздки на омнибусъ въ Гайдъ-Паркъ или въ Хрустальный Дворецъ.

И все же это чудо совершилось: онъ изъялъ изъ своей жизни воскресенье; изъ вождельннаго, долго-жданнаго дня сдѣлалъ его самымъ труднымъ и тягостнымъ. Это ли не грандіозная жертва!

Вотъ эти люди идутъ на работу съ ухватками заправскихъ рабочихъ; они взялись такъ азартно за дѣло, что итоги оказались изумительными: съ первой же недѣли, судя по отчетамъ, производство завода усилилось.

Дѣло пошло и совсѣмъ хорошо, когда въ ихъ дружину вошли инженеры, машинисты, механики.

Примкнулъ къ нимъ и парикмахеръ изъ Сити.

Когда, изъ боязни опоздать на заводъ, члены этой „Вольной дружины“ обратились къ владѣльцамъ автомобилей съ просьбой предоставить имъ безвозмездно свои экипажи, ихъ просьба была мгновенно исполнена.

Колбасники, зеленщики, мясники, продавцы молока и яицъ тоже постановили три раза въ недѣлю, по извѣстнымъ днямъ, въ опредѣленные часы отправляться на оружейные заводы.

Въ Англии, какъ и всюду въ Европѣ, покупки изъ всѣхъ магазиновъ доставляются покупателю на домъ. Для этого при каждомъ большомъ магазинѣ существуетъ цѣлая фаланга велосипедистовъ, носильщиковъ, тачечниковъ. Имъ тоже захотѣлось поработать на армію. Но кто же доставитъ вамъ ваши покупки? Кто принесетъ вамъ изъ лавки сахаръ, землянику, овсянку? Никто. Носите сами,—въдь трудъ не великъ!—и чувствуете, что вы такимъ образомъ тоже помогаете армію.

Эти труженики обратились къ „господамъ покупателямъ“ съ такимъ интереснымъ воззваніемъ:

„1. Покупайте, если можно, до обѣда.

„2. Не требуйте, чтобы ваши покупки доставлялись вамъ на домъ немедленно.

„3. Маленькіе свертки и пакетики уносите изъ лавки сами. То, что вамъ неудобно взять съ собой, разрѣшите доставить вамъ завтра.

„Мы увѣрены, что наше воззваніе встрѣтитъ радостное сочувствіе публики“ *).

Кто же станетъ ворчать и брюзжать, если цѣной этой крошечной жертвы можно хоть на минуту ускорить побѣду!

Такъ осуществляется въ Англии всенародное участіе въ войнѣ

Нерѣдко, проходя мимо дома, видишь: сидятъ на ступенькахъ бабушка, мамаша и дѣти и весело что-то плетутъ. Это корзинки для упаковки снарядовъ. Дѣтскіе пальцы особенно ловко справляются съ этой работой.

Когда въ какомъ-то глухомъ городишкѣ у школьниковъ обнаружилась корь и начальныя школы пришлось на время эпидеміи закрыть, педагоги, освобожденные отъ учебныхъ обязанностей, ридулись цѣлой гурьбой „на заводъ“ **).

* * *

Какой же волшебникъ—и какимъ волшебствомъ—такъ сказочно преобразилъ весь народъ?

Кто объединилъ въ одномъ общемъ стремленіи священниковъ съ клоунами, лордовъ и банкировъ съ полунцими?

Безстрашное правдивое слово, обращенное въ минуту опасности къ свободному и сильному народу!

Въ началѣ миновавшаго лѣта въ газетѣ „Times“, съ разрѣшенія военной цензуры, была напечатана слѣдующая корреспонденція съ театра войны:

*) „Times Weekly“, 28-го мая.

**) „Daily Mail“, 12-го мая.

Бенъ Тиллетъ, лидеръ лондонскихъ рабочихъ. Снимокъ сдѣланъ на передовыхъ позиціяхъ.

„Наша атака на такіе-то и такіе-то пункты закончилась бы блестящей побѣдой, если бы хватило снарядовъ“.

Вся страна задрожала отъ изумленія и ярости. Неужели не хватаетъ снарядовъ? Кто же смѣетъ посылать подъ огонь плохо вооруженныхъ, безоружныхъ солдатъ? Собирались многолюдные митинги, гдѣ раненые офицеры рассказывали объ истинномъ положеніи дѣлъ. Епископы въ церквахъ объясняли молящимся, какая опасность угрожаетъ ихъ родинѣ. На всѣхъ перекресткахъ появились афиши, гдѣ нарисованъ безоружный солдатъ, протягивающій пустыя руки къ рабочему:

— Товарищъ, помоги поскорѣе!

Фельдмаршалъ сэръ Джонъ Френчъ то и дѣло въ своихъ донесеніяхъ откровенно и прямо писалъ: „мы вынуждены были пріостановить наступленіе изъ-за внезапнаго молчанія артиллеріи“; „такая-то высота была занята нашимъ противникомъ, такъ какъ у насъ не хватило снарядовъ большого калибра“ и т. д.

Въ одной газетѣ появились стихи, ставшіе въ два-три дня популярными.

„Снарядовъ! Снарядовъ! Снарядовъ! Милліоны, сотни милліоновъ снарядовъ, чтобы уничтожить проклятаго гунна. Наши храбрые солдаты умираютъ и громко требуютъ отъ насъ одного: снарядовъ, снарядовъ, снарядовъ! Снарядовъ для англійскихъ пушекъ“.

„Не беспокойтесь, дорогіе солдаты. Мы услышали вашъ горячій призывъ. Мы всѣ до единаго цѣлыя сутки будемъ дѣлать и дѣлать снаряды, покуда не упадемъ отъ усталости. Снаряды, снаряды, снаряды — это единственная наша забота, если мы любимъ ту землю, которая родила насъ на свѣтъ! Милліоны, милліарды снарядовъ для нашихъ англійскихъ пушекъ“.

Въ парламентѣ произошелъ переворотъ. Вмѣсто министровъ-либераловъ у власти оказались представители всѣхъ трехъ существующихъ партій. Морскимъ министромъ оказался консерваторъ Бальфуръ. Одинъ изъ рабочихъ вождей сталъ министромъ народнаго просвѣщенія... И, главное, къ радости всѣхъ, возникло новое, не бывшее доселѣ министерство: „министерство снаряженія арміи“. И во главѣ его сталъ гениальный работникъ, страстный и кипучій Ллойдъ Джорджъ.

Самый энергичный человекъ во всей Англій! Зажигательный, вдохновенный ораторъ. Пропагандистъ, агитаторъ. И при этомъ опытнѣйшій практикъ-дѣлецъ, великолѣпно знающій промышленный міръ. Не даромъ онъ былъ министромъ финансовъ!

У него исключительный даръ: побуждать къ работѣ, къ труду. Своей нечеловѣчески-могучей энергіей онъ заражаетъ всѣхъ. Все такъ и кипитъ и бурлитъ у него подъ рукой. Если бы не было на свѣтѣ Ллойда Джорджа, его надлежало бы выдумать! Когда онъ сдѣлался министромъ „муниципалитета“, вся нація вздохнула съ облегченіемъ: „этотъ“ выручить! „этотъ“ спасетъ!“

Ллойдъ Джорджъ принялся за работу съ необыкновеннымъ азартомъ. Онъ зажегъ энтузіазмомъ всю страну.

К. Чуковский. „Заговорили молчавшіе“.

Ллойд Джорджъ въ парламентѣ.

Въ Лондонѣ, въ Ливерпулѣ, въ Манчестерѣ, передъ огромными толпами, онъ кричалъ:

— Отечество въ опасности!

Онъ взывалъ къ патриотизму рабочихъ: откажитесь на время отъ стачекъ! Онъ взывалъ къ патриотизму

Небольшая частная фабрика въ одной изъ французскихъ провинци. Изготавливающая снаряды для орудій крупнаго калибра. Слева — инженеръ, посѣщающій фабрику въ качествѣ военнаго инспектора, слѣдящаго ежедневно за правильнымъ изготовленіемъ снарядовъ.

хозяевъ: откажитесь отъ локаутовъ, отъ слишкомъ большихъ барышей! Онъ созвалъ вождей грандіознѣйшихъ трэдъ-унионовъ, и они, подъ вліяніемъ его уговоровъ, „добровольно“ согласились отречься на время войны отъ многихъ своихъ правъ и свободъ. Фабриканты, тоже вполне „добровольно“, подчинили себя волѣ правительства.

Съ согласія и одобренія рабочихъ союзовъ, онъ устроилъ по всей странѣ рекрутскій наборъ кузнецовъ, машинистовъ, механиковъ. Если вы кузнецъ или механикъ, ступайте въ ратушу и запишитесь скорѣе въ „трудовую армію“ Ллойда Джорджа! Вамъ назначатъ отличное жалованіе и отправятъ, куда захотятъ, на любой заводъ, въ любой городъ,—туда, гдѣ вы нужнѣе всего.

Если у васъ есть семья, ей выдадутъ большое пособіе,—такое же, какъ и солдатской семьѣ. Вы становитесь на время солдатомъ, только ваше оружіе—молотъ, ваша траншея—заводъ.

А если фабрикантъ и рабочій поссорятся,—на то есть примирительная камера, гдѣ специальная судебная комиссія, созданная по инициативѣ Ллойда Джорджа, безпристрастно разберетъ, кто виноватъ, охраняя фабрики, работающія для обороны страны, отъ всякихъ катастрофъ и нечаянностей.

Тысячами такихъ изумительныхъ мѣръ Ллойдъ Джорджъ въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ всю Англію преобразилъ въ арсеналь.

Ллойда Джорджа зовутъ спасителемъ отечества и съ радостью, безпрекословно, исполняютъ малѣйшее его предложеніе, а онъ именно „предлагаетъ“, „совѣтуетъ“, „проситъ“, и никогда ничего не приказываетъ.

Вотъ одинъ изъ послѣднихъ портретовъ этого великаго дѣятеля. Это маленькій, подвижной человѣчекъ, вѣчно торопящійся, вѣчно смѣющійся. Въ русской Государственной Думѣ какой-то депутатъ воскликнулъ:

— Намъ бы хоть осьмушку Ллойда Джорджа!

Нѣтъ, и десять Ллойдовъ Джорджей не помогутъ, если между народомъ и ними будетъ нынѣшняя стѣна, бюрократіи. Ллойдъ Джорджи невозможны въ странѣ гдѣ столоначальники, протекціи, взятки...

* * *

А женщины? Неужели англичане забыли объ этомъ неисчерпаемомъ національномъ резервѣ?

Мы видѣли, что на англійскихъ оружейныхъ заводахъ издавна работаютъ женщины. Но ихъ всего пятьдесятъ тысячъ, не больше. А между тѣмъ во Франціи занято изготовленіемъ снарядовъ до пятисотъ тысячъ работницъ. Въ Германіи ихъ тоже полмилліона. Нужно поскорѣе привлечь эту грандіозную силу къ дѣлу національной защиты.

Къ тому же сами женщины настойчиво требуютъ этого.

Недавно, въ серединѣ іюля, онѣ устроили на улицахъ Лондона такую яркую эффектную манифестацію, какой Лондонъ никогда не видалъ.

Четырехсоттысячное женское воинство, съ хоругвями, знаменами, флагами отправилось къ министру Ллойдъ Джорджу требовать, чтобъ и ихъ приобщили къ работамъ по снаряженію арміи.

На этихъ знаменахъ было начертано:

— „Мы хотимъ изготовлять снаряды!“

— „Мы хотимъ защищать свою родину!“

— „Мужчины нужны на войнѣ; женщины займутъ ихъ мѣсто на фабрикѣ!“

Одно изъ такихъ знаменъ украшено было стихками:

„Если сдѣлаетъ пулю жена,
Можетъ мужа спасти она!“

Вотъ въ сарафанѣ, въ огромномъ кокошникѣ, малявинская баба—„Россія“. Въ рукахъ у нея русскій трехцвѣтный флагъ. Вотъ босикомъ и съ разорваннымъ знаменемъ, вся въ траурѣ, трагическая „Бельгія“. Но хоть и въ траурѣ, а весела ибо увѣрена въ конечной по-

бѣдѣ. За нею „Франція“, „Италія“, „Сербія“,—тоже радостныя, тоже смѣющіяся!

Процессію организовала миссъ Пенкхерстъ, знаменитая суффражистка-воительница. Къ ней примкнули герцогини, служанки, генеральши, фабричныя дѣвушки...

Ллойдъ Джорджъ принялъ депутацію дружески, поблагодарилъ за великодушный порывъ, котораго страна не забудетъ, поговорилъ о насущныхъ дѣлахъ и, взявъ съ камина какую-то милую штучку, показалъ ее собравшимся дамамъ:

— Вотъ это—артиллерійскій снарядъ. А вотъ это—очень изящная трубочка, которая нужна для снаряда. Ее-то вы и будете выдѣлывать. Кропотливыя женскія руки словно созданы для этой работы.

Ллойдъ Джорджъ не расстаётся съ этой хорошенькой бомбовой трубочкой. Онъ носитъ ее съ собой, какъ брелокъ. Недавно во время парламентской рѣчи онъ вынулъ ее изъ кармана, къ ужасу близко сидящихъ товарищей.

— Самое сложное и самое прекрасное созданіе механики... разумѣется, пока не взорвется!—рекомендовалъ онъ ее членамъ парламента

На нашемъ рисункѣ запечатлѣна эта сцена. (См. стр. 162).

Особое рвеніе къ изготовленію снарядовъ обнаружили шотландскія фабричныя дѣвушки. Самъ лордъ Китчеръ, военный министръ, отмѣтилъ ихъ заслуги передъ страной. „Передайте дѣвушкамъ, работающимъ на вашихъ заводахъ, что я высоко цѣню ихъ усердіе. Страна обязана имъ чрезвычайно. Изготавливаемые ими снаряды отличаются первоклассными качествами“.

* * *

Ни для кого не тайна, что въ началѣ войны нѣкоторыя группы британскихъ рабочихъ оставались почти равнодушными. Война была такъ далеко, они не видѣли

ея жертвъ и ужасовъ. Разказы о нѣмецкихъ жестокостяхъ казались имъ газетными выдумками. Угрозы нападенія нѣмцевъ на Англію они тоже считали фантазіей. Ихъ было меньшинство, но все же много. Конечно, къ нимъ обращались съ воззваніями, ихъ пробовали убѣждать, уговаривать, но они только пожимали плечами.

И вотъ придумали радикальное средство. Для того, чтобы они сами могли убѣдиться, правду ли имъ говорятъ, имъ предложили на нѣсколько дней съѣздить на фронтъ—посмотрѣть. Они выбрали своихъ делегатовъ, тѣ поѣхали во Фландрію, во Францію, побывали въ окопахъ, поговорили съ солдатами и вернулись съ единственной жаждой: взяться поскорѣе за работу для быстрѣйшаго снаряженія арміи.

Имъ казалось, что вся армія миллионами глотокъ взываетъ къ нимъ о немедленной помощи.

Вернувшись въ Англію, они сказали товарищамъ:

— Побѣда страны, ея жизнь и смерть зависятъ теперь отъ насъ, отъ нашихъ мозолистыхъ рукъ, и, чтобы скорѣе закончить войну, мы должны поспѣшить немедленно къ нашимъ молоткамъ и станкамъ.

Тогда же случилось другое событіе: Бенъ Тиллетъ пожелалъ посѣтить передовыя позиціи.

Кто же онъ такой, этотъ Бенъ Тиллетъ?

Секретарь могучаго Союза докеровъ, онъ пользуется въ этой средѣ очень большою популярностью. Сотни тысячъ англійскихъ рабочихъ видятъ въ немъ вождя и учителя.

Незадолго до начала войны ему случилось побывать въ Берлинѣ, и онъ увидѣлъ своими глазами, что Германія—огромная, опасная сила. Даже нѣмецкіе социалисты говорили ему:

— Война неизбѣжна. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Мы побѣдимъ непременно. Наши арміи черезъ девять часовъ послѣ начала кампаніи войдутъ побѣдносно въ Парижъ.

Съ тѣхъ поръ Бенъ Тиллетъ непрестанно взываетъ къ рабочимъ, чтобъ они кинули все, чтобъ они забыли про все, и бросились бы противъ полчищъ Вильгельма, противъ враговъ цивилизаціи и свободы.

Теперь онъ захотѣлъ самолично побывать среди британскихъ солдатъ, чтобы послѣ подѣлиться съ рабочими живыми, непосредственными впечатлѣніями и тѣмъ успѣшнѣе привлечь ихъ къ необходимымъ работамъ на армію. Военный министръ лордъ Китченеръ выразилъ ему свою живѣйшую радость по поводу его поѣздки на фронтъ. Фельдмаршалъ сэръ Джонъ Френчъ принялъ его очень сочувственно и написалъ ему сердечное письмо. Самъ Пуанкарэ, президентъ Республики, пожелалъ повидаться съ нимъ, а также генералы д'Эсперэ и Саррайль, популярные вожди французской арміи.

Бенъ Тиллетъ обратился къ англійскимъ солдатамъ, находящимся нынѣ во Франціи, съ привѣтственной ободряющей рѣчью.

Вернувшись на родину и рассказавъ о своихъ впечатлѣніяхъ, Бенъ Тиллетъ завербовалъ для британскаго воинства много новыхъ мозолистыхъ рукъ.

* * *

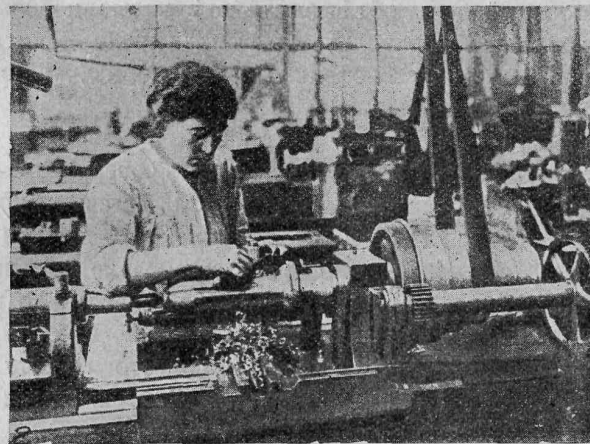
— А какъ же Франція? Чтò же она?

— Франція покуда не жалуется. Она заблаговременно приняла свои мѣры. То, чтò Англія дѣлаетъ нынче, она сдѣлала въ самомъ началѣ войны,—еще въ сентябрѣ—октябрѣ.

— Послѣдуюмъ же примѣру Франціи. Пойдемъ по ея стопамъ!—настойчиво повторяетъ Ллойдъ Джорджъ.

Франція для него—идеаль.

— Вы только подумайте,—сказалъ онъ недавно въ парламентѣ,—вѣдь главные промышленные центры республики находятся въ рукахъ у непріятеля. Семьдесятъ процентовъ ея стали и другихъ подобныхъ матеріаловъ находится въ рукахъ у непріятеля. Она мобилизовала колоссальную армію и такимъ образомъ оторвала отъ

Французскія женщины изготовляютъ снаряды.

индустріи огромную часть населенія. Къ тому же ея промышленность—не на такой высотѣ, какъ англійская. Она все еще страна земледѣльческая. И все же она создала чудеса. Ея армія снаряжена превосходно.

Когда Ллойд Джорджу понадобились указанія, совѣты, онъ отправился за ними во Францію. Тамъ его даровитый коллега, Тома, французскій министръ снаряженія арміи, подѣлился съ нимъ своимъ богато-накопленнымъ опытомъ.

Онъ рассказалъ ему, какъ всѣ до одинаго техники, инженеры, механики были отозваны съ фронта—обратно къ рабочимъ станкамъ, какъ всѣ рабочіе, прикосновенные къ горному и сталелитейному дѣлу, были мобилизованы для снаряженія арміи, какъ всѣ крупные и мелкіе заводы были реквизированы для военныхъ же надобностей, какъ въ краткій срокъ удалось обучить пятьсотъ тысячъ французскихъ женщинъ этой отвѣтственной и трудной работѣ, какъ военное вѣдомство отрядило цѣлый легионъ инженеровъ-инспекторовъ, ко-

торые каждый день объѣзжаютъ всѣ малые и большіе заводы, слѣдя за правильнымъ выполненіемъ работъ.

Вернувшись изъ поѣздки во Францію, Ллойдъ Джорджъ заявилъ съ удовольствіемъ:

— Если Франція, при настоящихъ условіяхъ, совершила столько чудесъ, значитъ, мы совершимъ еще больше! Наши техническіе ресурсы богаче. Стѣитъ намъ взяться за дѣло, и мы не только сравнимся съ Германіей, мы въ ближайшіе же нѣсколько мѣсяцевъ превзойдемъ ее во всѣхъ отношеніяхъ. Наше дѣло правое, наше дѣло святое, побѣда непремѣнно за нами, но нужно оборудовать, организовать, подготовить эту побѣду, а не ждать, что она свалится съ неба. Мы заслужили побѣду, но мы должны добиться ея!

* * *

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда работа Ллойда Джорджа наладилась, извѣстный корреспондентъ г. Діонео, имѣвшій случай объѣхать всю Англію, былъ пораженъ тѣми сказочно-огромными успѣхами, которыхъ въ такой короткій срокъ достигла страна, вдохновляемая гениальнымъ министромъ.

Въ статьѣ г. Діонео читаемъ:

„Вотъ громадный оружейный заводъ, выросшій тамъ, гдѣ въ ноябрѣ 1914 г. было еще поле. Теперь мастерскія, наполненныя усовершенствованными машинами, занимаютъ площадь въ девять десятинъ. Одно изъ отдѣлений этого завода представляетъ собой гигантскую галерею, въ которой 3.500 мужчинъ и женщинъ готовятъ ударныя трубы снарядовъ, трубы для большихъ снарядовъ, „стаканы“ и затравники... Вотъ другое отдѣленіе. Мѣсяцъ тому назадъ не была выведена еще крыша надъ нимъ, а теперь оно наполнено машинами, и тысяча человекъ изготовляетъ различныя части снарядовъ. Машины всѣ совершенно новыя и поражаютъ своимъ совершенствомъ. Часть этихъ машинъ привезена изъ Аме-

рики, но другія машины придуманы и сооружены въ Англіи уже послѣ того, какъ началась война...

У токарныхъ станковъ стоятъ женщины, обтачивающія „стаканы“. До войны онѣ были продавщицами, конторщицами, горничными. Теперь онѣ поразительно быстро приспособились къ новой работѣ. Война, уносящая „какъ вихрь въ полѣ“ жизни, дала сотнямъ тысячъ женщинъ экономическую независимость.

Мы—въ К. „Городъ трехъ колоколенъ“, какъ называли К. средневѣковые лѣтописцы (городъ былъ большимъ поселеніемъ уже въ IV вѣкѣ), теперь съ большимъ правомъ можетъ быть названъ „городомъ сотенъ оружейныхъ мастерскихъ“. За пять лѣтъ до войны въ К. было 50 тысячъ жителей, а теперь—100 тысячъ. Съ тѣхъ поръ, какъ началась война, не только старые заводы приспособлены для изготовленія боевыхъ снарядовъ, но выросли новые гигантскіе заводы, въ которыхъ десятки тысячъ „рукъ“ сверлятъ пушки, точатъ снаряды, изготовляютъ патроны и тысячи вещей, необходимыхъ англичанамъ и союзникамъ для борьбы съ германцами. И тутъ мы видимъ десятки новыхъ машинъ, придуманныхъ уже послѣ того, какъ началась война. Здѣсь можно наблюдать весь процессъ превращенія стального бревна въ Молоха, голодный ревъ котораго не укрощаютъ даже тысячи жертвъ. Въ К. изготовляются также военные автомобили всѣхъ родовъ, которые въ такомъ громадномъ количествѣ требуются теперь на фронтѣ. Наблюдатель пораженъ, когда попадаетъ на заводъ, изготовляющій такіе автомобили. Передъ нимъ—своеобразный городъ. Мы идемъ безконечными улицами, обставленными вмѣсто домовъ механическими экипажами всякаго рода. Тутъ—колоссальные фургоны для фуража, кареты для раненыхъ, платформы, автомобили въ видѣ сѣрой торпеды. Такихъ экипажей тысячи. „Городъ“ занимаетъ площадь въ нѣсколько десятинъ

Тысячи „рукъ“ изготовляютъ эти экипажи съ такой же ловкостью и быстротой, какъ „стаканы“ и ударныя

трубки. Средній заработокъ въ К. теперь—2 ф. 15 ш. въ недѣлю, при чемъ искусные рабочіе получаютъ 5 и даже 6 ф. ст. въ недѣлю *). На заводахъ въ К. изготовляются новыя изобрѣтенія, придуманныя за время войны. Тутъ требуются поэтому главнымъ образомъ очень искусные рабочіе. И опять-таки приходится поражаться тому, какъ быстро приспособляются къ такой работѣ женщины. Въ К.—нѣсколько оружейныхъ мастерскихъ, въ которыхъ работаютъ волонтеры, принесшіе родинѣ свой трудъ даромъ. Тутъ—молодые, состоятельныя женщины и мужчины, удалившіеся отъ дѣлъ. Въ особой мастерской эти волонтеры обучаются ремеслу. Объ усердіи ихъ говоритъ то, что женщины работаютъ по десяти часовъ въ день. Работа состоитъ въ обтачиваніи на станкахъ „стакановъ“ для снарядовъ. Въ мастерской этой работаютъ, въ числѣ прочихъ, сынъ и наслѣдникъ пѣра, два врача, двѣ дамы, имѣющія ренту по 500 ф. ст. въ годъ, и т. д. Въ К. насъ поражаетъ помимо всего та быстрота, съ которой небольшіе заводы и мастерскія приспособляются для военныхъ цѣлей. Вотъ, на примѣръ, мастерская, раньше изготовлявшая одну изъ спеціальностей К.—велосипеды. Въ ней—два токарныхъ станка. Мастерская быстро начинаетъ готовить вмѣсто велосипедовъ снаряды. Она работаетъ по восьми часовъ въ день. Изъ министерства снарядовъ прибываетъ телеграмма: „Не можете ли работать по 12 часовъ въ сутки?“— „У меня нѣтъ для этого достаточно стали“,—отвѣчаетъ хозяйинъ мастерской. Черезъ недѣлю мастерская имѣетъ уже вдоволь стали и работаетъ 12 часовъ. Въ . . . много часовыхъ дѣлъ мастеровъ. Теперь они готовятъ тѣ части пушечнаго механизма, которыя требуютъ необыкновенной точности... Такимъ образомъ использованы трудъ и искусство всѣхъ желающихъ работать. Въ мастерскихъ, гдѣ годъ тому назадъ стояли ряды велосипедовъ, теперь стоятъ покрытыя брезентами безконечныя шеренги сна-

*) Т.-е. около 250 рублей въ мѣсяцъ. К. Ч.

рядовъ. Тутъ „карлики“ и бронебойные гиганты, летящіе, говорятъ, на 25 миль.

Мы—въ Б., вѣчно окутанномъ черной тучей, созданной безчисленными фабричными трубами. Какъ громадные драконы, пыхтятъ гдѣ-то во мглѣ непрерывно мчащіеся паровозы да завываютъ фабричныя гудки. До войны Б. насчитывалъ сотни спеціальностей. Теперь этотъ черный городъ—одинъ колоссальный арсеналь. Скажу точнѣе: Б. теперь—самый большой арсеналь въ мірѣ. Эссенъ не можетъ сравниться съ нимъ. Большіе сталелитейныя заводы превосходятъ размѣрами эссенскіе заводы *), кромѣ того въ англійскомъ городѣ есть еще много мелкихъ заводовъ, которые всѣ теперь изготовляютъ военные снаряды какъ для Англии, такъ и для союзниковъ. Одинъ громадный заводъ занимаетъ теперь площадь въ 30 десятинъ (до войны—15 десятинъ). Фирма уже израсходовала миллионъ фунтовъ стерлинговъ на приспособленія къ новымъ условіямъ и расходуетъ теперь еще миллионъ фунтовъ стерлинговъ. До войны этотъ заводъ готовилъ только „мирныя“ вещи, а теперь—только орудія разрушенія до 15-дюймовыхъ бронебойныхъ снарядовъ включительно. На изготовленіи этихъ снарядовъ заводъ даже спеціализировался. Мы идемъ изъ одной гигантской мастерской въ другую и всюду видимъ только безконечныя ряды громадныхъ сверкающихъ снарядовъ. На этомъ заводѣ работаютъ теперь 12 тысячъ человѣкъ. Эта же фирма имѣетъ другой заводъ, гдѣ готовятъ только пушки. Тутъ работаютъ девять тысячъ человѣкъ. Чудомъ завода считаются машины въ отдѣленіи, гдѣ закаляются пушечныя „хоботы“. Мы узнаемъ, что за время войны на этомъ заводѣ сдѣланы были новыя усовершенствованія и изобрѣтенія, о которыхъ германцы узнаютъ опытно на полѣ битвы...

Отправимся въ Здѣсь былъ до войны громадный локомотивостроительный и вагоностроительный

*) Эссенъ—нѣмецкій городъ, гдѣ находятся грандіозныя заводы Круппа.

заводъ. Теперь онъ превращенъ въ арсеналь. Одно отдѣленіе завода, гдѣ работаютъ четыре тысячи „рукъ“, специализировалось на пушечныхъ станкахъ, требующихъ большой точности.

Такою же усиленную работу, какъ въ , мы наблюдаемъ и въ другихъ частяхъ Англіи. Всюду, гдѣ есть каменный уголь, города и посады превратились и превращаются въ громадныя арсеналы, работающіе для Англіи и для союзниковъ. И всюду на заводахъ творческая мысль совершенствуетъ старое и создаетъ новыя изобрѣтенія, о которыхъ не кричатъ со всѣхъ колоколенъ, какъ въ Германіи... И правительство и населеніе воспользовались сдѣланными ошибками и теперь энергично, дѣловито, настойчиво исправляютъ ихъ...“ („Рус. Вѣд.“. 1915. Ноябрь).

XVI.

ВЕЛИКОЕ ВЪ МАЛОМЪ.

— „Сѣроглазый! Только въ тебѣ моя жизнь! Безъ тебя я моментально умру“.

— „Отчего же, едва я приближаюсь къ тебѣ, между нами разверзается бездна? Или это воля судьбы?“

— „Сердце мое разобьется, если ты покинешь меня. Ты мое сокровище на вѣки вѣковъ!“

— „Я гибну, я въ омутѣ, спасенія нѣтъ. Такъ и пропаду въ одиночествѣ, если ты не протянешь мнѣ руку!“

— „Ты навѣки въ моихъ мысляхъ, въ моемъ сердцѣ!“

Откуда, изъ какого романа, эти взволнованныя безсвязныя рѣчи, этотъ пламенный шопоть любовниковъ, прерываемый слезами и лобзаніями, гдѣ-нибудь надъ рѣкой, подъ акаціей?

Ахъ, это ничуть не романъ. Это просто объявленія въ газетѣ. Они напечатаны въ лондонскомъ „Times'ѣ“ рядомъ съ другими рекламами,—о пилюляхъ, о Пирсовомъ мылѣ. Я читаю ихъ изо дня въ день: въ нихъ столько любопытнаго, милаго. Они публикуются на первой страницѣ подъ заголовкомъ „Личныя Дѣла“.

Странно видѣть, какъ человѣкъ признается въ любви передъ сотнями тысячъ свидѣтелей. Вся Англія читаетъ въ газетахъ, что какая-то бѣлокурая Мэри для него— „фіалка“ и „козочка“. Онъ оповѣщаетъ всю Англію (а заодно и Австралію, и Канаду, и Южную Африку), что вчера онъ поджидалъ ее въ паркѣ до самаго вечера, а она не пришла, обманула! И мы, всесвѣтные читатели

„Times'a“, — тысячи, миллионы человекъ, — издали ему безмолвно сочувствуемъ. Онъ ждалъ, а она не пришла! Онъ вынималъ ежеминутно часы, онъ бѣгалъ отъ скамейки къ скамейкѣ, онъ звалъ ее: „приди же! приди!“, но она не пришла, обманула!

Голодный, иззябшій, встревоженный, онъ бросился въ контору газеты и за шесть шиллинговъ, за три рубля, послалъ ей кроткій любовный укоръ:

„Милая, почему не пришла? Или ты больна? Или тебѣ помѣшали? Или разлюбила своего Агамемнона?“

Этотъ кроткій негромкій упрекъ, который онъ хотѣлъ бы чуть слышно прошептать ей наединѣ на ушко, раздается громогласно на весь міръ, несется раскатами грома черезъ моря, океаны...

Интимное, стыдливое, прячущееся вынесено на всенародныя очи!

Я всегда съ такимъ волнениемъ читаю въ „Times'ѣ“ и въ „Daily Telegraph'ѣ“:

— „Милая! Прости, позови! Меня оклеветали напрасно. Я тебѣ все объясню.“

— „Милый! Я такъ одинока, но сердце переполнено любовью.“

— „Молинетта! Напиши хоть строку. Не забывай своего Мелеандра.“

Конечно, они прикрываются вымышленными именами, столь звучными! Джекъ становится здѣсь Мелеандромъ, а простенькая Дженни—Силизеттой. Отъ этого ихъ любовь поэтичнѣе. Она приобрѣтаетъ что-то оперное. Такъ и мелькаютъ предъ нами Лючіи, Камиллы, Агамемноны. И чудится, что этотъ Мелеандръ—съ гитарою подъ бархатнымъ плащомъ, а Молинетта—цирковая наѣздница въ рыжемъ парикѣ и съ хлыстомъ... „Молинетта, напиши же хоть строчку, не забывай своего Мелеандра!“

Иногда они просто подписываются буквами, инициалами, цифрами. Влюбленные бухгалтеры, должно-быть. Странно видѣть подъ любовной запиской:

— „Твоя 110-я“.

— „Твой 112-й“.

Это звучитъ такъ чудовишно.

Конечно, никакихъ неприличностей въ этомъ отдѣлѣ не встрѣтишь. Все корректно и чинно—по-англійски. Стилъ преобладаетъ возвышенный:

— „Чѣмъ я могу доказать всю силу моей любви? Приказывайте, я согласенъ на все. Все, что захотите, я исполню“.

Но, конечно, не все же любовь. Бываютъ и другія заботы.

Сбѣжить ли болонка, пропадетъ ли кольцо, забудете ли вы зонтикъ въ трамваѣ, ваше прибѣжище здѣсь, на этомъ газетномъ столбцѣ. Попадаются и такія воззванія:

— „Молодая дама сидитъ, сложа руки, хотя имѣетъ большія способности. Проситъ посовѣтовать ей, какъ лучше употребить свое время“.

— „Я уничтожаю мозоли и выпрямляю на ногахъ кривые пальцы“.

* * *

Такъ было до войны. А теперь?

Теперь беру ту же газету, гляжу и не вѣрю глазамъ.

Невѣроятно, невысказано! Предо мной такое объявленіе:

— „Кожа.—Офицеру необходимо 3×4 вершка (человѣческой) кожи, чтобы покрыть ею рану и тѣмъ ускорить возвращеніе на войну. Самоотверженные патриоты, откликнитесь!“

Неужели это не въ бреду, не во снѣ? Нѣтъ, это самая реальная правда, и возвѣщена она въ „Times'ѣ“ отъ 28-го апрѣля. Васъ просятъ, чтобы вы ножомъ или бритвой содрали кожу у себя со спины, величиной съ носовой платокъ, и подарили нуждающемуся.

Война нагло ворвалась и сюда, въ этотъ идиллическій уголокъ, гдѣ голубями ворковали влюбленные, и все перевернула вверхъ дномъ.

К. Чуковский. „Заговорили молчавшіе“.

Мелеандръ превратился въ Томми Аткинса и сидитъ коченѣя, въ окопахъ.

— „Прощай, Молинетта! Пиши. Буду думать о тебѣ ежечасно!“

А Молинетта превратилась въ миссъ Смиссъ и, въ качествѣ сестры милосердія, „покорнѣйше проситъ читателей присылать ей кальсоны, фуфайки, носки, вязаные теплые жилеты“.

Изрѣдка изъ своей мокрой норы охрипшимъ, но неунывающимъ голосомъ Мелеандръ перекликается съ нею на томъ же газетномъ столбцѣ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы съ содроганіемъ прочтемъ (опять-таки тамъ же, въ газетѣ!), что престарѣлая мистрисъ Аткинсъ проситъ товарищей ея погибшаго сына сообщить ей по такому-то адресу всѣ подробности его доблестной смерти.

Такихъ материнскихъ просьбъ нынче неисчислимое множество. Лучше бы ихъ было поменьше!

— „Въ Дарданеллахъ безъ вѣсти пропалъ флотскій субъ-лейтенантъ Бэзилъ Смитъ. Его родителями всякое сообщеніе о немъ будетъ принято съ величайшей признательностью“, — напечатано въ „Times'ъ“ отъ 5-го августа.

— „Свѣдѣнія о капитанѣ Гарольдѣ Перира, безъ вѣсти пропавшемъ на Галлиполи, будутъ приняты съ большою благодарностью его матерью, миссисъ Перира“.

Этихъ публикацій все больше, но къ нимъ никакъ невозможно привыкнуть. Лучше бы не отзывался никто на эти материнскіе зовы. Пусть встревоженная миссисъ Перира такъ и не дождется вовѣкъ выпрашиваемыхъ ею вѣстей. Пусть останутся глухи къ разспросамъ родителей товарищи Бэзиля Смита, — и да не соблазняются они благодарностью, которую тѣ общають заранѣе!

Невольно отъ такихъ объявленій глаза убѣгають къ другимъ и нерѣдко наталкиваются на весьма эксцентричныя, почти невѣроятныя строки.

Я, напримѣръ, не безъ удивленія узналъ, что въ Англии, въ Бромли, имѣется госпиталь, основанный одними Маргаритами. Такъ и называется: „Лазаретъ Мар-

гарить“. Если вы не Маргарита, не смѣйте туда жертвовать деньги! Ихъ у васъ ни за что не возьмутъ. Казначеемъ этого милаго госпиталя состоитъ лэди Маргаретъ Кэмпбелъ, а во главѣ его — лэди Маргаретсъ. Ее хоть и не зовутъ Маргаритой; но зато ея фамилія — Маргаретсъ.

Обо всемъ этомъ я догадался по четыремъ очень мелкимъ строкамъ объявленія въ „Times“ отъ 5-го августа и, конечно, благословилъ небеса, что въ Англии такъ много Маргаритъ.

Въ томъ же номерѣ меня удивило воззваніе Собачьяго и Кошачьяго Фонда въ пользу плѣнныхъ, находящихся въ Германіи.

Одинъ лишь фоксъ-терьеръ (кличка Томъ) собралъ для этихъ узниковъ 13.000 рублей! Его хозяинъ скончался въ нѣмецкомъ плѣну, и теперь, по предложенію хозяйки-вдовы, всѣ владѣльцы кошекъ и собакъ добровольно обложили себя шестипенсовымъ налогомъ въ пользу плѣнныхъ, заключенныхъ въ Германіи.

Этотъ фондъ такъ и называется въ „Times'ъ“: „Dogs and Cats of Empire Fund or British Prisoners in Germany“.

Васъ это коробитъ, шокируетъ? Почему же это не коробитъ британцевъ, которые чиннѣе и чопорнѣе? Въдѣ цѣною такихъ эксцентричностей устроены отличнѣйшій госпиталь и купленъ для плѣнныхъ хлѣбъ. Англичане даютъ полный просторъ частной инициативѣ, находчивости, и что за бѣда, если она приметъ порою вульгарныя, грубыя формы! Никто не смѣетъ запретить человѣку быть неизящнымъ, аляповатымъ...

Какихъ только нѣтъ публикацій въ этой удивительной рубрикѣ съ самаго начала войны!

— „Если вы заика, и васъ изъ-за этого не принимаютъ въ солдаты, я бесплатно излѣчу вашъ недугъ“.

— „50.000 рублей предлагаетъ газета „Daily Mail“ за лучшій фотографическій снимокъ, относящійся къ теперешней войнѣ“.

— „Отчего въ послѣднее время безпрестанно идутъ дожди? Это плачетъ само Провидѣніе надъ кровопролитнымъ побоищемъ“.

— „Продаются германскія каски и другіе трофеи войны въ пользу увѣчныхъ и раненыхъ“ *).

Вотъ нѣсколько типичныхъ объявленій. Особенно мнѣ нравится то, гдѣ говорится объ изобильныхъ дождяхъ. Человѣка ослѣпила идея, что это слезы самого божества, плачущаго надъ людскими страданіями, и онъ не счелъ себя въ правѣ таить эту драгоценную идею отъ міра. Онъ поспѣшилъ съ этой идеей въ газету и, заплативъ шесть шиллинговъ, обнародовалъ для всеобщаго свѣдѣнія то, что ему кажется истиной.

Можетъ-быть, это смѣшно, но безъ этого міръ не имѣлъ бы ни Роберта Оуэна, ни Кобдена, ни Голіока. Здѣсь главная основа общественности. Здѣсь лишь случайно-комичныя стороны серьезнаго большаго явленія.

Если англичанину кажется, что для скорѣйшаго окончанія войны необходимо введеніе рекрутчины и упраздненіе вербовки волонтеровъ, онъ отправляется въ „Times“ и печатаетъ такую публикацію:

— „Война закончится въ шестимѣсячный срокъ, если въ Англіи тотчасъ же будетъ объявленъ всеобщій рекрутскій наборъ“. (28-го апрѣля 1915 г.).

И платитъ за это шесть шиллинговъ.

Вообще обращаться „въ газету“ со всѣми своими желаніями, нуждами, мнѣніями вошло у британца въ привычку. Нѣ къ начальству онъ всегда апеллируетъ, а къ обществу, къ народной „громадѣ“. Тамъ онъ ищетъ утолненія скорбей, искорененія всякихъ неправдъ. У насъ, въ Россіи, показались бы дикими такія, напримѣръ, объявленія:

— „Капитану (женатому) необходимы немедленно 200 рублей. Будетъ выплачивать по 30 рублей въ мѣсяць. Просить какого-нибудь щедраго патріота помочь“.

*) Объявленія, напечатанныя въ настоящей главѣ, я заимствую изъ газеты „Times“ за 14-е октября 1914 г. и 28-е апрѣля, 17-е и 18-е мая, 21-е іюня, 31-е іюля, 5-е и 6-е августа 1915 г. Нѣкоторыя взяты изъ газеты „Daily Telegraph“.

— „Офицеръ, отправляясь на фронтъ, проситъ на время войны одолжить ему мотоциклетку, дабы онъ могъ лучше выполнить свой долгъ передъ родиной“. („Times“, 28-го апрѣля).

— „Молодой джентльменъ страшно жаждетъ изучить авіаціонное дѣло, чтобъ отправиться на фронтъ военнымъ летчикомъ. Обращается къ богатымъ патріотамъ съ просьбой о денежной помощи“. („Times“, 21-го іюня).

— „Не дастъ ли кто-нибудь свой граммофонъ (вмѣстѣ съ граммофонными пластинками) для посылки выздоравливающихъ британскимъ солдатамъ на фронтъ?“

— „Жена офицера, находящагося на дѣйствительной службѣ, проситъ гостепріимныхъ людей предоставить ей въ Тидвортъ, куда командированъ ея мужъ, столъ и квартиру для нея и для дочери за самую дешевую плату“.

— „Безногій проситъ сострадательныхъ имущихъ людей дать ему необходимыя средства для пріобрѣтенія искусственной ноги“.

— „Офицеру экстренно нуженъ бинокль...“ — „Бригадиру для обученія солдатъ временно необходимъ автомобиль...“ — „Дачка надъ рѣкою нужна раненому, любящему рыбную ловлю“.

Такихъ объявленій—безъ счета, и, конечно, порою за ними скрывается немало попрошайекъ и пройдохъ. Безъ этого не обойтись никогда. Но самая основа—отличная. Взаимопомощь, міровое сотрудничество, всемірное содружество людей! „Громада“ выручить, „громада“ поддержитъ; только попроси,— она дастъ! И бѣдный капитанъ непременно получитъ вожелѣнные двѣсти рублей; и его товарищъ непременно помчится на фронтъ на подаренной чужой мотоциклеткѣ. И тотъ раненый,— сколько наловить форелей, живя надъ рѣкой, въ чужой дачѣ. Намъ, русскимъ, было бы конфузно просить чрезъ газету, чтобы кто-нибудь далъ намъ бинокль или заплатилъ за насъ долгъ, но это просто непривычка къ публичности. Тотъ молодой человѣкъ, что хочетъ научиться летать, — если бы онъ не былъ англичаниномъ, искалъ бы

повсюду протекции, рекомендательных писемъ, кланялся, обивалъ бы пороги, и, можетъ-быть, нашелъ бы „благодѣтеля“... къ самому окончанію войны. Не лучше ли обратиться въ газету—къ тысячамъ невѣдомыхъ людей!

Люди выручатъ, люди помогутъ. Такія просьбы не остаются безъ отклика. На томъ же газетномъ столбцѣ множество такихъ публикацій, гдѣ выражено желаніе помочь.

— „Пожилой джентльменъ сорока семи лѣтъ хотѣлъ бы оказать финансовую помощь какому-нибудь неимущему юношѣ, который изъ-за запутанныхъ денежныхъ дѣлъ не можетъ итти на войну“.

— „Я служилъ въ банкѣ. Теперь живу на покоѣ. Миѣ пятьдесятъ три года. Я готовъ на все время войны замѣнять безвозмездно на службѣ какого-нибудь молодого конторщика, желающаго итти въ добровольцы“.

Облегчить бы кому-нибудь бремя войны!—такая забота высказывается во множествѣ подобныхъ объявленій.

Ласковыя, щедрыя руки такъ и простираются сами.

— „Двадцатилѣтняя дочь адвоката хотѣла бы работать безъ жалованья въ какомъ-нибудь не лондонскомъ госпиталѣ“.

— „Дама желала бы принять къ себѣ въ домъ и воспитывать съ собственной дочерью малолѣтнюю дочь офицера, павшаго на полѣ сраженія“.

Не только общества, организаціи, союзы, но и отдѣльныя личности стремятся какъ-нибудь помочь, услужить мученикамъ и жертвамъ войны.

Не даромъ у такихъ объявленій заголовокъ „Личныя Дѣла“.

* * *

— „Безплатно. Дама, живущая въ Лондонѣ, предлагаетъ бельгійской бѣженкѣ (съ однимъ малолѣтнимъ ребенкомъ) меблированную комнату и столъ“.

— „Комнату и столъ на все время войны предлагаю интеллигентной бельгійской семьѣ“.

Это печаталось въ тѣ черные дни, когда прогнанные отъ родныхъ очаговъ тысячи бельгійскихъ семействъ хлынули испуганными толпами въ Англію—искать утѣшенія и крова. Тогда на этомъ газетномъ столбцѣ безпрестанно велась переключка:

— „Гдѣ Атуръ?“

— „Пріѣхалъ ли Ренэ?“

— „Няня и дѣти благополучно пріѣхали въ Лондонъ“.

— „Прибывшій изъ Брюсселя Пьеръ Оливье находится въ добромъ здоровьѣ“.

Люди аукались въ многомилліонной столицѣ, переключались, какъ въ маленькой рощѣ.—„Гдѣ Маріанна?“—„Я здѣсь“.—„Не забыла ли ты кошелекъ?“

Устраивались на чужбинѣ, какъ дома, ибо чужбина приняла ихъ такъ нѣжно, съ такимъ экзальтированнымъ, щедрымъ радушіемъ, какого и нельзя было ждать отъ „угрюмой и непривѣтливой“ Англіи.

Какъ великолѣпно почувствовали себя бездомные, безпріютные люди на этой гостепріимной чужбинѣ, видно хотя бы изъ такихъ объявленій, которыя пестрѣли въ то время подъ заголовкомъ „Личныя Дѣла“.

— „Двѣ интеллигентныя бельгійскія дѣвушки просятъ одолжить имъ до такого-то срока два дамскіе велосипеда. Возвратятъ съ благодарностью въ цѣлости“.

Или:

— „Не дастъ ли какая-нибудь добрая лэди разоренной войною старухѣ-бельгійкѣ, только-что прибывшей изъ Антверпена, зеркало и старую кровать?“

Я увѣренъ, что эта старая женщина получила цѣлую сотню зеркалъ,—маленькихъ, большихъ, четырехугольныхъ, овальныхъ!—такъ широко были отверсты въ ту пору сердца англичанъ къ героямъ-страдальцамъ-союзникамъ.

Въ то время стоило только сказать: „я бельгіецъ“, чтобы къ тебѣ протянулись дающія добрыя руки.

Любопытно слѣдить, какъ на этихъ „Личныхъ Дѣлахъ“, часто такихъ маленькихъ, мелкихъ, отражаются міровыя событія.

Когда нѣмцы потопили „Лузитанію“, я только и читалъ на столбцѣ объявленій такія жуткія однообразныя строки:

— „Спасшіся пассажиры „Лузитаніи“! Не видалъ ли кто изъ васъ мистера Линдона Бэтса? Утонулъ ли онъ, живъ ли, сообщите!“

— „Кто изъ спасшихся пассажировъ „Лузитаніи“ можетъ описать, какъ погибъ мистеръ В. Бродвинъ Клоэтъ? Видѣвшіе его въ день катастрофы благоволятъ сообщить всѣ подробности его вдовѣ, живущей тамъ-то и тамъ-то“.

Конечно, тутъ же примостилась реклама о какихъ-то спасагельныхъ жилетахъ изъ пробки, которые за дешевую плату можно купить на квартирѣ у нѣкоего мистера Гайвса. „Спросите бывшихъ пассажировъ „Лузитаніи“. Только эти жилеты сохранили имъ жизнь“.

Злодѣйская расправа съ „Лузитаніей“ такъ разъярила всю Англію, что живущіе тамъ Шульцы и Шмидты почувствовали себя не совсѣмъ хорошо. Ихъ нѣмецкія фамиліи сдѣлались каиновой печатью, проклятьемъ. Всѣ сторонились ихъ, какъ зачумленныхъ, видя въ нихъ моральныхъ соучастниковъ этого морского разбоя. И вотъ, чуть только потонула „Лузитанія“, они стали публично отрещиваться отъ своихъ непопулярныхъ именъ.

На газетной страницѣ, какъ въ зеркалѣ, появились испуганныя фیزیоміи Шульцевъ, которые съ безумной поспѣшностью гримировались Джонами Буллями.

Герръ Краусъ заявляетъ въ газетѣ, что отнынѣ онъ мистеръ Кроссъ. Герръ Вайсъ превращается въ мистера Уайза. Герръ Бергтейль, съ изволенія властей, заявляетъ, что отнынѣ онъ будетъ Берклеемъ и сочтетъ для себя оскорбленіемъ, если кто назоветъ его иначе. Филиппъ Шидровитцъ спѣшитъ заявить, — тоже путемъ публикаціи, — что всѣ его симпатіи съ дѣтства на сторонѣ англичанъ.

— „Я, Юсифъ Мельцеръ, принявшій британское подданство, отказываюсь отъ моей прежней фамиліи и буду съ нынѣшняго дня называться только Джозефомъ Мельтономъ“.

Такъ неожиданно и странно отразилась въ нашемъ

удивительномъ зеркальцѣ гибель парохода „Лузитанія“! Зеркальце кривое и маленькое, но до чего любопытно слѣдить, какъ въ этомъ крошечномъ стеклышкѣ отражаются прихотливымъ узоромъ грандіозныя катастрофы и бѣдствія. Событія теперь такъ колоссальны, во всемъ такой необъятный масштабъ, что забываешь объ отдѣльныхъ человѣчкахъ, объ отдѣльныхъ человѣческихъ жизняхъ, и видишь только миллионноголовыя полчища, только широчайшія перспективы и дали. Отдѣльный человѣкъ почти исчезъ, и вмѣсто него на аренѣ исторіи дѣйствуютъ какія-то многоликія, безликія силы. Все стало массовымъ, хоровымъ, гуртовымъ. Мы не умѣемъ теперь говорить объ „отдѣльныхъ“ англичанахъ, французахъ, мы говоримъ отвлеченно: „Англія“, „Франція“, „Бельгія“. И потому-то меня потянуло заглянуть на минуту въ тотъ уголокъ, въ тотъ маленькій укромный закоулокъ, гдѣ такіе разнообразныя, несхожіе люди говорятъ о своихъ разнообразныхъ, несхожихъ заботахъ. Меня привлекъ этотъ странный, нынѣ столь рѣдкостный заголовокъ: „Личныя Дѣла“, — дѣла маленькихъ Джонсовъ и Джонсоновъ, и я съ волненіемъ сталъ наблюдать, какъ въ этихъ „личныхъ дѣлахъ“ отражается Вселенское Дѣло.

А жизнь не остановилась, идетъ, — и поцѣлуи попрежнему сладостны, и попрежнему благоуханны цвѣты. Попрежнему на этой интимной страничкѣ, забрызганной человѣческой кровью, появляются (такъ рѣдко, такъ робко) любовныя поэтичныя строки:

— „Аврикій, я получила и твое письмо и сонеты. Отдала бы всю жизнь, чтобы увидѣть тебя“.

Это напечатано въ „Times'ъ“ отъ 6-го августа минувшаго года.

Сонеты! Онъ написалъ ей сонеты! Онъ воспѣвалъ свою Прекрасную Даму въ сонетахъ, когда весь Альбіонъ говорилъ о Дарданелльскихъ фортахъ, объ Аргонахъ!

Озаренный всемірнымъ пожаромъ, Петрарка, какъ и прежде, — Петрарка, хотя его и зовутъ Томми Аткинсъ.

К. Чуковский. „Заговорили молчавшіе“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Отъ автора	3
I. Солдатскія письма	5
II. Русскія письма и англійскія.	10
III. Навстрѣчу врагу.	19
IV. Дѣти и женщины.	31
V. Англійскіе солдаты о врагѣ.	37
VI. Набѣгъ на Гельголандскую бухту.	48
VII. Битва подъ Монсомъ	60
VIII. Юмористы.—Спортсмены	72
IX. „Мы“	85
X. „Въ чѣловѣцѣхъ благоволеніе“	91
XI. Событія послѣдняго времени	106
XII. Два письма	125
XIII. Гимны Ненависти и Гимны Любви	129
XIV. Какъ въ Англии вербуютъ добровольцевъ	141
XV. „Снарядовъ! Снарядовъ! Снарядовъ!“	152
XVI. Великое въ маломъ.	175

Новыя изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

**ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА
СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКАГО и ЮЖНАГО
ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ**

(Россия, Франція, Англія, Бельгія, Сербія, Черногорія, Австро-Венгрія, Германія, Турція, Италия, Греція, Болгарія, Румынія, Албанія и Швейцарія).

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (болѣе 18.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія. Въ 6 красокъ. Размѣръ 112×134 сант., въ масшт. 50 верстъ въ дюймъ.

Подъ редакціей проф. **Ю. М. Шокальскаго.**

ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ **ДВА** РУБЛЯ.

**СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА
ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА
ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ**

(Россия, Великобританія, Италия, Турція, Румынія, Греція, Болгарія и Персія).

Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи и 3) Босфорскій проливъ.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія. Въ 6 красокъ. Размѣръ 82×134 сант., въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймъ.

Подъ редакціей проф. **Ю. М. Шокальскаго.**

ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ **ДВА** РУБЛЯ.

**СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА
ФРАНЦУЗСКО-ГЕРМАНСКАГО ТЕАТРА
ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ**

(Франція, Вельгія, Люксембургъ, Нидерланды и Германія).

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 9.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія. Въ масштабѣ 1:1.000.000 (около 24 верстъ въ дюймъ).

Подъ редакціей проф. **Ю. М. Шокальскаго.**

ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ **ОДИНЪ** РУБЛЬ.

1-
46970
Новыя изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, въ Петроградѣ.

К. ШУМСКІЙ.

ОЧЕРКИ МІРОВОЙ ВОЙНЫ

НА СУШЬ И НА МОРЬ.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

:::: НА ГЛАВНЫХЪ ТЕАТРАХЪ ::::

СЪ ЧЕРТЕЖАМИ И РИСУНКАМИ

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія книга признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, равно какъ бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читаленъ.
(Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., январь 1916 г.).

Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 1 руб. 75 коп.

В. В. Муйжель.

...СЪ ЖЕЛѢЗОМЪ ВЪ РУКАХЪ

СЪ КРЕСТОМЪ ВЪ СЕРДЦѢ

(на восточно-прусскомъ фронтѣ).

СЪ РИСУНКАМИ.

СОДЕРЖАНІЕ: Отступленіе или бѣгство? Плѣнные и павшіе. Въ пути. Подъ Ловичемъ. Послѣ боя. Стихія войны. Безъ выхода. Сюрпризъ. Странные города. Мелочи войны. Вторая волна. О геройствѣ. Ненужныя жертвы. Ночная атака. Передъ переломомъ. Подъ крестъ. Чужая боль (раненные). Земцы и война. Свѣтлыя души. Незамѣтные помощники. Памяти павшихъ (статья первая). Лыкъ и Маркграбово. Памяти павшихъ (статья вторая). Чудо.

Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Требованія и деньги просятъ адресовать въ Контору изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, 22. Изданія эти имѣются также въ продажѣ въ конторѣ И. И. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ книжки магазинахъ „Образованіе“ въ Одессѣ (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

